

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

П О М Н О Г И М Ъ

РОССІЙСКАМЪ ГУБЕРНІЯМЪ

1 8 2 0.

П Е Т Р О Г Р А Д Ъ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКАГО ВОСПИ-
ТАТЕЛЬНОГО ДОМА. 1828 ГОДА.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

по

МНОГИМЪ РОССІЙСКИМЪ ГУБЕРНІАМЪ.

1820.

СТАТСКАГО СОВѢТНИКА

Г АВ Р І И Л А Г Е Р А К О В А.

~~~~~  
Хоть добрымъ словомъ подареше,  
Я славы громкой не ищу.  
~~~~~

П Е Т Р О Г Р А Д Ъ,

въ Типографіи ИМПЕРАТОРСКАГО Воспитат. Дома.

1828.

W1D-2C

DK

25

. G47

✓

Позволено печатать,

съ шѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Главный Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ на основаніи узаконеній. — С. Петербургъ, 20 Іюня 1827 года.

*Цензоръ Надв. Сов. и Кавалеръ
П. Гаевскій.*

NDEA

ПОСВЯЩАЕТСЯ
СЕЙ ТРУДЪ
ПОЧТЕННѢЙШЕМУ,
НѢЖНѢЙШЕМУ ПОЛУ.

Милостивыя Государыни!

Вамъ посвящаю пухевыя мои записки, пошому единспвенно, что съ юныхъ лѣтъ и донинѣ всегда удался сколько возможно общесства мушнинъ, и ежели имѣю какія-нибудь добрыя качесства, маленькія свѣденія, то бесѣда ваша шому причиною, и — на вопросъ, почему я предпочитаю собранія благородно - мыслящаго нѣжнаго пола? — ошвѣчаю:

При нихъ нельзя въ словахъ забыться,
При нихъ не смѣю глупымъ быть;
Имъ долженъ сердцемъ покориться,
Чшобъ шѣмъ ушѣхи находить.

Нашедъ и радость и утѣхи
Въ невинныхъ, Ангельскихъ душахъ,
Вкушашъ я буду безъ помѣхи
Покой и въ бѣдныхъ шалашахъ.

И такъ удостойте, прекрасныя
сердцами, благосклоннаго вашего
членія, непріуготовленные пруды
мон; пускай кришка вооружится,
я равнодушенъ къ оной; ваша еди-
ная улыбка, ваше одобреніе, и — я
доволенъ и счастливъ!

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Съ молодыхъ лѣтъ, веду ежедневныя записки: гдѣ былъ, что дѣлалъ, чему выучился, доволенъ ли ближними, доволенъ ли собою, въ мирѣ ли съ совѣстію своею и проч.; — въ такомъ почти видѣ представляю душевыя свои записки благосклоннымъ читателямъ, съ присовокупленіемъ къ предисловію краткой жизни Зоила.

„Зоиль родился въ Амфиполь, Ора-
„кійскомъ городѣ; краснорѣчіемъ за-
„нимаясь, *сытъ былъ*; но — желая себя
„прославишь и обогатишь, написалъ
„кришику на Исократовы (*) сочи-

(*) Кто не знаетъ сего славнаго вишію, добродѣтельнаго Аѣцяннина, друга Сократова, истиннаго сына отечества? Кончина его доказываетъ чувствительнаго чловѣка; имѣя уже 98 лѣтъ, узнавъ, что Филиппъ, Царь Македонскій, разбилъ Аѣинянъ при Херонѣ, съ печали на четвертый день скончался, за 338 лѣтъ до Р. Х.

„ненія и на безсмершныя шворенія
„Омировы, называя себя бичемъ ихъ.
„За 270 лѣтъ до Р. Х. изъ Македо-
„ніи прибывъ въ Александрію, по-
„казывалъ свою крипику на Иліаду
„всѣмъ, наконецъ поднесъ оную Пшо-
„ломею, прося за оную награды; ибо
„умиралъ съ голоду. Пшоломей, при-
„нявъ съ неудовольствіемъ, велѣлъ
„сказать ему: Омиръ, умершій за
„1,000 лѣтъ, кормилъ и кормилъ
„многія штысячи людей; Зоилъ же,
„хвально, что болѣе имѣешь доспо-
„ишнвъ Омира, пусть прокормишь
„хотя самого себя. — Ишторія го-
„воришь, что сей саширикъ - кри-
„пикъ имѣлъ бѣдсшвенную кончину:
„одни пишущъ, что Пшоломей ве-
„лѣлъ его распяиъ; другіе увѣряющъ,
„что онъ побилъ каменьями; шре-
„шны ушверждающъ, что въ Смирнѣ
„сожжень живой.“ — Зоилы нашихъ
временъ! бойшесь учасши собраша
своего.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

П О Р О С С И И.

1 8 2 0.

Юня 2-го числа.

Пелопонисъ родина отца моего, Коншанпинополъ колыбель матери моей, а я родясь 1775 года въ Москвѣ, въ пеленахъ привезенъ въ С. Пешербургъ, до семи лѣтъ находился въ родишельскомъ домѣ, въ сіи юнѣя лѣта лишаюсь отца, по Высочайшему указу съ спаршимъ братомъ опредѣленъ въ бывшій Греческій корпусъ, кадетомъ, гдѣ и воспитанъ щедропами Великой Екатерины II, подъ надзоромъ единственнаго *Рускаго Дворянства*; по волѣ Ея, служилъ нѣсколько мѣсяцовъ въ Балтійскомъ флотѣ, на корабль Максимъ Исповѣдникъ, и съ 1790 года до 45 лѣтъ возраста ни шагу изъ Пешрова Града, занимаясь образованіемъ себя и другихъ, попеченіемъ о кровныхъ, службою военною, ученою и гражданскою. 1820 года прозбы и прозь-

бы молодаго Рускаго Дворянина Г. В. Д., убѣжденія многихъ, рѣшили меня согласиться, оставить спокойствіе единообразной жизни, забыть привычки свои и пуститься въ дальное путешествіе по Россіи; тѣмъ болѣе я долженъ былъ согласиться, что хорошо воспитанный молодой человѣкъ, въ обязанность поставилъ себя, покоить, лелеять меня во всю дорогу. И такъ съ упованіемъ на Бога, сопровождаемый благословеніями родившей меня восмидесятилѣтней, почтеннѣйшей изъ женщинъ и всѣхъ честныхъ людей обоего пола, оставя друзей и пріятелей, выѣхалъ 2-го Іюня 1820 въ шесть часовъ утра изъ прекраснѣйшаго города, столицы благословеннаго Государя великаго народа. Какой-то тяжелый камень лежалъ на груди моей, и какое-то мрачное молчаніе не прерывалось до второй станціи *Мурзинки* по Шлиссельбургской дорогѣ; лошади мчали, коляска капилась быспро, пыль носилась за нами, ямщикъ, хопя и молодець, оплошалъ, наѣхалъ на перилы, коляска на боку, шашится . . . мигъ, всѣ полетѣли, охаюшь, — вскочили; я будто пробудился опъ объявшей меня думы; шоварищъ мой ушибся до крови выше виска. Богъ сохранилъ его, какъ и всѣхъ насъ; егеръ

съ козель съ кучеромъ больнѣе спирадали
вашъ покорный слуга, подобно душинкѣ,
грудью упалъ на большой клокъ сѣна, од-
нако лѣвая рука, съ мѣсяць была синева-
та; хлопотня поднявъ коляску, кошпоя
опъ сильнаго удару нѣсколько подалась
въ лѣво; крестьяне сбѣжались; я споя на
новомъ роковомъ мосту, облокопаясь объ-
ими руками о перилы, думалъ про себя: что
тебѣ сдѣлалось, для чего ты поѣхалъ,
что за прихоти, видѣшь другихъ и себя
показать? и когда? въ сорокъ пять лѣтъ
безъ выѣзду, имѣя только книжное поняшье
о почтовой ѣздѣ, о дорогахъ; не ворошишь-
ся ли! вѣдь до Тифлиса далеко! Такъ думая
покраснѣлъ. Какъ! кто-то шепнулъ мнѣ
на ухо, ты написавшій *твердость духа*
Рускихъ, не имѣешь самъ, сполько швер-
доспи, чтобы объѣхалъ часть Россіи!
Имѣю, опивчалъ самъ себя. Между тѣмъ,
добрыми крестьянами коляска поднята,
сѣли и поѣхали; въ часъ по полуночи бы-
ли уже въ Шлиссельбургѣ. Продолжая ѣзду
по берегу Ладожскаго канала, благоговѣя
вспоминалъ Петра Великаго, кошпорый
симъ каналомъ много душъ сохранилъ и
сохраняешь; прежде Ладожское Озеро мно-
го поглощало, людей и грузу. Правдою
руководясь, долженъ сказать: что дороги

одна другой хуже, мосты еще дурнѣе, ямщики молодцы, лошади хороши. Утверждаютъ что весь каналъ наполненъ барками съ грузомъ, и вообще одна опъ другой въ пяши или шести саженьяхъ, а не прогаются: что сему причиною? вода ли? люди ли? или что другое? не мое дѣло допытываться.

3-го Іюня въ семь часовъ по полудни, по ужасно дурной дорогѣ, съ дождемъ, доѣхали до Тифина, и по словамъ предъидущаго смотрителя почтъ, пристали въ монастырь. Не должно внимать, большею частію расказамъ смотрителей: часно путешественникъ не по находишь, о чемъ ему говорили. Приказавъ своему повару приготовить обѣдъ, пошли въ церковь, ошпѣли съ должною чиностію благодарственный молебенъ о сохраненіи родившихъ насъ, друзей и пріятелей.

Что сказать о Монастырь? богатъ и хорошъ, особенно церковь. Архимандрита не заспали, — изъ Монаховъ одинъ благообразный Мартирій, которъ спавиль свѣчи, и продалъ по прошенію нашему, описаніе Тихвинской Богоматери, обрапилъ мое вниманіе: и глаголь и пошупъ и скромность, все показывается ошпельника, принявшаго душою въ живѣ Ан-

гельскій образъ; по распросамъ моимъ, отвѣчали всѣ Монахи: Марширій примѣръ благоправія, только и знаетъ келью свою и церковь; въ десять лѣтъ до воровъ монастырскихъ не доходилъ; пожелавъ благочестивому иноку здравія и пвердо́сти, вошли въ церковь женскаго Монастыря, и видѣли истинное благочиніе; — показывали ризницу, хороша, и все въ оплчнмъ порядкѣ. Монахини одна другой скромнѣе, разговоръ крошкой, умный и душъ пріятный; съ благодарностію вышли просія изъяснивъ наше почтеніе больной Игуменѣ, которую передъ пріѣздомъ нашимъ соборовали; она ждетъ смерти, какъ послѣдней ошрады оплчнй жизни своей: такъ ѿ ней всѣ относились.

Въ Тихвинскомъ женскомъ Монастырѣ, въ особомъ отдѣленіи, стоить богатая гробница, съ пѣломъ Царицы Даріи Алексѣевны, Супруги Царя Іоанна Васильевича Грознаго и племянницы ея Леониды Александровны Княжны Долгорукой.

Въ 8-мъ часовъ, обѣдали и ужинали все почти свое; но за сѣно, ночлеги, хлѣбъ и сливки, заплашили очень дорого.

4-го Іюня рано выѣхали изъ Тихвина; три спанціи, ужаснѣйшая дорога и плохіе мосты; да не приведетъ Богъ ѣхашь

ни одному доброму человѣку, развѣ замѣмъ за наказаніе. Но матеріалы уже заготовлены.

Слобода Соминская прекрасна; на рѣкѣ Соминѣ видно, что жилиши торговцы, чисны вообще; а женщины живы, не дурны и привѣтливы, ни одной шляпки, ни чепчика.

5-го Іюня, въ ѣздѣ, шолько останавливались въ *Устюгѣ*, въ дурномъ пракиширѣ обѣдали, за шо дорого заплашили; — опряиштво и здѣсь замѣнили особенно въ женскомъ полѣ.

6-го Іюня, Воскресенье, въ десять часовъ въ *Мологѣ*. Все дышешъ Рускимъ: идущъ къ обѣдин въ нарядахъ, нарядахъ Рускихъ: описъ какъ, не сказали, нѣжный полъ былъ румянъ, прекрасенъ. Перемѣни лошадей, пуспились, и въ *Рыбинскѣ*. Любезношцію передоваго, остановились не въ часиномъ домѣ, а въ Рускомъ пракиширѣ, гдѣ при всемъ нашемъ, исключая сперлидки крошечной и дурной ботвины, ужаснѣйшій счешъ поданъ и заплаченъ; точно по Парижски; не берутъ а дерущъ. *Рыбинскъ* городъ живой: все кипишъ, говоришъ, разсуждаешъ, иначе бышъ нельзя, судовъ множеснво, и вошъ кормилица *С. Петербурга*. Въ даль не вхожу, а чинов-

ники живутъ и хорошо и гостепріимны; шутъ ужъ видны и шляпки и шурецкія шали, и прочіе наряды. По улицамъ, инья ходящъ, другія гуляють, въ кружку споящъ, прохожихъ оглядываютъ, замѣняя новое лицо, поклоняся: *еще грубость иноземная не достигла сего города, слава Богу.*

Голова Рыбинска, купецъ Поповъ, богаче всѣхъ, умиѣ и скромнѣе, по сердцу пришелъ мнѣ, весело учись не у надунаго, каковы большею часпію иноземные просвѣпишели, только пылъ въ глаза бросають. Поповъ на мои слова, что при богатствѣ города стыдно видѣшь деревянную набережную, отвѣчалъ: естли бы Государь Императоръ приказалъ брать по денежкѣ съ куля привознаго, то въ самой скорости, вся набережная была бы каменная; однако городъ имѣетъ прекрасныя церкви, биржу, и болѣе ста пятидесяти каменныхъ домовъ; уславъ, сѣли и поѣхали. Дорогою пили кофій въ четвертомъ часу ушра, у смотрителей почтъ. Иные живутъ чистю, и можно кое-что доспать, а иные, — войпи нельзя.

7-го Іюня, чрезъ Ярославль и Ростовъ пріѣхали въ три часа по полудни въ деревню шоварища моего, Богородиц-

кое. — Нѣшъ словъ описать радости крестьянъ, увидя своего барина въ первой разъ, и нѣшъ словъ пересказать, видя чинушу мужиковъ, бабъ, дѣвокъ и дѣтей, счастье и довольство на лицѣ у всѣхъ; какъ весело встрѣчать въ низкой долѣ прямое веселіе и должную признательность къ своему доброму помѣщику. Вошедъ въ барской домъ, въ кошпоромъ Золѣшъ никто не жилъ, а все въ порядкѣ, можно замѣшить что шущъ жиеали Бояре: какія ален, пруды, сады, багашество крестьянъ! Все возвъщаенъ хорошее управление. Послѣ многихъ посѣщеній, хлѣба и соли и душевныхъ разговоровъ, въ девятомъ часу обѣдали, и вскорѣ упомянутые предались сладкому сну, въ замкѣ огромномъ, гдѣ шридцать лѣшъ ни кшо не ночеваль; *сидшно*, однако я пересмопрѣлъ двери, замки, хорошенько пришворилъ; ошторожность вездѣ нужна, хошя среди добрыхъ поселянъ.

8-го Іюня. Шесписуточная ѣзда, молніи, громъ, проливные дожди, холодъ, не причинили новичку, миѣ, ни какого вреда; маленькой флюсь, насморкъ, при выѣздѣ изъ С. Пешербурга; шеперь здоровъ. Были у обѣдин, послѣ кшорой молебень, Священникъ молодой человекъ,

чишаль проповѣдь о повиновеніи Начальству и урокъ Господину; дай Богъ, чѣшбъ и въ столицахъ шакъ говорили. Обѣзжали другія деревни, принадлежащія моему шоварищу, и слезы радости встрѣчали и провожали. Баня Руская горячая и купанье, обѣдь и ночлеги въ селѣ же Богородицкомъ.

9-го Іюня. Деревни собрались; пѣсни, пляски выпроводили насъ двѣнадцать верстѣ, какъ будишо въ шоржествѣ; въ 8-мъ часовъ по полудни ошпановились въ Ярославль у купца Ѳедора Аванасьевича Москопильникова; человекъ умный, лѣтъ 75-ти, былъ нѣсколько разъ Городскимъ головою. Въ 10-ть часовъ прислалъ просишь къ себѣ Губернашоръ Александръ Михайловичъ Безобразовъ; онъ шакъ же гощепримный, какъ и въ столицѣ; имъ и супругою его Анною Ѳеодоровною, прелешною по душѣ и наружности, не могу нахвалишься; часъ времени побесѣдовавъ, возвращилсѣ къ своему шоварищу, и воздавъ благодареніе Богу, бросилсѣ на свѣжее сѣно, заснулъ.

10-го Іюня. Въ седьмомъ часу, пошли ходишь по городу: оченъ чишъ и хорошъ сѣ мосшовой; сорокъ чешыре цер-

кви каменныя, одна другой лучше, (*) въ спаринномъ вкусѣ, что и придаетъ величіе, особенно, что снутри и снаружи съ верху до низу разрисованы. Я заходилъ къ стоящему здѣсь Дивизіонному Генералу Н. М. Сипягину, которой годъ тому назадъ сдѣлалъ мнѣ услугу, да и кому онъ не радъ дѣлать пріятности? Въ 12 часовъ, по приглашенію Москопильникова, въ его древней покойной коляскѣ, вмѣстѣ съ нимъ были въ сумасшедшемъ домѣ. Какъ больно, видѣть себѣ подобныхъ, въ такомъ жалкомъ положеніи, но должно посѣщать сіи дома, дабы смиряться. Кто изъ смертныхъ можетъ сказать, что чрезъ часъ, и менѣе, не постигнешь его сіе горестное несчастіе? Тупъ одна дѣвица оставила во мнѣ сильное впечатлѣніе. Болѣе четверти часа, я смотрѣлъ на нее: шло и глаза какъ бы оцѣпенѣли, горестъ и равнодушіе видны на блѣдномъ правильномъ лицѣ ея; другіе и другія смѣялись, будто счастливые: какое ужасное счастье! Отворопился, чтобъ утереть слезы; въ цѣпяхъ, не хотѣлъ видѣть. Боже сохрани и помилуй! лучше дай смерть, нежели лишишься ума, се

(*) А по словамъ жителей Ярославля болѣе шестидесяти церквей, большихъ и малыхъ.

единный неоцѣненный даръ Творца, чѣмъ человекъ различаетъ зло отъ добра. Были въ больницахъ, въ рабочемъ домѣ; вездѣ чисто и хорошо, но въ домѣ незаконнорожденныхъ чрезвычайно чисто и опрятно, и дѣти здоровы, сколькихъ видѣлъ. Въ часъ дома, писали письма. Обѣдали у Губернатора и вмѣстѣ съ нимъ въ Сиротскомъ домѣ, учрежденномъ покойнымъ Мельгуновымъ, возобновленномъ и въ возможный порядокъ приведенномъ бывшимъ Губернаторомъ Полиповскимъ, такъ говорилъ Ал. Мих. Безобразовъ; шутя воспитанники читали свои сочиненія въ прозѣ и стихахъ. Прилагаю одну басню, сочиненную шринадцати-лѣтнимъ воспитанникомъ Павломъ Анисимевымъ.

У Ч Е Н Ы Й В О Л К Ъ.

Когда развратъ звѣрей противень Зевсу спалъ,
То онъ за то на нихъ смертъ съ голодомъ послалъ.
Тогда и Левъ и Барсъ съ поникшею главою
Внимали съ ужасомъ болѣзненному вою,
На силу ноги волкъ ошъ голоду таскалъ
И пищу себя онъ больше не ласкалъ.
Чѣмъ буду, думалъ онъ питаться
За что могу теперь приняться?
Нѣтъ силъ ловить овецъ,
Пришолъ знать мой конецъ!
Въ бѣдѣ такой весь умъ волкъ собралъ свой,

Придумалъ и — приобрелъ кой-какъ къ жрецу сми-
ренно

И съ постной рожею просить спалъ умиленно.
Возмись, святой отецъ, добру меня учить,
Злымъ хищникомъ ужъ мнѣ противно стало жить.
Да сердца и ума благое просвѣщеніе
Отклоняетъ отъ меня небесъ правдивыхъ мщеніе,
Хочу я истину какъ добрымъ быть узнать
И болѣе впередъ грѣшить не начинать.

Жрецъ добрый удивился

Что волкъ перемѣнился,

И плакъ не мѣшкаяши его до сыта накормилъ
И съ радостью пошомъ за книгу посадилъ;
Разинувъ волчью пасть завылъ а, а! нашъ волкъ.

Жрецъ радъ былъ, видя шолкъ;

Другую букву задаетъ.

Трудишься волкъ; кривляетъ рошъ,
Поипъ градомъ съ волка льется
Но бе, подъ ладъ ему ни мало не дается,

Однакожь бился, бился

И бе, произноситъ онъ твердо научился,
И повторять ее безъ затрудненія могъ,
Жрецъ дальше, а злодѣй со встѣхъ скорѣ ногъ
Въ лѣсъ лыжи навострилъ и въ ремесло пустился
Въ кустахъ близь ручейка покойно поселился,

И тамъ богато жилъ

И безъ труда овецъ душилъ.

Лишь только свой урокъ бе бе, онъ протвердитъ

Тотъ часъ барашекъ и бѣжитъ,

Хотя ученіе и трудно волку было

За то ужъ жиренькой кусочикъ приносило.

Но чтожь, такая жизнь не долго продолжилась

И хитрость на бѣду ученаго открылась;

Губителя овецъ поймали
И шоть часъ кожу сняли.

Изъ басни сей намъ видѣть должно
Что зло подъ именемъ добра, хоть скрись и можно,
Однакоже оно не долго продолжится
И истина должна открыться.

Изъ Сиротскаго дому повезъ благо-
склонный Губернаторъ въ Губернское
Правленіе: внушенность очень хорошо
расположена, прудами бывшаго Губерни-
пора. Были въ Приказъ Общественнаго
Призрѣнія, прекрасно; въ Демидовскомъ
училищѣ вышшихъ наукъ, Профессора ка-
жется хороши. Начальникъ Виленскій,
Профессоръ древности Ханенко, болѣе про-
чихъ мнѣ понравились. Въ женскомъ Мо-
настырѣ, гдѣ Игуменья строитъ пре-
красную ограду. Въ Спасскомъ Монастырѣ,
гдѣ Архимандритъ Неофитъ съ просвѣще-
ніемъ, живаго характера; библіотека по-
рядочная, рукописи довольно хороши, И-
ліада и Виргилій, старинной печати. Въ
Соборахъ, Успенскомъ, Конспаншинов-
скомъ и другихъ; вездѣ древность живо-
писи, богатство оспанавливаешь, каж-
дый скажешь: прекрасно, прекрасно. При-
неся благодарность опличному Губерна-
тору за все, пустились въ одиннадцать
часовъ вечера въ Косгрому.

11-го Іюня, при станціи, очень хороши дороги; не довзжая Костромы, по моему настоянію заѣхали въ Ипатской Монастырь, видѣли Храмъ Божій, хорошъ и все древнее прекрасно, но въ какомъ я былъ изумленіи, когда пожелавъ видѣть перемъ Царя Михаила Ѳеодоровича Романова и мащери его Марѣи Ѳеодоровны, куда по назначенію великаго челоуѣка Сусанина, скрылись родоначальники Романовыхъ, нашель, что спѣны покоевъ, истисанныхъ историческими карпинами: избраніе на Всероссійскій престолъ Романова, забвены. Въѣхали въ Кострому въ 7 часовъ ушра. Почтмейстеръ Де — въ, знакомый мнѣ по Пешербургу и по женѣ своей, пригласилъ къ себѣ; дождь лилъ проливной, однако въ его каретѣ съ нимъ объѣхали и осмошрѣли Соборы и Монастыри. Успенскій Соборъ очень хорошъ въ древнемъ вкусь. Воскресенскій Монастырь на Дебрѣ, Богоявленскій — прекрасный и оппечашокъ Рускаго народа къ Богопочишанію и щедростѣ; почтенная древностъ и богашество. Убѣжденные оспались обѣдать у гостепримныхъ хозяевъ, очень доволенъ, — пушъ увидѣлся съ давнишнимъ пріятелемъ Г. В. Нелидовымъ, Предсѣдашелемъ Уголовной Палашы;

его хвалять за благородство чувствъ и дѣяній. Городъ Коспрома далеко отспаль отъ Ярославля по всѣмъ отношеніямъ: и весьма грязно, и строенія не Ярославскія. Въ три часа пополудни, по благодаря Де — хъ, пустились въ дорогу. Хомя и люблю величественную природу, но отъ Коспромы до города Кинишмы 84 версты, безъ отдыха, молніи, громъ ужасный, дождь и градъ, сопровождаая насъ, родили во мнѣ неудовольствіе; къ симъ непріятностямъ, дороги недодѣланныя, и большею частію дурны, горы, рышвины, спремнины, паромы дурнѣйшіе, и мы по грязи глинистой должны много верстъ прогуливаясь — едва, едва достигли Кинешмы. Бѣднось вездѣ выказываетъ свое чело; вошедъ въ чернѣйшую избу изъ лучшихъ, мылись и пили кофій, со множествомъ разнородныхъ гадинъ и насѣкомыхъ, шупъ я самъ собиралъ градъ, болѣе голубинаго яйца; два пасхуха были ранены и нѣсколько овецъ побито.

До Юрьевца-Повольскаго дорога прекрасная, время очень хорошо, солнце возсіяло.

12-го. Пріѣхавъ въ Юрьевецъ-Повольской, остановились подлѣ почты, у Мещанина Шапошникова, чисто живущаго,

передъ обѣдомъ, были въ Соборѣ Входъ въ Іерусалимъ, или Спасовходскій и Успенскій. Говорящъ, что Великій Князь Юрій Всеволодовичъ выстроилъ сей Соборъ. Городъ плохъ, и что спранные, по словамъ Шапошникова, жителей 551, а домовъ 599. Въ девять часовъ вечера, по изрядной дорогѣ, исключая размытія отъ дождей и горъ, пріѣхали въ село Лукинское; при разѣ должны были по грязи итти пѣшкомъ. Въ сіе время рѣчка Ячмень отъ дождей не токмо разлилась, но шакъ вздурилась, что прорвала плотину, сдѣлавъ мужикамъ убытку тысячи на двѣ; паромъ унесенъ былъ въ Волгу; сія послѣдняя прекрасна во всемъ печеніи своемъ. Много споровъ: товарищъ мой, по пылкости своей, хотѣлъ перѣѣхать бурливую Ячмень; я не соглашался, представляя смерть Князя Аркадія Александровича Суворова, который не хотѣлъ нѣсколько часовъ подождать, лишился въ Римникѣ жизни, и тѣмъ лишилъ опечесство отличнаго Генерала. При томъ мужики, собравшіеся около насъ, будто про себя говорили: упрое вечера мудренѣе. — Эти слова подѣиспивовали; мы ошались; въ числой избѣ у ямщика Василія Смирнова, ужинади и со множесш-

вомъ мухъ спали, — ну ужъ сонъ! мужики смышлены.

13-го Іюня. — Напившись кофею, перѣхали на лодкѣ чрезъ Ячмень, коляска и бричка, рѣчкою не глубоко. Двѣ станціи дорога хороша, нѣсколько горъ, особенно первая круша — пѣшкомъ перешли, погода прекрасна; въ одиннадцатъ часовъ укрѣпились яичницею и поѣхали въ Нижній-Новгородъ, изъ деревни Гунмища К. Урусова; она хороша, крестьяне и крестьянки чисты. Это доказываетъ, что помѣщикъ честной человекъ; я его не знаю, но довольство вѣренныхъ ему засматываетъ любить его. Въ половинѣ осьмага по полудни, пріѣхали въ Нижній - Новгородъ чрезъ паромъ. Видъ опъ рѣки Оки — прелестъ; по горѣ, — уступами дома, домики, лачужки; для новой ярмонки, строеніе по виду хорошо, еще строится. Тушъ на ярмонку спекаются до двухъ-соть тысячъ человекъ, съ 20 Іюля до 20 Августа. Кто Россіянинъ и не знаетъ, что 32 губерніи соединяются Волгою? При семъ могъ бы я написать двадцать страницъ Исторію ярмонки; но выписки изъ книгъ не дѣлаю, какъ многіе путешествуя по книгамъ, и слѣпо вѣрятъ онымъ. Основаны на Покровской улицѣ, недалеко

опъ Губернашора, въ домъ купца Булошникова. Передъ окнами, какъ меня увѣряли, ша площадь, гдѣ 1612 года, Козма Мининъ Сухорукой уговорилъ согражданъ ополчиться прошивъ Поляковъ, спашъ въ ряды, — подъ знамена К. Пожарскаго. Смопря изъ окна на площадь, вдоль улицы, гдѣ довольно людей гуляло, предався думъ о минувшихъ временахъ, воспоминалъ свою юность, когда и ночи просиживалъ надъ книгами, чшобъ ошыскашъ, вырышъ такъ сказашъ полезное, и передашъ современникамъ; слабымъ перомъ начерпалъ дѣла К. Пожарскаго и Минина, доспигъ своей цѣли, возбуждъ нашего Русскаго Фидіаса, Маршоса, приняшъ за рѣзецъ, — и мы увидѣли, по волѣ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, по желанію Русскихъ, памятникъ воздвигнушый въ Москвѣ, симъ великимъ Мужамъ. Душа моя торжествуетъ! Разговоры съ Полицмейстеромъ Смирновымъ, пылкимъ и гошовымъ услужилъ, ужинъ и сонъ разсѣяли мою думу.

14-го. Утромъ увидѣлся я со спарымъ знакомымъ, нынѣшнимъ Губернашоромъ, Александромъ Семеновичемъ Крюковымъ, вѣжливымъ челоѡкомъ. До обѣда, вмѣстѣ съ Смирновымъ были въ Соборѣ: — хорошъ;

поклонились гробницѣ безсмертнаго Минина; не бывъ сеншменпальнымъ, подвиги Минина приказали слезамъ выкапиться изъ глазъ моихъ — и се жершва великому челоѡвѣку. Были въ другихъ церквахъ, всѣ хороши; но Ярославскія богаче, а Коспромскія лучше. Обѣхали почти весь городъ: видно, что торговый; но не только красавицы не встрѣпили, даже мидой; можешъ бышъ на нашу бѣду, или на наше счастье, хорошенькія попрышались. Въ два часа съ половиною, прошенные обѣдали у Губернатора; супруга его, изъ Англичанокъ, шѣмъ больше почшениѣ для меня, что говоришъ по - Русски, какъ Руская; обѣдъ славный по всѣмъ опношеніямъ, и бесѣда порядочная; съ балкона, глазъ видишъ лучшее мѣстоположеніе. Присущвенныя мѣспа давно сгорѣли; обыващелѣй счишаюшъ до 15 тысячъ челоѡвѣкъ. Семинарія, говоряшъ, хороша; времени не было самимъ посудить. Гуляли, были въ церкви Рождества Богоматери; поспроена Демидовымъ, при Пешрѣ Великомъ; служенія не было, по словамъ Священника, съ 1722 до 1725; что за причина? не даромъ; ибо Пешрѣ I все дѣлалъ съ умомъ. Тупъ видѣлъ, писанныя Евангелія, образа письма ошличнаго, и все прекрасно. Ве-

черъ, и я дома, въ пріятныхъ разговорахъ, съ добрымъ и любезнымъ поварихомъ.

15-го Іюня. — Насъ посѣтили многіе, и Прокуроръ, котораго хваляшъ, Николаевъ, принесъ мнѣ рукопись о Нижнемъ-Новгородѣ; въ оной ничего новаго не нашель; однако очень благодаренъ за учтивость. До двухъ часовъ дома; званые Смирновымъ, коего зналъ Офицеромъ въ Преображенскомъ полку, обѣдали хорошо, и чувствительны за ласки. Ходили по городу и первой разъ видѣли нѣсколько дамъ. И здѣсь, какъ и въ другихъ городахъ, въ два дни я узналъ и то, и другое; кто говоритъ шутъ и правъ, Богъ да помирить всѣхъ. Лелевыхъ (Амурныхъ) дѣлъ мало, извѣстныхъ, за то у насъ хошъ не слушай. Помолясь, заснулъ крѣпко.

16-го. Утромъ слушали обѣдню въ дѣвичьемъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ, гдѣ болѣе восьмидесяти монахинь и бѣлицъ; службу совершалъ Священникъ очень хорошо; на крылосахъ монахини и бѣлицы пѣли изрядно; все вмѣстѣ благоговѣніе внушаетъ; приглашены къ Игуменѣ, (Дорожее Михайловна Маршенина замужемъ была за Новиковымъ). Въ монастырѣ нельзя не замѣтить чистоту, чинность, красоту, умъ Игуменьи, просто-

пу глагола. Обѣдали у Губернатора, были въ Ланкастерской школѣ: порядочно. Вице-Губернаторъ Д. С. С. Моллеръ, показывалъ намъ вино въ подвалахъ; оплично хорошо поставлено; желательнѣе было, чтобъ вездѣ былъ такой порядокъ. Въ Театрѣ играли Богашонова, дворовые люди Князя Николая Григорьевича Шаховскаго, очень изрядно, особенно актрисы. Проспаясь со всѣми, пригостились къ ошѣзду.

17-го Іюня. — Дорога не совсѣмъ дурна; до Василя двѣ версты; розы дикія, благовоніемъ своимъ пріятны обонянію и зрѣнію, — жаль, что церковь давно строится и къ концу не доходитъ.

18-го. Въ дорогѣ. Отъ Чебоксара до самой Казани, дороги большею частію дурны; но я замѣтилъ, что деревья садятъ передъ рвами, а не за рвами; это спасаетъ отъ несчастія, при темнотѣ ночей, при дождяхъ и разливахъ. Только одинъ паромъ проѣхали въ Казанской Губерніи, и тотъ дурнѣйшій. Ямщики отъ С. Петербурга всѣ хороши. Отъ Эмангашавезли насъ Черемисы: хотя бѣдные, но управляють хорошо; жены ихъ очень дурны; попомъ Чуваши, не хуже, и жены ихъ не красивѣе; отъ Чебоксара Русаки

везли, опшличные молодцы, а дорога самая несносная. — Шестнадцать версь до Казани, дорога гладкая, хорошая, но ямщики *Татары*; чущь - чущь не были опрокинушы; я выходилъ, и по глинистой, грязной землѣ подъ дождемъ версь восемь шель пѣшкомъ, чшобъ сберечь себя, възъзжая на гору, а лошади назадъ во всю лошадиную прысь; Богъ помогъ, мы выскочили и — живы! У шоварища моего хоща нога болѣла, но у страха глаза велики, забудешъ и боль. Вообще дороги до Казани ошъ Василя - Сурска гористы, мосты довольно хороши; сушки не обѣдали, а ѣли много. Въ 12 часу по полудни възхали въ Казань, остановились въ Проломной улицѣ, въ домѣ купца Дьяконова: не чисто; помоаясь, бросился на сѣно и проснулся въ девяшомъ часу ушра.

19-го Іюня, умылись, нарядились и пошли къ знакомому мнѣ Губернатору П. А. Н. Привѣшпшвовалъ, какъ человекъ съ хорошимъ воспитаніемъ, просилъ ужинашъ. Казань, хорошій городъ, послѣ пожаровъ выспраиваеця лучше прежняго, множештво каменныхъ домовъ; Соборы и церкви далеко ошспали, ошъ Ярославскихъ, Росшовскихъ, Костромскихъ и Нижняго - Новгорода; улицы немощены, и

весь городъ то на горѣ, то подъ горою. Каменный Госпинный дворъ даже нахожу лучше С. Пешербургскаго, и множество деревянныхъ лавокъ, лавочекъ и шалашей; вездѣ народу много: счищаютъ около сорока тысячъ Русскихъ и Ташарь. До ужина Губернаторскаго, послѣ нашего хорошаго обѣда, пошелъ я къ Прокурору Ильѣ Михайловичу Авдулину, моему пріятелю, и не доходя до дома, спросилъ проѣзжаго объ немъ. Прокуроръ умеръ отъ удара, часа при тому назадъ; меня сія вѣсть поразила, шѣмъ болѣе, что отъ Губернатора начиная, всѣ его хвалили и хвалятъ; душевно жалѣя объ умершемъ, пошелъ къ Коменданту Алберту Карловичу Пярху 2-му; онъ, завидя меня, вспрѣшилъ, какъ опца, какъ стараго наставника; обнималъ со слезами и шѣмъ доказалъ благородство чувствъ своихъ; говорили о многомъ, и онъ здраво мыслилъ и оплочно выполнялъ наложенную должность. Тутъ былъ Полк. Блумъ съ женою, умною и почтенною; бесѣда ея пріятна. За ужиномъ у Губернатора, познакомился съ Княземъ Давыдовымъ Почтъ - Директоромъ и Масловымъ: оба своимъ обращеніемъ оставили во мнѣ признательность. Что сказать о хозяинѣ? Онъ всегда одинаковъ, слѣдственно заслу-

живаешь благодарность. До двухъ часовъ писалъ у себя. Спаль хорошо.

20-го Юня. Въ десятомъ часу утра вмѣстѣ съ Губернаторомъ были въ Соборѣ, гдѣ покояшся мощи С. Гурія; и праздникъ онаго; народу очень много, Архіепископъ Амвросій чинно, хорошо служилъ; Протоіерей читалъ своего сочиненія предлинную проповѣдь. — Городъ Казань гориспъ, шестъ лѣтъ тому назадъ горѣлъ, и — по словамъ жителей, выпроенъ гораздо лучше, и болѣе каменныхъ домовъ. Послѣ обѣдни были въ Казанскомъ Богородицкомъ дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ Игуменья Назарета Васильевна, урожденная Гладкая, умная женщина, все сама намъ показывала, и все очень хорошо: болѣе семидесяти монахинь, бѣлицъ и одна схимница; много привлекательныхъ лицъ, что веселишь сердце человѣческое! Игуменья одарила насъ копіями образа Казанской Богоматери, персиками, сливами и желаніемъ счастливаго пуши; крайне довольны, а я болѣе что она меня узнала, потомъ и я; хотя не видѣлись болѣе пятнадцати лѣтъ, улыбаясь, почти вдругъ сказали: посмарѣли! Обѣдали со многими у Губернатора; писали; были у Пирха: радъ душою гостямъ и угощалъ сердцемъ;

молодецъ и собою и дѣлами! Были въ славнѣйшей банѣ у Маслова; насъ посѣщили многіе, проспились со всѣми съ благодарностію, ужинали, и предались сладкому, безмяшечному сну.

21-го Іюня. Въ шесть часовъ выѣхали изъ Казани, и на седьмой верстѣ, на прехудой лодкѣ, съ коляской и бричкой переѣхали Волгу, шире Невы рѣки; слава Богу, что тихо было, а то бѣда неминуемая; спускаться по крупѣйшему берегу спрашно; счастливы мы, что ночь не насигла насъ. Горько, что люди мало заботятся о безопасности ближняго, и ждушь, чѣмъ грянуль громъ; а безъ того хопъ права не роспи, для нихъ все равно! Переѣхавъ Волгу въ Верхній Усланъ, шли подъ гору и на гору версты при, устали; девять часовъ ушра, и мы ждемъ, сидя на горѣ, экипажей. Двѣ станціи *Сейтово и Бурундукъ* — Ташары; *Чивергинъ* — Русскіе; хопя гористо, но виды прелестныя; лѣса, — дубъ и липа, цвѣтовъ множество, и благовоиѣ опъ оныхъ; мосны очень дурны; въ Бурундукъ оспановились у Ташарина креспьянина; на дворѣ обѣдали, окруженные нечислыми Ташарами; рамазанъ, — постъ ихъ; они ѣдятъ по закапъ солнца, и попому будто тощи, блѣдны; дѣвши

презамаранныя и женщины поже, и дурны же къ тому. Чешыре станціи, ослѣпляющія частыя молніи, громы, дождь проливной, вѣсѣрь сильный, грязь и ошъ того можешъ бышъ дурныя дороги, приводили въ ужась; мы закрыли коляску, я предаль душу свою Богу и заснулъ; пробудился у послѣдней станціи, подѣзжая къ Симбирску, ошъ крику женскаго и дѣвичьяго; проширая глаза, слышу: „Баре! не ѣдите по мосту, пусть грѣшники ѣздяшъ, и шо передъ вами ось передомилась у какого-то проѣзжаго.“ Спасибо, сказала я, и выпрыгнули изъ коляски, копорую вмѣстѣ съ бричкою ошправили въ объѣздъ, а сами перешли по новымъ периламъ; мостъ съ верху новъ, а съ низу гниль: вошъ причина, что провалились чешыре доски; бѣда да и шолько!

22-го Іюня. Въѣхали въ Симбирскъ; городъ прегрязный, а осенью, говорили мнѣ, Боже упаси. Всѣ почти строенія деревянные, вешки; дѣвичій монастырь, гдѣ Богоматерь Свирская, чешырнаццашъ монахинь, бѣдненькихъ старушекъ; Троицкій Соборъ ошвѣчаетъ всему городу, бѣдень. Черезъ часъ выѣхали; въ станціи Ключищъ обѣдали въ избѣ, и проѣхавъ Ташлу Ясашную, Тиренгуль, Горюшки, Ива-

новку, въ чешыре часа утра 23-го Іюня въѣхали въ чисенькой городъ Сызрань.

23. — Весело видѣшь людей хорошихъ, спариннаго покроя; здѣсь Экспедишоръ почшы, придцать лѣтъ на одномъ мѣспѣ, и все - шаки бѣденъ, а очень доволенъ своею судьбой и придцати - лѣшнимъ рыжимъ парикомъ своимъ. Выпивши кофею, поѣхали; дорога ошъ Сызрани — спечи гладкія, рѣдко увидишь деревцо и земля не вспахана; грустно видѣшь верспъ спю и болѣ нагую природу, и шрава сквозъ известъ мало выказываешся; верспъ шакже болѣ сша, гора за горою известковыя; пѣшкомъ должны были идши почши до города Хвалынска; по охощъ разъ можно видѣшь, а на каршинѣ красивѣе; лишь Хвалынскъ проѣхали, почва земли лучше, и рука человѣческая видна, вездѣ хлѣбъ; солнечные лучи, ударяясь о горы известковыя, прекрасными ихъ кажутъ; шуть начинающія горы, зеленью покрывшя, и до самой Алексѣевки: Саратовской Губерніи, деревня моего шоварища съ 1500 душъ. Сколько мы были восхищены въ Богородицкомъ селѣ или Капцовѣ, шолько здѣсь не шо по всѣмъ ошношеніямъ; ошъ чего же шакая разность? Ошъ шого, что бурмиспръ не по выбору крестьянъ. Въ шри часа лишь

пріѣхали, принесли и сперлядей и осетра аршина полтора длиною, въ челнокъ, да все шакъ сухо; — поѣли, и въ девять часовъ, поговоря и о шомъ и о другомъ, заснули. И шакъ въ двадцать одинъ день ѣзды, мы останавливались ночевашъ въ Тихвинѣ, Капцовѣ, Ярославѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ и здѣсь, въ Алексѣевкѣ.

24-го. Праздникъ у моего товарища, были у обѣдни, церковь въ самомъ горешномъ положеніи; душа моя пронупа была во время службы; мало крестьянъ у обѣдни, хощя великій праздникъ, церковью установленный, Іоанна Предпечи. Товарищъ мой недовольный поѣхалъ по другимъ своимъ деревнямъ, а я обходилъ избы, и по распросамъ моимъ, много крестьянъ имѣють по десяти лошадей, сполько же коровъ и по пшадесяти овецъ, а бурмиспръ въ пшадеро болѣе, не говоря о деньгахъ; отъ чего же церковь Божія въ бѣдности, и мало было и бываешъ у обѣдни? Не смощра, что деревня богатая, домъ или лучше сказать изба для пріѣзда барина, не отвѣчаетъ избышку крестьянъ. Въ шесть часовъ обѣдали, погуляли безъ удовольствія; никогда не видалъ споль безчисленнаго множества мухъ; однако въ посшавленныхъ спаканахъ съ виномъ,

помиинушно исчезало тысячъ по нѣсколь-
ку. Что ежели бы люди злые и дѣлающіе
пагубу ближнему, такъ скоро умирали,
когда не хопяшъ покаяться и веспи
жизнь добродѣтельную?

25-го Іюня, въ десять часовъ утра
выѣхали изъ села Алексѣвки, не слиш-
комъ довольны, по многимъ отношеніямъ.
На второй станціи; проѣхавъ 36 верстъ,
широкой буеракъ въ деревнѣ Графа Кочу-
бея; лопнулъ ремень задней рессоры: бла-
годареніе Богу, съ нами ничего не случи-
лось! запасными веревками завязали. Въ
имѣніи Графини Ливенъ, Терса, шли двѣ
версты пѣшкомъ, переѣзжали на *дурень-*
комъ паромъ; лошадь у брички попала въ
воду, отъ *дурного спуску*; выпалили.
Отъ Алексѣвки до широкаго буерака до-
рога хороша, не смотря, что съ горы на
гору, но можно безъ трудности ѣхать;
до Вольска дорога гориста, известкова,
виды очень часто хороши, особенно подъ-
ѣзжая къ Вольску, спускаясь къ городу
версты полторы, хоша и кажется кру-
то, но съ осторожностію можно, не
шормозя, ѣхать, а поднимаешься рысью;
честь Губернатору Алексѣю Давыдовичу
Панчулидзеву, что такъ успроидъ гору!
Въ Вольскѣ остановились въ домѣ вдовы

Плехановой; число живётъ, не дурна собою, учтива, хорошо говоритъ; жаль только, что старообрядица! Здѣсь много каменныхъ строеній, но пусты; двѣ церкви и одна старообрядческая, нынѣ запечатана; жителей мужескаго пола чешыре тысячи, всего около десяти тысячъ. Вольскъ — родина Злобина, бывшаго купца богача, и называлась, тридцать пять лѣтъ тому назадъ, Маловка, нынѣ лучше Коспромы и грязнаго Симбирска. Городничій, Коллежскій Совѣтникъ Спруковъ, порядочнаго обращенія, шестнадцать лѣтъ въ одной должности и доволенъ. Въ городѣ ярмонка до 1-го Юля. Изъ Вольска на второй станціи, ямщикъ, ошъ неосторожности сломалъ два валька: эпо ничего; попомъ пучи, какихъ не видавалъ, дождь проливной, грязь, шемношъ, въшеръ, холодъ, я въ *безпокойствіи*, поварищъ мой спитъ, а я самъ не свой; наконецъ, въ закрытой коляскѣ, задернувъ и занавѣску, помолясь и безъ снада со слезами, предаль себя Богу, заснулъ, и бѣды не было.

26-го Юня. Доѣхавъ до Жуковки, въ семь часовъ ушра, у спаросты на дворѣ, кончили ушренное убранство и пили кофей; но какъ доѣхали не на почтовыхъ

лошадяхъ? увы! часа при въ темношѣ плушали; изъ Жуковки поѣхали на лоша-
 дяхъ моего поварища, и въ Алексѣевкѣ
 (экономическое дѣло Сарановской гу-
 берніи:) чрезъ гнилѣйшій деревянный и
 безъ перилъ мостикъ, искусивомъ кучера,
 мы переѣхали благополучно; бѣда же обру-
 шилась на бричку, кошорая съ двумя ку-
 черами, камердинеромъ и поваромъ опро-
 кинулась въ ровъ и повисла на деревьяхъ;
 двѣ лошади оспались на мостикѣ, ни-
 кто изъ людей не ушибся, одна бричка
 сильно поспрадала; общій испугъ на дол-
 го оспаненся у всѣхъ. Нельзя не по-
 впооришь: мосты и мостики, дороги и
 дорожки проселочныя, большею частію,
 новыя не додѣланы, а старыя запущены.
 Кое-какъ доѣхали до деревни Машюшки-
 ной, принадлежащей моему товарищу,
 въ прекраснѣйшую погоду. Здѣсь крестъ-
 яне добрые люди, со слезами радости
 встрѣтили своего молодого барина; хотя
 не богаты, претерпѣвъ два раза пожаръ,
 но большую каменную церковь спрояшъ
 при нѣкоторой помощи молодого барина.
 Проѣхавъ семь верстъ, вѣхали въ село
 Никольское, шакже моего товарища; види-
 мо, что нго бурмиспра не шягошишь
 крестъянъ: ошъ спараго до малаго и

жеңскій полъ въ нарядахъ, окружили своего помѣщика, и обвились около него, какъ дѣши около своего отца; говорили, разсуждали, имъ хорошо, дѣльно ошвѣспивовали, и душа моя была въ воспоргѣ; тушь любящъ и бурмистра и спароспу, ошъ того, что изъ среды своихъ выбирающъ лучшаго. Мы ночевали покойно, будучи счастливы, — счастьемъ поселянь; я вчужѣ радовался!

27 - го Іюня. — Побѣда подъ Полтавою 1709 года; мы были у обѣдни, хорошо служили, были у бурмистра, чисно, и при сына женатыхъ, молодцы; заѣхали и въ другую деревню моего поварища; поѣли и прямо въ Сарашовъ; дорога хороша. Въ семь часовъ вечера были уже въ домѣ, принадлежащемъ Губернашору на берегу Волги. Здѣсь заочно угостили насъ гостепріимный Алексѣй Давыдовичъ Панчулидзевъ, котораго по С. Пешербургу знаю. Довольные, предались власпи сна. Тушь получилъ ошъ кровныхъ писмо: здоровы, и другое — ошъ молодой особы; вшорое роковое огорчило меня до слезъ; да будущъ счастливы всѣ досшойныя дѣвицы; мнѣ оспалось ожидать очереди, Богъ и меня не оставищъ. Сарашовъ

чистой городъ и много церквей; мы про-
ѣхали почти весь, въѣзжая въ оный.

28 - го Юня. Погода прекрасная; въ
девять часовъ были у Губернатора, ко-
торый принялъ чрезвычайно хорошо, при-
гласилъ обѣдать, и такъ какъ почта от-
ходитъ разъ въ недѣлю, то мы поторо-
пидись домой, написали нисѣма, опправили;
пріѣзжалъ къ намъ благосклонный Губер-
наторъ въ два часа; вмѣстѣ поѣхали къ
нему обѣдать; сеголь опличный по всему.
Тутъ познакомился съ супругою его Ека-
териною Пепровною, привѣпливою да-
мою; увидѣлся съ давно - знакомыми, Ека-
териною Ивановною Ръзановой, почпен-
ною двницею; съ дочерью покойнаго по-
чпениѣйшаго Сенатора Сушкова, Софьей
Николаевной, копорой красота наружная
согласна съ красотаи душевными: она
за мужемъ за сыномъ Губернаторскимъ
Александромъ Алексѣевичемъ, чувствую-
щимъ цѣну своей супруги, опличной мо-
лодой матери; всѣ ея почипають, и въ
одинъ голосъ превозносятъ ея сердце, умъ,
душу. Тутъ же свидѣлся съ Совѣстнымъ
судьею Ив. Мих. Веденяпинымъ, почно
честнымъ челоувѣкомъ; онъ мнѣ обрадо-
вался; мы давно пріѣхали; онъ для своего
мѣста созданъ. Всѣ опмѣнно учипивы,

зять хозяина живой; прїѣзжій Н. А. Норовъ, похожій на почтеннаго моего наставника Евграфа Пепровича Батурина, (*) съ прїятнымъ просвѣщеніемъ человѣкъ; Предсѣдатель Уголовной Палаты Н. Л. Б. тихой. Послѣ обѣда сидѣлъ у нездороваго сына Губернашорскаго, съ которымъ по Пепербургу знакомъ: съ дошпоинспвами молодой человѣкъ; дома писалъ, въ девять часовъ ужинали — и день миновалъ. До полуночи, собрались грядями шучи, блеснули молніи, грянулъ громъ, при сильномъ вѣтрѣ и пошелъ ливнемъ дождь.

29 Іюня, Пепра и Павла Апостоловъ; одѣлись, хошѣли насъ видѣть нѣкоторые чиновники, Голова градской и нѣсколько купцовъ, по виду и разговорамъ люди порядочные; жаль, что изъ купечества много старообрядцевъ, однако Губернашоръ и ими нахвалишься не можешь, за то и его всѣ любящъ; вся полиція посѣтила насъ; слушали обѣдню въ Соборѣ: церковь хотя не изъ Ярославскихъ, но порядочна, особенно иконостасъ; — по окончаніи службы, поѣхали въ новостроющуюся церковь Пророка Іліи: прекрасная, живо-

(*) О подвигахъ его, можно читать въ Твердо-сти Духа Русскихъ.

пись хороша, примѣтно и богашество; стѣны и плафонъ будущъ расписаны алфреско; съ часъ гуляли по городу чистому; жаръ несносный. Въ сіе время, по приходѣ домой, вручилъ мнѣ провіантскій чиновникъ, въ Грузіи служащій, описаніе дороги отъ Моздока до Тифлиса; изрядно написано. Въ два часа поѣхали обѣдать къ Губернатору. Бесѣда съ хозяйкой была пріятна, шутъ были милостивныя особы, обратившія мое вниманіе; о Софіи Николаевнѣ нечего и говорить, все въ ней достойно вниманія. Въ семь часовъ были уже мы въ театрѣ, и сіе невинное занятіе для города, не менѣе приписываютъ стараніямъ Губернатора. Театръ не великъ, но очень миленькой, если можно такъ сказать; освѣщенъ хорошо; оркестръ весьма хорошъ; играли Комедію, сочиненіе Князя А. А. Шаховскаго, *Своя семья*, не хуже Петербургскихъ Актеровъ; особенно Госпожа Грузинова вдова, украшеніемъ была бы и Петербургскому театру, если не лучше, то, ни чѣмъ не хуже славной нашей Актрисы Рахмановой старухи; и молодая Грузинова не дурно играла; мушкетеры оштрали отъ Актрисы. За Комедіей слѣдовала Опера *Плѣвецъ и Портной*, музыка Г. Гаво, тоже не дурно

лучшенъкія — Давыдова, игравшая ролю спарухи, и опять вдова Грузинова; будучи доволенъ почти всѣми, долженъ сказать, что декламація у всѣхъ слаба, кромѣ вдовы Грузиновой. — Сушки прошекли въ пріятныхъ занятіяхъ.

30 Іюня. — Очень жарко, вѣдрили осматривать примѣчательное въ городѣ; больница въ самомъ лучшемъ порядкѣ, дай Богъ видѣть вездѣ тоже: Докпоръ Ренгольмъ, заботливый и всѣми хвалимый человекъ; богадѣльня для обоего пола прекрасна; спаросъ имѣетъ особое прибище, и все эшо спруды Панчулидзева, такъ какъ Соборъ и монастырь недоконченный, вскорѣ будешь гошовъ. Жаръ заставилъ бросишься въ Волгу, воды копорой своими лобзаніями оспавляли здравіе на пѣлахъ нашихъ; обѣдали въ три часа у Губернашора, гулялъ въ саду его: хороше, но много еще денегъ нужно, чтобы придешили оный въ совершенство; ванна прекрасна. Концершъ, ссоставленный изъ людей его, при иноспранцѣ Казели вѣлончелишъ, восхищаль; особенно сей послѣдній, подражая Ромбергу въ Русскихъ пѣсняхъ; всѣми весьма довольный, и знакомствомъ съ молодою, умною и любезною дамою Н. Н. Р — ю.

1-го Іюля. Цѣлое утро занимался писаніемъ; посѣтили насъ многіе, болѣе частію люди мыслящіе; обѣдали у Губернатора, познакомился съ Французенкой Штонъ, женою учителя музыки; собою не дурна, но образованіемъ подобна всѣмъ Французенкамъ: это первая по выѣздѣ изъ Пешрова-града встрѣча; какъ весело душѣ моей видѣть однѣ Русскія лица, и славный, полный гармоническій, Русскій языкъ всюду слышенъ, не такъ какъ въ столицѣ: рѣдко даже въ среднихъ домахъ говорятъ на естественномъ нарѣчій; по сіе время не выходятъ изъ жалкаго заблужденія, полагая воспитаніе въ знаніи многихъ языковъ! Забыли бѣдненькіе, что древніе Греки изучались одному своему языку во всю жизнь, и однимъ роднымъ нарѣчіемъ достигли во всѣхъ почти частяхъ совершенства, безсмертія; — Римляне, сверхъ своего языка, знали и Греческой; — а нынѣ, говоря на многихъ языкахъ, понуль въ невѣжествѣ, и только изъ маленькихъ книжонокъ вытвердя кое-что, мечтаятъ обнять всѣ познанія; горе! — Послѣ обѣда гуляли въ саду и поѣхали въ Театръ; играли *Одну Шалость*, нельзя сказать, чтобы хорошо; но и сего довольно; во время представле-

нiя мучиль меня одинъ сосѣдъ *Французскимъ языкомъ*; я ему отвѣчалъ все по Русски; видя однако, что онъ не переспаептъ, принужденнымъ нашелся увѣрить его, что я сытъ и въ С. Петербургѣ отъ сего лепетанiя, и радѣхонекъ, что изрѣдка слышу говорящихъ на семь языкъ въ путешествiи; сосѣдъ удивился, особенно, что я всю жизнь провелъ въ столицѣ, въ кругу большомъ, а все остался любителемъ Россiйскаго языка. По закатѣ солнца, благодатная Волга манила къ себѣ; повинаясь ея волѣ, бросился въ спруи ея и вышелъ здоровѣ.

2-го Юлиа. Спранно, однако случается въ свѣтѣ, что правда-хотя и глаза клепетъ, но бываетъ иногда причиною тѣсной дружбы, соединяетъ два сердца навсегда; первой разъ бывъ въ Сарашовскомъ театрѣ, замѣтивъ въ ложѣ сидящую молодую даму; съ огромнымъ вѣромъ, примѣшно улыбнулся, пошомъ усмѣшка обратилась въ шпхой смѣхъ, пошомъ пересказалъ мое замѣчанiе нѣкошорымъ дамамъ; онѣ передали прiятной дамѣ съ опухаломъ мои слова: что не должно обращать на себя вниманiе бабушкиными нарядами, особенно пригожей особѣ и проч. Она передъ ужиномъ подошла ко мнѣ, благодарила шакъ умно, шакъ

кропко и чистосердечно, что приведши меня въ краску, заплонила сердце, и до-спавила случай — бесѣдуя съ нею, познашь прямое не иноземное воспитаніе; я уви-дѣлъ въ ней то, что должно ожидать во всемъ нѣжномъ полѣ: знаніе хорошо свое-го роднаго языка, начипанность полез-наго съ пріятнымъ, обращеніе благород-ное безъ кокетства; всѣ сіи качества, при добромъ сердцѣ, при пылкомъ съ кро-посью умѣ, при наружныхъ прелестяхъ, соединенныя съ возвышенными чувства-ми, нехотѣя заставляющъ навсегда вспоми-нать сію особу, которая должна бы сча-стіемъ пользоваться, счастіемъ истин-нымъ; но увы! всегда ли бывающъ досто-инства награждаемы? И такъ мудрено ли, что вашъ покорный слуга, сидя за ужиномъ подлѣ сей любезной особы, сожалѣлъ, что завтра должно разсѣпаться и съ Сарапо-вымъ и можешъ бышь долго не бесѣдовашь споль пріятно, невинно и поучительно.

3-го Іюля. Рано вспалъ, уложился, одѣлся по дорожному, сѣлъ къ окну, смо-трѣлъ съ полными слезъ глазами на Вол-гу, думалъ много — особенно о счастіи земномъ; повспорилъ сказанное кѣмъ-то: далеко ошъ глазъ, далеко ошъ сердца, и что печаль, тоска и грусть ложатся

очень близко къ сердцу; слезы тихо капались по полнымъ ланишамъ моимъ, я самъ не зналъ причины; письма ли, полученные мною издалика заславили горевашь, или что другое; но все равно, по крайней мѣрѣ я еще не разрывалъ кольца, связывающаго меня съ кругомъ счастья міра сего; читашель смѣется, что *сорока-пяти лѣтній* молодой человекъ разнѣжился и *селадонитъ*! Въ девятомъ часу, поварищъ мой проснулся, экипажи гоповы, мы ихъ отправили впередъ, а сами пошли къ почтенному госпепріимному Губернатору, вмѣстѣ съ нимъ, его семействомъ, Норовымъ и интересною Н. Ив. Род., поѣхали званые къ его родшвеннику обѣдаться, чешырнадацать версшъ отъ Сарашова. Богатый помѣщикъ М. А. Ушиновъ, чѣмъ могъ, шѣмъ угостилъ; въ дорогу снабдили насъ, Губернаторъ и Ушиновъ, хлѣбомъ, виномъ и плодами; между шѣмъ дождь лидъ, громъ гремѣлъ, молніи блисшали, дорога поршилась; распроснясь со всѣми какъ съ родными, особенно съ прелюбезнѣйшею Н. И. Р...; и у неё, изъ *знагительныхъ* глазъ капались горячія слезы; что же я дѣлалъ? просшо плакалъ; и принеся чистую благодарношть за все, всѣмъ и каждому, пустились въ пушь, до

полудни въ восемь часовъ съ провожа-
 ымъ, даннымъ Успиновымъ. Здѣсь дол-
 гомъ поспавляю упомянушь о сценѣ Фран-
 цуза съ женою своею: пущь изъ сего
 увидяшь чипашели, что такъ называемая
 нація полированная имѣеть также не-
 доспашки, даже въ общежитіи. Когда
 готовились ѣхать изъ Сарашова, то мо-
 лодая, недурненькая Французенка надѣ-
 ла своей работы чепчикекъ, который
 былъ ей къ лицу; учивой мужъ и гувер-
 нёръ, забывъ всякую благоприспешность,
 шолько по своенравію своему, велѣлъ ей
 снѣтъ оный; она, прося оспашься въ ономъ,
 не снимала; любезный муженекъ сорвалъ
 съ нее, вмѣстѣ со многими волосами; она,
 расплаканная, рассказала не мнѣ одному,
 но и всѣмъ; я его журилъ, говоря, что
 у насъ сего не дѣлають, даже въ дере-
 вняхъ; уговаривалъ бытъ примѣромъ кро-
 шоспи для дѣшей, кои ему поручены; въ
 прошивномъ случаѣ, онъ, лишась почтен-
 наго дома, никогда не сыщеть другаго.
 Ей далъ наставленіе, повиновашься су-
 пругу и наряжашься по вкусу его, чтобъ
 тѣмъ прекратишь распри, кои могушь
 имѣть послѣдствія для нея же непріят-
 ныя; оба остались кажешь мною доволь-
 ны. Прощаніе съ обѣихъ сторонъ было

слезное; я во всю жизнь мою не забуду Сарашова: начиная съ Губернатора, его семейства, всѣми обласканъ, скажу ушвердительно безъ лицемерія: нѣжной полъ надолго оставилъ впечатлѣнiе въ сердцѣ моемъ. Первая станція хороша, но выпорая Толовка, при темнотѣ ночной, дурныхъ моспахъ, (новые дѣлаются) и Нѣмцы колонисшы ямщики, приводила меня въ опшчаянiе; всю ночь не смыкалаъ глазъ; питался страхомъ, надеждою и упованiемъ на Бога. — Въ Сарашовѣ изъ дѣловыхъ людей не видѣлъ Вице-Губернатора, Бибикова, и очень жалѣю, ибо всѣ, начиная опъ Губернатора, не находяшь досшойныхъ словъ восхвалишь его.

4 - го Юля. — Воскресенье, въ семь часовъ упра, остановились въ Каменкѣ, у колонисшыхи, старухи Марьи Степановны съ дурненькими внучками; напоила своимъ преждикимъ кофеемъ; сверхъ денегъ, я далъ внучатамъ шесть персиковъ, а у насъ разбились семь бушылокъ съ бѣлымъ виномъ: это великая потеря въ дорогѣ! До Камышина все степь; шупъ упрости насъ Городничій Будищевъ 2, бывшiй мой кадешъ въ Греческомъ Корпусѣ, угостили обѣдомъ и прiятнымъ разговоромъ молодой своей супруги. Весело встрѣчашъ

благодарныхъ людей. Отъ Камышева до посада Дубовки снѣпь; грустно! шрава желтая! дорога — охъ! особливо ночью.

5 - го Іюля. — въ Дубовкахъ, Полицмейстеръ Александръ Осиповичъ Ребиндеръ, своимъ обращеніемъ, госпепріимствомъ, пріобрѣлъ нашу благодарность; дочь его видѣлъ въ Сарашовъ, хорошо воспитанную дѣвицу; мать сама образуешь дѣшей; — поѣхали довольные; дождь, молніи, громъ и еще проливной дождь очень испортили дороги. Послали повара впередъ, въ Сарептѣ приготоновишь обѣдь; наше желаніе не выполнилось; по-по! человекъ предполагаешь, а Богъ располагаетъ; въ пять часовъ пріѣхавъ въ Царицынъ, должны были останоившся у Городничаго Пепра Ивановича Быкова, бывшаго моего кадеша въ первомъ Кадетскомъ Корпусѣ; душею радъ, увидя спараго своего наспавника; и мнѣ много пріятности для сердца; хорошо начальнику вести себя хорошо; даже взысканіе спроеое, но справедливое, со временемъ пріобрѣтаешь благодарныхъ. — Рѣчка Царицына, отъ дождей, отъ прорванія плотины при мельницѣ, такъ разлилась, что пощопила берега, спала быстра, и воспрепила ѣхатъ; и шушь молодой мой шоварищъ хомѣлъ пе-

реѣхашь; я настоятельно говорилъ, что не поѣду, безъ нужды не хочу лишиться жизни; и Городничій, исполняя свою должность, не допуская ѣхашь, утосшил насъ славнымъ обѣдомъ и покойнымъ ночлегомъ. Былъ въ раскольниковомъ молищенномъ домѣ; чисто, образовъ много, женской полъ, завѣсой опдѣленъ; Евангеліе писанное. Въ присущественномъ мѣстѣ видѣлъ каршузъ ПЕТРА Великаго, который, опдавая дворянству Царицынскому, сказалъ: „какъ нѣкто не смѣешь сняшь съ меня каршузъ, такъ и вы оспанешесь на своемъ мѣстѣ.“ Видѣлъ дубинку сего же Императора, выше моего роста. По-знакомился съ нѣкошорыми чиновниками и съ умнымъ Прошопопомъ. Послѣ прекрасной Русской бани, обѣдали въ девять часовъ вечера; въ одиннадцать были на свѣ-жемъ снѣ.

6-го Іюля. Переѣхавъ бурливую вчера рѣчку Царицыну, ниже спупицы, сего ушра, въѣхали въ 10 часовъ въ Сарепту. Говоряшъ, что рѣчка Царицына получила названіе опъ Княжны Тапарской, кошорая, принявъ Христіанскую вѣру, была, по приказанію опца своего, Хана, ушоплена въ сей рѣчкѣ. Вчера опъ разлишя, берега сей рѣчки сдѣлались крушы; сего дня, по

приказанію ошличнаго Городничаго Быкова, исправлены. Дорога до Сареппы изрядна; городъ сей получилъ имя свое отъ рѣки Сарпы; дай Богъ видѣть иные и губерискіе города въ такой числотѣ: точно *миленькой*, числѣ какъ на ладони; дома снаружи и снупри гордянся опряпствомъ, передъ домами возвышающіяся красивые пополи. Мы остановились въ общественномъ пракширѣ; шупъ привѣпствоваль насъ общества Полицмейстеръ, молодой человекъ, говорящій хорошо по-Русски, съ краснѣйшими щеками, дышащій здоровьемъ, и предложилъ показатъ намъ заведенія. Пошли въ домъ Сесиръ, гдѣ болѣе спарухъ; однако естѣ и молодыя, хорошемяія; онѣ всѣ съ семи часовъ ушра до двѣнадцати шрудяшся, какъ дѣши; разные классы; надзирательница лѣпъ пятидесяти и болѣе, хорошая, привѣщаливая женщина; послѣ обѣда опяпъ, по колокольчику въ шрудахъ; два раза въ сутки бывають на мокашнѣ; спальни ихъ очень чисты. Видѣли домъ Брашъевъ: спариковъ болѣе молодыхъ естѣ лѣпъ 80 - ти, всѣ работаютъ по колокольчику какъ дѣши; спокойствіе ночни на всѣхъ лицахъ, и улыбка полувеселая встрѣчають посетителѣ. Всѣ заведенія очень хороши, особенно гдѣ готовятъ гор-

чицу; хозяйинъ съ разумомъ челоуѣкъ. Всѣхъ въ Сарептѣ съ женскимъ поломъ, считается не болѣе 400 душъ. Я радъ, что *система* ихъ правленія перемѣнилась, и что нынѣ каждый, естли захочетъ, можешь выбрашь нрудъ себѣ, жить особляво и не ходишь за общественный споль. Грустно для челоуѣчества не выходишь изъ положенія дѣтства и не имѣшь собственности. Горестно видѣшь прекраснѣйшихъ, навсегда осужденныхъ носить воду, заниматься черною работою, и ходишь босоногими, а другихъ въ лучшемъ положеніи; конечно нельзя обижаться, ибо жребій опредѣляетъ наждаго. Среди городка большой колодезь, откуда проведена вода во всѣ дома; у колодца видишь Калмыковъ, Татаръ, Русскихъ, напоющихъ своихъ лошадей; мы познакомились съ первыми гражданами, одинъ былъ съ Георгіевскимъ крестомъ. Въ общественномъ магазинѣ, какъ сказывали, гораздо менѣе товаровъ прежняго; я купилъ сапоги за десяти рублей, за которые въ столицахъ заплащивъ вдвое. Въ чайъ обѣдали; въ сіе время поѣхали насъ Александръ Михайловичъ Мамышевъ, начальникъ карантинна; просилъ ошановишься въ Астрахани въ занимаемой имъ

кварширь; приняли предложеніе его съ благодарностію, шѣмъ болѣе, что онъ увѣрилъ насъ, что Аспраханъ не пошъ уже городъ, что бываль. Выѣхали изъ Сарепшы въ три часа съ половиною; дорога придцать верстъ прегрязная; лѣтъ шесть и болѣе не было столь благословеннаго, дождливаго года. Всѣ приносятъ мольбы ко Всевышнему. Далѣе дорога — степь, кое-гдѣ завидишь деревцо, какъ сирота расшущее; солнце ярко, печётъ неумолимо; орлы вспрѣчаютъ и провожаютъ, плаваютъ по воздуху десятками; ястребы поже опдѣльно летаютъ опъ царей-птицъ.

7-го Іюля. Проѣхали много станцій; при перемѣнѣ лошадей, только и видишь людей, а то все степь и попка; какое-то новое чувство горести родилось въ душѣ моей; Волга иногда выказывающаяся своими прелестями; казацкія спаницы чисны, и казаки молодцы, даже спарики.

8-го Іюля. Казанской Божіей Матери. Опъ Сарепшы до Аспрахани почти чешыресна верстъ; вообще можно сказать, степи, Творцемъ созданныя, лучшая дорога, а прочія песчанья; съ покоренія Аспрахани, съ 1554 года, мало или совсѣмъ человѣческая рука ничего не

улучшила, и это горе для путешествія. Съ Лебяжинской станціи, въ хорошую погоду, поѣхали, и сколько я ни уговаривалъ шоварища моего, ѣхалъ по большой дорогѣ, онъ, находя удовольствіе смотрѣть на Волгу, воспоминалъ Прусской Курингафъ, дорого Шшрандъ, былъ веселъ, шушилъ надъ моею шрусостью; я не ошвѣчалъ, ворчалъ, предвидя опасность, ѣхавши по рухлому песку, берегомъ Волги, съ правой же стороны крупные гористые пески. Разъ я сходилъ съ коляски, и еще удосповѣрился о предстоящей опасности; надо мною продолжалъ шушилъ неустрашимый товарищъ; между шѣмъ, ошъ неосторожности ямщика, два валька переломались; приѣдвали другіе; ремень рессорный лопнулъ, перемѣнили; у кибипокъ два раза вальки ломались, этого мало; наконецъ, видя пропасть подъ собою, или бытъ въ Волгѣ ушопленнымъ, или вѣзжая на крупизну песчаныхъ горъ, лишиться руки, ноги и жизни; и это и другое находилъ бесполезнымъ; почему съ неудовольствіемъ выскочилъ изъ коляски; было уже семь часовъ по полудни, и до Дурновской казачей станціи оставалось пять верстъ; шоварищъ мой послѣдовалъ мнѣ, выпрыгнулъ, а за нимъ и егеръ съ козель; кибипки поѣхали впередъ и на

крупизнѣ остановились, переломавъ кое-что, а коляска помчалась, и всѣ четыре лошади увязли до головы въ рухломъ пескѣ; коляска выше спущица; въ это время, отъ разныхъ чувствъ, подились слезы у меня; поваричъ былъ въ ужасномъ положеніи; лице его измѣнилось, только и слышно — *ахъ, Боже мой! ахъ, Боже мой!* на Французскомъ языкѣ; поваръ и камердинеръ тоже восклицали по-Русски, а егеръ по-Нѣмецки; бѣда великая! вынули всё изъ коляски на песокъ. Волга волновалась, и какъ бы гошовилась поглощать коляску и лошадей; я, возлегши на песокъ, облокотясь на сафьянную подушку, спалъ чашать *Памятникъ событій*, бывшій со мною; но что происходило въ душѣ моей, того мудрено описать; мольбы неслись къ Богу; милосердый, не разъ видимо спасавшій насъ во всю дорогу, при дурныхъ мостахъ, горахъ, паденіяхъ и рвахъ, вырытыхъ по дорогамъ, въ другихъ губерніяхъ, спасъ и теперь. Камердинеръ Федоръ поѣхалъ верхомъ въ Дурновскую спаницу, и — благодаря празднику Казанской Богоматери, казаки были дома, прискакали или лучше сказать ихъ нахлынуло болѣе пятидесяти съ Калмыками въ казацкомъ одѣяніи; выпасали прежде трехъ лошадей

ямщики; четвертую съ помощью казаковъ и коляску на себѣ. Мы прошли версту пѣшкомъ, сѣли и достигли парома или лодокъ противъ Аспрахани; Волга въ семь мѣстъ не шире версты; шло мѣсяцъ освѣщало насъ опѣ Дурновской спаницы, гдѣ дали намъ казака провожаемымъ, а Апшаманъ Скворцовъ, на встрѣчу намъ ѣхавшій, приказалъ проводить до мѣста; пробило одиннадцать часовъ; небо звѣздами смотрѣло на насъ и луна свѣтила еще, хопя дымчатая облака изрѣдка носились надъ небосклономъ. Калмыки хорошо перевезли насъ; и мы на берегу Аспрахани; перекрестился; пробило полночь, темненько, привели лошадей, поѣхали, и безъ всякаго приключенія остановились въ квартирѣ Мамышева, освѣщенной восковыми свѣчами; и чистю; шудъ поварь приготовилъ намъ супъ и дичинку; поѣли и легли спать на хорошихъ диванахъ, прежде принесъ Богу благодареніе за спасеніе. Хозяйка дома, Аксинья Христофоровна Горбунова — Армянка.

9-го Іюля. Мы еще спали, пріѣзжали Предсѣдатель Палаты, въ должностяхъ Губернатора, Полицмейстеръ, и Вицъ-Губернаторъ; едва опили кофе, опять явились, поговорили, уѣхали. Сынъ хо-

зайки привѣщивали насъ именемъ ма-
 шушки своей и просили на завтракъ. Въ
 полдень, я одинъ вошелъ къ хозяйкѣ, и
 нашелъ пріятную, умную, и по-Русски хо-
 рошо говорящую женщину, и есѣли бы
 она сама не сказала что ей 53 года, что
 имѣла 18 дѣтей, то можно не болѣе ей
 дать какъ тридцать пять лѣтъ: хороша,
 мила и безъ всякихъ припираній. Вскорѣ
 и поваринъ мой молодецъ явился; Лукул-
 ловъ завтракъ приглашалъ къ себѣ: по-
 ѣли, благодарили, разсуждали, спорили;
 хозяйка любезна, мужа не видѣли. Дрож-
 ки гошovy Мамышева; однако мы пошли
 пѣшкомъ и осмошрѣли гостинныя двory:
 старый, новый Персидскіе, хороши; но
 не такъ-то чисты; въ каждой лавкѣ
 кухня; Индѣйской, гдѣ познакомились съ
 Индѣйскимъ богачемъ, слишкомъ двадцать
 лѣтъ шупъ живущимъ: Собра Бонда-
 совъ, почтенный человекъ и лице предо-
 брое: сидѣли у него, конфекшны ѣли, но
 нельзя похвалишь нечистоту кухни и за-
 маранаго повара; спальня, гостинная, спо-
 ловая и передняя одинъ и шопъ же по-
 кой, а подлѣ кухня. Были у Хивинцовъ,
 гдѣ ужасно нечисто и по десяти вмѣстѣ
 спящъ; отъ дурнаго запаха мы скоро вы-
 шли; шупъ видѣли лежебоковъ, ихъ му-

чениковъ безобразныхъ, прошивныхъ взору, ничего не дѣлающъ, курящъ кальянъ, вѣдающъ что бросающъ имъ, часто улыбающся, и кажешся за грѣхъ поставляющъ умывающся: гадко смогрѣвшъ! Домой пришли по другой улицѣ и по каналу, устроенному болѣе нежели на двѣ версты, соединяющимъ Волгу съ Кушомою, Грекомъ Варваціемъ; сей каналъ есть первое и послѣднее украшеніе и гулянье Аспрахани, и Высочайшимъ Указомъ Императора Александра Павловича на всѣ времена названъ Варваціевымъ. Сей же почтенный Грекъ выстроилъ прекрасную колокольню. Аспраханъ не мощена; въ сухую погоду пыль поднимается, какой я никогда не видывалъ, а въ дожди непроходимая грязь. Армянки ходящъ по улицамъ въ бѣлыхъ покрывалахъ съ годовы до ногъ, похожи на привидѣнія или на Веспалокъ шепсральныхъ, страшны и смѣшны. Я еще не видѣлъ хорошенькихъ. Полицмейстеръ утверждалъ, что разныхъ народовъ счищается въ Аспрахани болѣе сорока тысячъ обоого пола и семнадцать націй. (*) Обѣдали дома; въ семь часовъ,

(*) При семь прилагаю принесенную мнѣ записку Полицмейстеромъ: 1820-го года — въ губернскомъ городѣ Аспрахани:

по приглашенію видѣли службу Индѣйцевъ
идолопоклонниковъ; насъ ввели въ кро-
шечный садикъ, посадили на лавки, по-
крытыя коврами; спарикъ Собра-Бонда-
совъ и лѣпообразный племянникъ его по-
дали намъ цвѣповъ; чрезъ полчаса, по

2.825,000 Квадратныхъ сажень земли подъ городомъ.

110 Улицъ.

3 Части.

9 Кварталовъ.

21 Каменная церковь.

7 Деревянныхъ церквей.

5 Монастырей.

1 Пустыня.

2 Спарообрядскихъ часовень.

14 Ташарскихъ мечетей.

152 Каменныхъ домовъ.

3818 Деревянныхъ домовъ.

352 Духовныхъ Россіянъ.

2 Духовныхъ Лютеранина.

6 Духовныхъ Кашоликовъ.

72 Духовныхъ Армянъ.

77 Духовныхъ Ташаръ.

120 Военно-служащихъ Штабъ - и Оберъ-офи-
церовъ.

443 Спашскихъ Штабъ - и Оберъ-офицеровъ.

51 Дворянъ.

1469 Нижнихъ чиновъ.

401 Приказныхъ и отставныхъ нижнихъ слу-
жителей.

14 Присяжныхъ.

678 Астраханскихъ купцовъ.

звонку, насъ просили выдти, повели въ прешій эшажъ огромнаго каменнаго дома; вошедъ въ маленькой покой, половина коего на поларшина возвышена и покрыва коврами; намъ двумъ подали спуля; мы чинно сѣли, не говоря ни слова и не улыбаясь;

-
- 59 Иностранныхъ бунцовъ.
 - 4748 Аспраханскихъ мѣщанъ.
 - 119 Иностранныхъ мѣщанъ.
 - 406 Дворовыхъ помѣщичьихъ крестьянъ.
 - 336 Аспраханскаго уѣзда крестьянъ.
 - 451 Иногородныхъ крестьянъ.
 - 2587 Армянъ.
 - 33 Люшеранъ.
 - 173 Грузинъ.
 - 12 Грековъ.
 - 123 Кашоликовъ.
 - 1522 Ташаръ.
 - 378 Персіянъ.
 - 58 Индѣйцовъ.
 - 154 Хивинцовъ.
 - 60 Трухменцовъ.
 - 32 Бухарцовъ.
 - 7 Ташаръ, новобращенныхъ казеннаго въ-домсхва.
 - 1 Калмыкъ новобращенный казеннаго въ-домсхва.
 - 172 Ремесленника и ювелира.
 - 6896 Сходцовъ изъ верховыхъ городовъ.
 - 23067 Жишелей мужеска пола.
 - 15214 Женска пола.
 - 14 Трубъ пожарныхъ.

иупъ же спояли у возвышенія Конно - Егерскаго полка Маіоръ Ишаліанецъ Графъ.... и какая - то несносная Француженка, содержательница пансіона, вышедшая здѣсь замужъ и какія-то другія дамы; всѣ онѣ безпрестанно говорили, смѣялись и мечшая, что мы не понимаемъ по - Французски, гуляли на нашъ счетъ, взирая на наши смиренныя лица, и чтобы болѣе досадишь, спали передъ нами; мы будучи не замѣчая, оподвинулись: тогда одна молоденькая шепнула несносной Француженкѣ, и мы спокойно смотрѣли и слушали службу. Явился жрецъ въ красной шапкѣ или колпакѣ, въ замаранной толстой рубашкѣ, и въ шакомъ же нижнемъ платьѣ, босоногъ, спалъ къ приспавленному

12 Лошадей полицейскихъ.

12 Чинowników полицейскихъ.

72 Нижнихъ служителей.

106,000 р. городского дохода.

43 Арестанта мужеска пола.

7 Женщинъ арестантовъ.

26 Казармъ каменныхъ и деревянныхъ для военныхъ конюшенъ, для кавалеріи иъщъ.

1 Смирительный домъ.

7 Богоугодныхъ заведеній.

131 Фабрикъ и заводовъ.

17 Мостовъ деревянныхъ.

3 Трактира въ городѣ.

31 Пишечныхъ домовъ.

къ спѣнѣ, родъ ковчегу спереди открито-
му, наполненному уродливыми мешалличес-
кими идолами, изображающими людей, рыбъ,
змѣй и разныхъ гадовъ, засвѣщилъ при ма-
ленькія восковыя свѣчи, прилѣпилъ одну къ
вершинѣ ковчегу и двѣ по бокамъ; взявъ при-
готовленную курильницу съ благовоніемъ,
при раза обводилъ ковчегъ, родъ шкапа:
глубиною, шириною и высокою не болѣе
аршина, при же раза щепель изъ куриль-
ницы высыпалъ въ поставленную на полу
шарелку; пошомъ взялъ двѣ губки, напо-
енныя одна масломъ, другая водою, каж-
дую губку обводилъ при раза около ковчегу,
и каждую при раза же выжималъ въ шу
же шарелку; съ лѣвой спороны ковчегу
свѣщилась лампадка и нѣсколько свѣчь
желшаго воска шеплились внушри ковчегу
передъ уродливыми идолами; на правой
споронѣ ковчегу, къ пошолоку прикрѣп-
лены при небольшихъ колокола. Неболѣе
десяти Индѣйцевъ были при служеніи,
всѣ въ шапкахъ и босоноги. Во все вре-
мя служенія, продолжавшагося съ часъ,
священникъ звонилъ лѣвою рукою въ ко-
локольчикъ, а правою обводилъ около ков-
чегу и пѣлъ со всѣми двѣ ношы, слово
Рамъ, Рамъ, Рамъ (Богъ), шолько мы
удержали въ памяти, а прочія слова не

могу вспомнить; другіе звонили въ родъ каспаньешъ, одинъ не игралъ, а скрипѣлъ на скрипкѣ или гудкѣ шѣ же двѣ ноты, и безъ-успали звонили въ при вышесказанные колокола. Подобной скуки въ жизнь свою не ощущалъ; глаза, уши и обоняніе ужасно спрадали; однако знаки всѣхъ руками крестообразны, и что Жрецъ всегда при раза обводилъ и поклоны земные, дѣлаемые ими при раза какъ будто увѣряюшъ меня, что и Индѣйцы по своему чшущъ шройсшвенное число; но всего шршвнѣе показалось мнѣ, что по окончаніи службы, неопряшный жрецъ давалъ каждому по маленькому кусочку дыни, изрѣзанной на блюдѣ, посшавленномъ съ правой спороны у ковчега на полу, и пошомъ давалъ запивашъ золу и изъ двухъ губокъ выжашую жидкосшъ. Мы принесли имъ свою благодарносшъ; они были очень довольны и насказали намъ много пріятносшей на Русскомъ языкѣ. На дворъ уже было шемненко; но мы повхали по улицамъ, гдѣ нѣшъ ни одного фонаря и ни одной будки, исключая по каналу шашъ, шесшъ, посшроенныхъ Варваціемъ. Меня увѣряли, что въ шемныя ночи много бывашъ шалосшей и безпорядковъ, и пошому собакъ вездѣ множесшво, и я въ

жизнь свою не слыхала сколько собачьяго лаю и вою, сколько здѣсь при въѣздѣ нашемъ и во всѣ дни пребыванія въ Аспрахани. Въ девять часовъ были дома, и передъ ужиномъ въ неопрятной банѣ мылись; помолясь, легли спать. Цѣлая сушка была несстерпимый жаръ.

10-Юля. Въ восемь часовъ встали, и хотя очень жарко, но должны были писать; были у насъ кое-кто. Съ пяти до семи гуляли; какъ будто въ Африкѣ, зной; въ восемь обѣдали; замѣчательно въ Аспрахани, что лѣтомъ, почти во всѣхъ домахъ окна цѣлая сушка заперши ставнями, отъ жару, мошекъ, мухъ и комаровъ, и у большей части домовъ, у оконъ снаружи приделаны желѣзныя рѣшетки; хотя будокъ нѣтъ, но у множества домовъ, коихъ считается съ лачужками около четырехъ тысячъ, стоятъ ночные стражи разныхъ націй и перекликающіяся; папури видны по улицамъ. Всѣ почти дома имѣютъ лавки, даже въ Губернаторскомъ весь нижній этажъ въ лавкахъ; мы всходили на Варваціеву колокольню Собора: виды прекрасные! Легли упомянутые рано, но отъ жару долго спать не могли.

11-го Юля. Воскресенье, съ трехъ часовъ до полуночи, лилъ дождь и при-

билъ пылъ; за то спало грязно; въ щесъ часовъ вешали, и пошоропились въ крестную церковь къ обѣдни, гдѣ службу совершалъ Архіепископъ Гаій, болѣе восмидесяти лѣтъ, но еще бодръ и благообразенъ. Послѣ обѣдни почтенный спарець пригласилъ насъ къ себѣ, подчиваль, но мы благодарили: еще восемь часовъ ушра было; глаголь умнаго свяшаго мужа крошкъ, убѣдшеленъ, просъ, ошкровененъ; дай-то Богъ, чшобъ всѣ Архіереи пеклись сполько о вѣрѣ, благолѣпїи Церкви и о ввѣренномъ спадѣ. Мы у него видѣли поршрешы всѣхъ Епископовъ и Архіепископовъ, бывшихъ въ Аспрахани: писаны даже хорошо, во весь роспъ безъ уменьшенїя природы; по его приказанїю, показывали намъ ризницу; досшовѣрно могу сказашъ, чшо подобной нигдѣ не видѣлъ, по богатшву и множеству. Въ Успенскомъ Соборѣ, Царскїя двери ковананаго серебра много - споящїя, пожершвованы первосташейнымъ купцомъ Сапожниковымъ, единспвенно изъ преданности къ Архіепископу Гаію — прекрасны, и вся церковь красива и необыкновенной Архитектуры; спо двадцашъ лѣтъ какъ вновь выспроена. Были у Коменданша, Генераль - Маїора, 62 - хъ лѣшняго Дельпоцо, кошораго я не видѣлъ

около придцати лѣтъ: живой спарець, памашь какъ у молодаго, разговоръ быспрый и умный! Были въ Каполической церкви, гдѣ много Армянъ и Армянокъ; чинно происходила служба и чинно всѣ внемлющъ, не шакъ какъ въ сполицѣ. Одиннадцатъ часовъ ушра и небо прояснилось, показалось солнце, не шакъ жарко, и улицы со скоростию высыхающъ. Мы дома: я въ задумчивости пишу; шоварищъ мой поже заняшъ; въ эшо время, доложась, вошелъ имянишый богатѣйшій купецъ Сапожниковъ, въ гарнишуровомъ голубомъ Русскомъ безъ кушака кафшанѣ, съ двумя золотыми медалями на груди, обложенными крупными бриліаншами, ростомъ великъ, сѣдовлась, съ большою сѣдою жъ бородою, вся наружность привлекательна и значительна, масшерище говоришъ, и шонко судиль, довольно начинанъ; но шакъ какъ я обратилъ разговоръ на расколы, онъ съ кротостию защищаль Спарообрядцевъ, никогда не упоминая слово раскольникъ; я ему совѣшоваль прочесть *Камень соблазна, Минятія*; онъ съ благодарностию взялъ записку; очень доволенъ былъ мною, когда я опдаваль справедливосшъ, хвалилъ жену меньшаго его сына, кошорой онъ еще не видалъ, а я по Пешербургу знаю,

Просиль къ себѣ, и мы разспались. Аспраханская рыбная торговля въ рукахъ нѣсколькихъ богачей; рыба здѣсь, какъ говорящъ, въ рошъ сама идешъ. Гуляли по грязнѣйшимъ улицамъ; жалко смотрѣшь на лачужки, въ такомъ городѣ, гдѣ бы должно всѣму процвѣшашъ. Ермоловъ еще не былъ здѣсь: Грузія его занимаетъ. Обѣдали въ прешъ-емъ часу, много говорили; поварищъ мой не хвалишь меня, что я всѣмъ правду говорю; что дѣлашь? но мнѣ поздно перешашъ истинною руководиться. Въ пять часовъ прибылъ Дельпоцо; разумный спарикъ: чего онъ намъ не рассказывалъ! Въ шѣсть часовъ пришелъ ко мнѣ С. С. Лашкаревъ, хорошій человекъ, что женашъ на Лазаревой племянницѣ, и я оставивъ поварища, пошелъ къ нему, возобновилъ знакомство съ женою его; познакомился съ дѣвицами Ивановыми, богатыми, умными, любезными, оспрыми; другой разъ по выѣздѣ изъ Петербурга пилъ чай, по есть чрезъ 40 дней! Въ девять дома съ перомъ въ рукахъ — и день кончился.

12-го Юля. Утро проведено въ писаніи и гуляньи; съ Лашкаревымъ ѣздили къ Сапожникову; проливной дождь; и мы въ каретѣ его поѣхали званые обѣдашь къ Комендамшу Дельпоцо. Спарикъ радъ былъ,

представилъ насъ своей родственницѣ, шутъ много объдало чиновниковъ Аспраханскихъ: разговоръ продолжался, до объда начашый о злоупотребленіяхъ по губерніямъ, о чиновникахъ скоро богатыми дѣлающихся, хотя Философскаго камня не нашли; горбашыхъ единая могила исправилъ! Діогенъ давно сказалъ, что воришковь ворами называютъ, а воры первосташейные разумниками именующея; и что большіе воры осуждаютъ и ведутъ на казни воришковь. Вдохнешь и вспомнишь Анахарсиса, кошорой уподоблялъ Солоновы законы паушинъ: большая муха прорветъ съшь и пролетитъ, а маленькая запусаеися и остаеися на съѣденіе пауку. — Поблагодаря хозяина за угощеніе, пошелъ къ Лашкареву, гдѣ нѣжный полъ очень любезенъ: крошокъ и съ хорошимъ воспитаніемъ, особенно двѣ сестрицы, хозяйки. Дома въ занятіяхъ: готовимся въ Тифлисъ.

13-го Іюля, въ пять часовъ проснулся; хотѣлъ кончить письма, не удалось; я за перо, а Сапожниковъ съ сыномъ и зячемъ въ дверь; Дельпоцо такъ же пріѣхалъ, шоварищъ мой пробудился, и мы поѣхали на Улугъ Чаганскій, К. А. Б. Кур. на рѣкъ Чаганъ, впадающей въ Волгу; дороги, осо-

бенно въ карешахъ, нѣсколько верстѣ нельзя похвалишь; пересѣли въ кашеръ большой, рѣка волновалась, *не люблю*; подняли паруса, кашеръ быстро разсѣкалъ волны; гребцы хопя Калмыки, но одинъ другаго молодцоваше; прѣхали на Учуги, позавтракали на берегу, сѣли опять въ кашеръ, чѣмъ ближе осмошрѣшь ловлю осепровъ и севрюги. Заколы, подобно какъ на Невѣ для ряпушекъ, но крѣпче; болѣе 200 поймали, менѣе часу; лодочекъ было съ пятьдесятъ, въ каждой по два человѣка, во многихъ женщины, дѣвушки, даже дѣти, и всѣ въ родѣ вуалей, опъ солнца и насѣкомыхъ, въ перчаткахъ; искусно и проворно, ударяють рыбу вынырнувшую, деревяннымъ молошкомъ въ голову, она скроется и опять вынырнѣшь, ее багряшь и шащашъ въ лодку. Признаюсь, предъ прочими охошами, эша мнѣ болѣе понравилась. Весело и пріятно смотрѣшь. Иныя лодочки поймали по семи и болѣе, получаютъ плашгъ за каждую бѣлугу 2 руб. 55 копѣекъ, за осепра рубль пятьдесятъ копѣекъ, за севрюгу полшину; при насъ не было лову бѣлугъ: не по время; въ удовольствіе наше оспановили охошу, и всѣ лодочки причалили къ берегу къ выспроеннымъ анбарамъ; со скороспїю вшащали

ихъ, съ искусствомъ и проворствомъ распластали, ошдѣляя икру, клей, вязигу, солили; при насъ паисную икру въ десять минутъ пригопсовили, и два мѣшка подарили. Справедливо скажу: порядокъ, точность, пишина — соблюдены, что доказываетъ знаніе своего дѣла, сына старшаго Сапожникова, который сохраняетъ бороду; но жаль, что въ *сюртукъ*, а не въ Русскомъ кафтанѣ; въ немъ виденъ человекъ начинанный, имѣетъ даръ глагола и мапемапическую ясность въ мысляхъ. Обѣдъ, данный Гг. Сапожниковыми, хоть бы въ С. Петербургѣ въ первѣйшемъ домѣ, по всѣмъ отношеніямъ; и услуга, и чистота опличны. Принесли нашу благодарность, поѣхали въ Аспраханъ, куда въ семь часовъ прибыли, кончили свои письма; одѣлись по бальному и въ девять часовъ были уже у Лашкаревыхъ и Ивановыхъ. Тутъ было болѣе сорока Армянокъ; почти всѣ хорошенькія, много въ національныхъ платьяхъ, и безъ перчатокъ, и пальцы унизаны бриліаншовыми перстнями, что очень не нравится; головы хорошо убраны; а что всего лучше — у всѣхъ почти глаза огнемъ наполненные, черные, и всѣ малорѣчивы, спыдливы, что болѣе привлекаетъ сердца; шанцуютъ

большую частію прелестно, исключая Армянской пляски, которой молоденькія не любящъ, монотонна или единообразна и скучна; но ли дѣло наша Русская пляска единая въ мірѣ, и всѣ Французскія, Нѣмецкія, Италіянскія, Англійскія и проч. должны преклонить колѣна предъ Русскою, говорящею пляскою! Товарищъ мой панцовалъ безъ успахи, и всѣ полюбили его, и вашъ покорный слуга съ первою красавицею, вдовушкою двадцати - лѣтней М. М. урожд. Г., съ премилыми дѣвцами С. М. И., С. Я. Б. и съ другими. Русскія, бывшія шутъ, должны были уступить преимуществу въ красотѣ Армянкамъ. Музыканты играли безъ нотъ до четырехъ часовъ, и очень не дурно. Ужинъ прекрасный, во время котораго, я упросилъ многихъ снять перчатки и оставить старый обычай, носить перчатки; кажется, съ благодарностію приняли мой совѣтъ, и шѣмъ доказали свою кротость.

14-го Іюля. — Въ пятомъ часу утра, распростясь со всѣми бывшими на балѣ, поѣхали домой; переодѣвшись, сѣли въ шлюбку, и въ шесть часовъ перѣѣхавъ Волгу, оставили Аспраханъ. Экипажи перевезены были на паромѣ, насъ провожали: Лашкаревъ Сергѣй Сергѣевичъ, Князь Да-

выдѣ Меликшановъ, сынъ гостепріимной хозяйки — Горбуновъ, и другіе, снабдили винами и разными съѣзными припасами.

15-го. Въ Кумской станціи, почтовой домъ дурень, конюшенъ нѣтъ, жалко смотрѣть на лошадей, однако почти всѣ хороши; ѣхали почно Ливійскими полями или степями: зной солнечный, раскаленный песокъ, и вокругъ, кромѣ обгорѣлой травы, ни чего не видно; въ одиннадцатъ часовъ на станціи Бѣлое озеро; только и видишь людей при перемѣнѣ лошадей, и какую нибудь встрѣпишь старую женщину; тамъ и сямъ пасутся верблюды. Калмыки и ужасно нечистыя ихъ кибитки обратили со вздохомъ мое вниманіе. Въ каждой кибиткѣ посреди уголья, и мефистическій воздухъ, съ дымомъ, не пріятенъ и глазамъ и обонянію, дѣши закопѣлыя отъ дыму и солища, не похожи на людей, почно головешки, — дѣвушки и немаленькія, безъ покрова, какъ мать природа произвела на свѣтъ; грустно и душно больно; я съ ними говорилъ, подходилъ близко, и уговаривалъ жишь въ избахъ; на меня смотрѣли, ни чего не отвѣчая. Ямщики, не смотря что Калмыки, молодцы. Степь разнообразна и воды — солончаки; мы по гошовой соли ѣхали, ходили, и я

лилъ слезы отъ благодарныхъ чувствъ къ Богу; какъ все это приближаетъ къ истинному почитанію Промысла; шутъ же какъ бы нарочно; для утѣшенія человѣческаго, лешають или по солончакамъ *елупо, еордо* гуляютъ бабы пшцы, лебеди осанисто, фламань красиво, гуси и утки просто; если бы время, сколько сравненій можно написать. Всѣ сѣи пшцы не приступны по дикости своей; лишь взвидишь челоука, ужъ подъ облаками, а люди спесивые видяшь, да не хочашь видѣшь себѣ подобнаго. Въ шестомъ часу по полудни, оставили за собою Астраханскую губернію въ Худоцкой станціи и въѣхали въ Кавказскую. Отъ С. Петербурга, родныхъ и любезныхъ далеко, далеко! До сихъ поръ проѣхавъ болѣе тысячи верстъ спешими, долженъ признаться, что или за наказаніе, или изъ нужды, или по службѣ, или изъ прямой любви къ опечесству, можно предпринять столь трудное путешествіе; однако если кто готовитъ себя бытъ полезнымъ опечесству, особенно родясь на высокой степени, тошъ неоспоримо долженъ знать свою родину не по Географіямъ, а самому видѣшь, судишь и достигнувъ званія дѣловца Государственнаго, извлекать пользу изъ каждой губер-

ніи; таковой чиновникъ заботился о наданіи истиннаго счастья соотчичей, о благе великаго Россійскаго народа.

16-го Іюля. — Всю ночь въ дорогѣ, въ шестъ часовъ утра на развалившейся станціи Горшкинской, въ девять въ Адхиханской, гдѣ смотритель почты напугалъ насъ о опасности дороги, что вчера къ нему вошли четверо вооруженныхъ Персіанъ, что хотѣли заколотъ, и что онъ съ Тапарами, своими ямщиками, напалъ на злодѣевъ, опинялъ у одного ружье, которое и показывалъ намъ, а прочіе де разбѣжались; правду сказать, въ снѣгахъ, горахъ и въ глуши, слыша подобные разговоры, родяся незабавныя мысли; впрочемъ на меня, не шакъ-то храбраго, никакого вліянія не сдѣлало, а на товарища моего и менѣ того. Богъ даетъ крѣпость душевную и слабымъ духомъ, когда предстоитъ опасность; мы доѣхали счастливо до станціи Бороздинской. Съ сей станціи въ первый разъ, шестью козаками были сопровождаемы; съ конвоемъ безопасности и даже *веселье*; однако у меня, какое-то новое чувство родилось, въ опечиствѣ своемъ — и не бытъ безъ страха! Что дѣлалъ, сосѣди дикари неугомонные: Чеченцы, Персіане, Кабардинцы, Лезгинцы и

другіе. Переѣхали на паромѣхъ двѣ рѣки Прорву и Борозду, впадающихъ въ Терекъ. Въ четвертомъ часу по полудни, при множествѣ провожашихъ, вѣхали въ Кизляръ; остановились въ домѣ богатаго Армянина Ломизова, по письму С. С. Лашкарева, которому онъ родственникъ; жарко и вѣпрено, дорога не слишкомъ хороша; особенно одна яма, лошади по морду въ грязи; по моей просьбѣ, въ два часа зарыли яму, и благословенія неслись на главу мою, особенно бѣдняками. Кизляръ городъ деревянный, садовъ виноградныхъ много; завтра напишу болѣе; только что опобѣдали въ семь часовъ и кинулись на солдому, крайне утомленные отъ дороги и жару.

17-го Іюля. Вчера осматрѣли все; жителей мужескаго пола около 4000; Армянъ 2500, Грузиновъ болѣе 400, Руескихъ 41 человекъ, есть еще разные пришельцы. Церкви изрядныя, а Соборная Армянская — недоконченная, дорогá и будетъ хороша; смѣта положена болѣе трехъ-сотъ тысячъ рублей, и большая часть денегъ нашего гостепріимнаго-хозяина Ломизова, который, по наружному одѣянію своему, не общается своего богатства, чужды свѣтскихъ учтивостей. Осматривая крѣпость,

взглянулъ на арестантовъ закованныхъ, присланныхъ Ермоловымъ; двое изъ оныхъ шакъ ужасно посмопрѣли на меня, казалось, что кинжалъ убійственный въ груди моей. Комендантъ имѣеть обширные виноградные сады; Городничій Швецовъ очень хорошій молодой человекъ, былъ и таможенный начальникъ. Въ семь часовъ упря сопровождаемые шестью козаками выехали изъ Кизляра. Богъ вселилъ покой въ душу мою; шесть станцій до Наура, болѣе 150 верстъ, по палящимъ степямъ; тако-го жару не ощущалъ никогда; ѣли два раза подъ огненнымъ солнцемъ на знойномъ пескѣ. Вода вездѣ дурная; въ послѣдней станціи домики, а въ пяти предъидущихъ небо и песокъ. На послѣднюю прѣехали въ десять часовъ вечера, очень было темно; шупъ совѣщевали не ѣхать и что ни кто не ѣздитъ хотя и съ конвоемъ; и мнѣ не хотѣлось, но товарищъ мой убѣдилъ меня, и шѣмъ болѣе я рѣшился, что ямщики Тамары пугали, а Русскіе, смѣясь намъ ними, опасности не предвидѣли; перекрестясь усердно, поѣхали, однако конвой былъ увеличенъ. Опасностей конечно много, но — должно Рускому дворянству имѣть понятіе обо всемъ, чтобы въ послѣдствіи умѣть разсуждать.

18-го Іюля. Въ часъ по полуночи прѣхали въ Науръ, оспановились въ казенномъ домѣ, поѣли супу и легли спать на матрасахъ, принадлежащихъ квартирующему тутъ Подполковнику Петрову, Командиру Моздокскаго козачьяго полка; въ сіе время онъ былъ съ женою на Кислыхъ водахъ. Въ восемь часовъ были уже одѣшы, и насъ посѣтилъ Подполковникъ Поповъ, Командиръ 19-го Егерскаго полка и Комендантъ Наурскій. Когда, по его желанію, вручилъ я ему записку о себѣ, онъ съ радостнымъ лицемъ привѣтствовалъ меня и между прочимъ говорилъ: „я васъ знаю, вы истинный патріотъ, я ваши труды съудовольствиемъ читалъ, читаю и буду читать; вы вашимъ перомъ воспламеняете любовь, опечесство и Государя своего.“ Я краснѣлъ; но пріятнѣе было слышать похвалы на линіи, нежели въ С. Пешербургѣ. Тамъ у насъ *мода* дѣйствуетъ на все и на умы, знанія и даже на поведеніе; здѣсь большею частію правдою руководствуясь — и ложь мало извѣстна. Церковь одна, жищелей 1500. Въ одиннадцатомъ часу, поблагодаря за ночлегъ, пустились далѣе и проѣхавъ быспро съ молодцами, Моздокскими козаками 57 верстъ, при благопріятной погодѣ достигли давно желаемаго Моздока, и чпо жъ

увидѣли? Деревянные домики, мазанки, почти всѣ соломою крышые, семь церквей очень небогатыхъ. Комендантъ Кошыревъ больной поставилъ намъ караулъ, что было и въ Науръ. Мы пошли по городу, доходили до Терека, быспрѣйшей и прешумной рѣки; въ семь часовъ обѣдали хорошо, въ домѣ Ерловой. Купивъ соломы дорогою цѣною, ходили еще по городу; мало встрѣчали, а женщины ни одной; многія изъ нихъ выглядывали изъ домиковъ своихъ; но лишь взглянушь, шопчасъ скроются. Большая часть мужчинъ поѣхали на Макарьевскую ярманку, а потому жены ихъ, матери и дочери сидятъ или дома или въ своихъ садикахъ, и единообразно проводятъ время. Въ десятомъ часу мы легли спать.

19-го Юля. Понедѣльникъ. Комендантъ Кошыревъ говорилъ, что, безъ военныхъ, 7000 жителей въ Моздокъ, Армянь боѣе всего, а Россіянъ менѣе; шутъ живутъ Осепинцы, Грузинцы, Кабардинцы, Чеченцы и Капголики - Армяне. Чеченцы нынѣ шакъ усмирены почтеннымъ Ермоловымъ, что нанимаются возить хлѣбъ Рускимъ опсюда въ Тифлисъ и на линію, но всегда спрашино вооружены, и всегда провожаешь ихъ какъ дѣшей, чтообъ не нашаши-

ли дорогою, команда, хорошо вооруженная, съ пушками и съ зажженнымъ фишидемъ. Прибавить должно, что мы ѣхали отъ злодѣевъ Чеченцовъ, отъ бо до 20 верстъ близости, но ничего не случилось. Дорога отъ Наура до Моздока хоть шаромъ покажи; сѣва видны въ дали горы, и извивистый Терекъ, есть деревья и множество дикихъ розъ, съ правой степь, оброщанная же степь къ Тереку.

Сего дня вспалъ въ пять часовъ, написалъ свой журналъ, въ восемь пили кофе, потомъ сѣлъ подгорюнившись у окна: много идей пробѣжало въ головѣ моей, слезы нечувствительно выкашались, а все отъ того, что нѣтъ вѣстей изъ столицы, что не вѣдаю о здоровьѣ родившей меня, и о близкихъ сердцу моему. Желая разсѣять себя, взялъ чашать какое-то вздорное путешествіе по Крыму, безымяннаго Француза. Въ часъ сѣли обѣдать; Моздокское вино даже хорошо; жары и усталость ошныли позывъ къ ѣдѣ, при дни ѣлъ — чтобы ѣсть, безъ всякаго желанія, сего дня какъ здоровый. Моздокскій нѣжный полъ, подобно Астраханскимъ дамамъ, завернушы съ головы до ногъ въ бѣлыя простыни. Нашу хозяйку Ерлову наконецъ увидѣлъ въ саду запущенномъ; на мой по-

клонъ отвѣчала поклономъ, краснѣя; на мои привѣтливыя слова отвѣта не было, повторился только поклонъ, и дѣвушка ея шже, но съ грубостію и ни какой услуги не хотѣла оказать; хорошо, что у насъ все нужное съ собою, а то бѣда; тогда дѣло въ другихъ городахъ, такъ и ухаживаютъ, Нездоровый Комендантъ Кошаревъ увѣдомилъ лично насъ, что завтра мы можемъ пуститься къ Тифлису, что онъ уже свои распоряженія сдѣлалъ, насъ будучь провожатъ около спа чловѣкъ пѣшихъ солдатъ, съ одною пушкою, и шесть козаковъ, самое сенсименпальное, прогательное путешесствіе! Уложились, въ девятипомъ часу предались покою.

20-го Іюля. Дождь, сыро, въ пять часовъ встали, въ семь выѣхали; до Терека пять верстъ, — предурная дорога, новая дѣлается, въ два года будетъ гонова и прямѣ; въ девять съ половиною, въ четыре пріема, на дурномъ паромѣ переѣхали; каждого ужасъ обнимешъ, видя нѣсколько сопенъ вооруженныхъ полунагихъ, съ звѣрскими лицами, загорѣлыхъ, брадастыхъ Лезгинцевъ, Осетинцевъ, Кабардинцевъ, Киргизъ-Кайсаковъ, Нагайцевъ, Татаръ и другихъ; но мой ужасъ еще болѣе увеличился, когда меня окружили нѣсколько десятокъ нѣзъ

оныхъ, и чрезъ переводчика, просили приказашъ заплашишь имъ недоплаченное за перевозку хлѣба; справедливая, или нѣшъ, была ихъ просьба, не знаю; но я, чтобъ отвязанъ отъ спрашанищъ, общалъ всѣ желанія ихъ исполнишь, и чтобъ далѣе отъ себя отвдечь, указалъ на молодого по опдалъ споящаго, лѣпообразнаго моего товарища; они, увидя на немъ звѣзду и кресты, оставили меня и обратились къ нему съ тою же просьбою; и онъ имъ все посулилъ; они оспались довольны; между тѣмъ, мы стояли на берегу и съ изумленіемъ смотрѣли, какъ сіи дикари гоняли быковъ изъ Моздока чрезъ Терекъ. Одна часъ гонить быковъ по Моздокскому берегу, противъ теченія; и вдругъ съ быками бросаются въ Терекъ, которая быспроптою своею спремишь ихъ по теченію; тогда, видишь безспрашіе сихъ нашихъ спрашанищъ, шо на быкахъ, шо схватясь за рога, крутятся вмѣстѣ въ водѣ; другіе въ это время нагіе же кидаются съ берега прошиво-лежащаго, гдѣ мы стояли, и помогають тѣмъ извлечь быковъ изъ рѣки; мудрено описать эту картину, такъ она необыкновенна; кажется, видишь Американцовъ въ самой дикости своей. Жаль, что единственный

Державинъ скончался: только ему, его великому дару можно бы, въ стихахъ высокихъ, начертать Терекъ, и дать выспремену своему разуму пищическую пищу. Нынѣ только и пишутъ нищенскія Баллады, посланія, пѣсенки и подобныя бездѣлки. Одинъ Мерзляковъ Поэзією занимается, а Каченовскій учить какъ писать прозу, и судить какъ Болшинъ.

Коль скоро наши экипажи, были перевезены, мы сѣли у редуна Александровскаго, недалеко отъ берега построенаго; шутъ Комендантъ Гильденгофъ. Отъ сего укрѣпленія до редуна Константиновскаго 33 версты. Половина дороги гориста и не слишкомъ лѣсиста; малая Кабарда; провожавшій насъ живой офицеръ Никановичъ; говорилъ, что въ лѣсахъ водятся кабаны всомъ въ двѣнадцать пудъ, козы, олени, зайцы, много разнородныхъ птицъ; но мы видѣли только дикихъ козъ, красиво прыгавшихъ и красивыхъ фазановъ. Есть также и другіе звѣри; но злѣ всѣхъ Лезгинцы. Проѣхавъ двѣнадцать верстъ, между горъ, въ ущельѣ, на сырой правѣ, у колодца, выкопаннаго Генераломъ Дельпоцомъ, обѣдали холодное, вмѣстѣ съ офицеромъ, и солдаты поже дѣлали; а козаки на горахъ фланкерами. Въ началѣ сего

да, въ этомъ ущельи, на возвращающуюся изъ Тифлиса почту, въ числѣ двѣнадцати человѣкъ козаковъ съ уншеромъ, напали было нѣсколько десятокъ Лезгинцевъ. Горы зеленыя зрѣнію пріятны, черноземъ вездѣ, и ежели бы Лезгинцы воздѣлывали землю, не имѣли бы времени убійствомъ и грабежемъ заниматься, нынѣ смирнѣе стали: имя Ермолова страшитъ ихъ, онъ не шумитъ, а смерти предаетъ злодѣевъ. Въ семь часовъ по полудни вѣхали въ Констаншиновской редушъ, гдѣ Комендантъ Капитанъ Тимошевскій, молодецъ и очень мнѣ понравился своимъ образомъ мыслей. Поваръ приготовилъ намъ ужинъ, и мы послѣ онаго въ казармѣ пѣсененькой легли на сѣно, и крѣпко заснули; давно я такъ не успавалъ; 33 версты мы ѣхали въ коляскѣ, верхомъ и шли, всего времени десяти часовъ.

21-го Іюля. Вспавъ въ шесть часовъ, хотя дождливо было и грязно, но я осматрѣлъ редушъ; нельзя сказать, чѣмъ укрѣпленіе было слишкомъ хорошо, и казармы вѣшховаты; путь стоятъ двѣ роты и въ амбразурахъ, на платформахъ, чешыре пушки; здѣсь живутъ по необходимости какъ пусшынники и вѣчно въ шрудахъ; вошъ таковая служба — почно

служба и заслуживаетъ уваженіе и награды: всякой день держи ухо остро, и всякой день думай драться.

Въ 8-мь часовъ ушра выѣхали, при той же необходимой церемоніи: сто человекъ пѣхоты съ заряженными ружьями, двѣнадцать козаковъ и иушка. Вчера едва доѣхали на дурнѣйшихъ, некормленныхъ лошадейхъ, данныхъ намъ за деньги въ Моздокъ. Сего дня на славнѣйшихъ, едва въ часъ и 25 минутъ переѣхали семиверстовую крупую гору, (цѣль сихъ горъ, большая Кабарда): трудность переѣзда умножилась отъ прехъ-дневныхъ дождей, ужасно спало грязно; почтенные солдаты почти на плечахъ вывезли коляску; въ бояхъ, прудахъ — всегда молодцы. Поручикъ провожавшій насъ, Серро, родомъ Грекъ, очень порядоченъ; жаль что не говоритъ по Гречески. Оставя гору за собою, тѣлохранители наши опдыхали и ѣли, и мы тоже дѣлали. Гора, которую мы проѣхали, черноземъ, съ обѣихъ сторонъ покрыва лѣсомъ; дорога сажени полторы шириною, и уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, солнечные лучи мало доходятъ, а потому не скоро высыхаетъ гора; однако есть красивые виды, орѣшникъ, дикія розы, липа, дубъ. На восьмой верстѣ соединяются

горы; путь-то было, по словамъ Серро, нѣсколько нападений на козаковъ. Съ сего мѣста дорога до Елисаветинскаго редута почти хороша, но все-таки горы, между ними есть и долины; по горамъ съ обѣихъ сторонъ ѣхали фланкеры, по три козака. Встрѣпили почту изъ Елисаветинскаго редута 15 козаковъ и 15 пѣшихъ: такое распоряженіе сдѣлано послѣ выше-сказаннаго нападенія. У самаго редута проѣхали мостъ чрезъ рѣчку Камбелейку; путь на поляхъ, косятъ солдапы и козаки вооруженные, не смотря что живутъ мирные Осетинцы — но все злодѣи. Съ правой стороны не оставляютъ путешественника горы большой Кабарды; слѣва оплого. Въ три часа по полудни пріѣхали въ Елисаветинскій редутъ, гдѣ Комендантъ Маіоръ Усуповъ. 28 верстъ ѣхали въ коляскѣ, верхомъ и шли, всего времени семь часовъ: есть время наговориться, надуматься и наглядѣться. Въ низенькой казармѣ съ малѣйшими окнами, только что расположились обѣдать, пріѣхалъ изъ Индіи и Персіи, чрезъ Тифлисъ, Англійской Гусарской двадцати-двухъ лѣтній Капитанъ Иванъ Ло; послѣ пяти словъ ошъ шоварища моего на Англійскомъ языкѣ, съ видимою радостію сѣлъ за нашъ столъ, все хваля, ѣлъ

въ обѣ щеки, увѣряя, что при себѣ, кромѣ чаю, ни чего не имѣеть, и что давно шакъ хорошо не обѣдалъ; выпилъ къ горести нашей цѣлую бутылку мадеры: это не шутка въ дорогѣ и на Кавказской линіи; при немъ какой-то смышленный переводчикъ, Жидъ или Нѣмецъ, не знаю; молодой Иванъ Ло говорилъ о себѣ, что хотѣлъ; будто рисуешь, будто пишешь свой журналъ; я послѣ обѣда по Французски увѣрялъ его, что онъ ни чего не пишешь: ибо не спросилъ даже — у кого онъ имѣлъ честь обѣдать, и насильно далъ ему записку о товарищѣ моемъ и о себѣ. Вотъ шакъ-то ѣздяшъ иностранцы по Россіи, и потомъ выдають огромные свои журналы. Горенамъ! — Въ десяти верстахъ отъ сего редута живуть крещенные Осепинцы въ аулахъ своихъ, хуже нашихъ презамаранныхъ избъ. Въ 8 часовъ мы легли спать, дождь лилъ, грязно, и что за пріятность гуляшъ въ редутѣ спѣсненномъ; я однако успѣлъ бышъ у Коменданта Успенкова: пилъ чай, и познакомился съ его сестрою; ее одна дама, которую видѣлъ, осмавя Моздокъ.

22-го Іюля. Въ шесть часовъ утра, уже были мы готовы, опили и кофе, Иванъ Ло, Англичанинъ, шутъ какъ шутъ;

простились, семь часовъ пробило, съ пою же церемонією опсправились; дорога хороша; проѣхавъ верхомъ и прошедь 16 верстъ, оспальныя восемь, въ ошкрышой коляскѣ, съ козаками шолько рысью поѣхали въ Владикавказъ; куда прибыли въ часъ по полудни. Провожавшій насъ Шшабсъ-Капшпанъ Токаревъ, препорядочный молодой человекъ. Дорогою справа Кавказскія горы, снѣжныя, при тучныхъ облакахъ, мало были видны. Вышедь изъ коляски, прямо пошли къ Владикавказскому Коменданту, Полковнику Николаю Пешровичу Скворцову, человекъ хорошему, ошличному, кропкому и дѣло свое исправно выполняющему: такъ о немъ всѣ говорятъ, и всѣ хвалятъ. После привѣщствій, просилъ обѣдать; мы съ удовольствіемъ оспались. Явилась супруга гостепріимнаго Скворцова, Марья Ивановна, дочь покойнаго Генераль-Майора Ушакова, двадцати одного года, съ чешырьмя дѣшми: прекрасна собою и самаго любезнаго, умнаго обращенія; мать ея, лѣтъ сорока, привѣшлива и пріятна; обѣдъ хорошъ, и вино шоже; въ пять часовъ мы были въ чистомъ домѣ; распорядились, оспавивъ коляску и кибишку большую здѣсь; а самимъ съ егеремъ и поваромъ, при одной кибишкѣ, ѣхашъ въ Тифлисъ верхомъ; горько мнѣ

было такое учрежденіе, но нечего было дѣлать; должно повиноваться общепельсшвамъ. Въ седьмомъ часу, мы опять пошли къ Коменданшу, поговорили и о томъ и о другомъ, пили чай; шоварищъ вскорѣ отсправился спать, а я упрошенный оспался ужинавъ, и чрезвычайно былъ доволенъ бесѣдою нѣжнаго пола; въ одиннадцатъ часовъ былъ у себя, написалъ журналъ, почишалъ и предалъ себя, послѣ молишвы, сладкому успокоенію.

23-го Іюля. Ночь ливнемъ лилъ дождь и утро поже; въ шесть часовъ мы были готовы, а выѣхали въ десятъ; дождь переспалъ; грязь ужасная; безъ пушки, только тридцать пѣшихъ солдатъ и шесть козаковъ провожали до редута *Новинки*, который занимаетъ офицеръ съ сорока рядовыми для охраненія дороги; шесть верспъ показались мнѣ шестидесятью; дорога гладка, съ лѣва шумитъ Терекъ, вдали со всѣхъ сторонъ горы, и видѣнъ снѣжный и ледяной Казбекъ. Еще шесть верспъ и мы въ слободѣ и крѣпостцѣ *Балтъ*; несносная дорога! хотя и красива природа, ни въ чемъ недѣзя пріятно проѣхать; я, по пѣшкомъ, по верхомъ, по въ кибишкѣ, — ужасъ худо, безъ вины спраждешъ, а въ хорошемъ экипажѣ жаль. Передъ *Балтою* горы лѣси-

спы, Терекъ шумнѣ и долина противуле-
жащая прелестна. Редушъ *Гайдукино* или
Максимовка, восемь верспъ, несстерпимая
дорога, каменисная и *прерябая*; еще шессть
верспъ до крѣпоспцы *Ларси*; вообщѣ двад-
цать чешыре верспы, горы обнаженныя,
каменныя, высошою ошъ шрехъ-сошъ са-
женъ до верспы и болѣе, по крайней мѣрѣ
мнѣ такъ казались; ѣхали по подошвѣ оныхъ
я пѣшкомъ, и нѣсколько разъ верхомъ;
спрашно и шрудно; съ права ужасъ наво-
дяшъ горы, съ навислыми выступами и съ
порчащими по бокамъ большими деревьями,
кажешся опшпоргнушся и размозжашъ пу-
тешешественика; съ лѣва не пересстаешъ
шумѣшъ Терекъ, капаетъ большіе каменья,
какъ камешки; дорога шириною ошъ двухъ
саженъ и въ половину менѣе; съ права какъ
сказаль раздавяшъ шебя горы, съ лѣва
осшупяся полѣпишъ въ Терекъ. Въ ше-
спомъ часу по полудни добрались съ боль-
шимъ шрудомъ до *Ларси*; я ужасно ушоч-
мился; ошъ пѣшеходспва и верховой ѣзды,
въ сорокъ пашъ лѣшъ, и не мудрено; дай
Богъ каждому выдержашъ несносный жаръ,
и вдругъ, взойдя на горы, пронцашельный
холодъ; въ грязи, въ водѣ, и весь промо-
ченъ насквозъ ошъ дожда и высушенъ ошъ
прямыхъ лучей солнечныхъ; благодарноешъ

Богу! я здоровъ, какъ молодой. На пуши къ Ларси, спрашно и пріятно проходишь или проѣзжаешь, по крупому берегу сердипаго Терека; въ двухъ мѣстахъ, на нѣсколько сажень, сдѣлана дорога въ горѣ, взрывомъ пороха: высока, широка и ужасна; надъ тобою висятъ двѣ громады ужасающей скалы, высунувшейся отъ родившей ее горы, если *критика* позволишь такъ сказать. — Въ крѣпостцѣ *Ларси* Капишанъ и Комендантъ съ женою и претя дѣтьми, уступалъ намъ въ сажень квадратную комнату: благодарили, не желая стѣснить семейство его, и безъ того стѣсненнаго; мы избрали для своего ночлега казарму; въ дорогѣ все перенесешь, и Богъ даетъ здравіе. Душею жаль офицеровъ, кошорые прямо служатъ, ежечасно въ опасностяхъ, не вкушая ни какихъ пріятностей жизни; однако веселы и съ мужествомъ довольны. Смѣйтесь, крипики, а я опять повторю, что дорога по подошвѣ цѣпи Кавказскихъ горъ, узка, гориста, и большею частію дурна. Конечно горы плѣнительны дикостію и разнообразіемъ; но естъли бы всё сіе не сопряжено было съ такою опасностію и безпокойствомъ; Казбекъ видѣнь, но мы не доѣзжали до него. Въ жизни разъ можно жер-

иву сію сдѣлать по охотѣ, и по мущинамъ, *служба другое дѣло, куда пошлютъ, вездѣ хорошо.* Присяга съ благородною душею все переносишь, съ швердостію и безъ ропоша; такими мужами гордишься древностъ; шаковы почти всѣ Русскіе, особенно гошоващіеся въ военное поприще; шаковыхъ я знаю нынѣ живущихъ, кои гошовы, по велѣнію Государя своего, лешъ на край Свѣта, для блага своего опечества. Кто осмѣлился не почиашъ истинныхъ военныхъ людей?

Въ Ларси съѣхалось много чиновниковъ изъ Тифлиса и Владикавказа съ разными порученіями; познакомился съ двумя Греками; одинъ Сулшанинъ, другой Геракопуло, молодцы. Крѣпосща выстроена въ Тагаурскомъ ущельѣ, красиво и дико; — въ сорока саженьхъ глубины, аулъ крещенныхъ Осепинцевъ; я было пошелъ къ нимъ, но солдаты ошсовѣшовади, прибавя, что они не любяшъ новыхъ лицъ, можешъ случишся и бѣда. Осепинки всѣ почти прекрасны, не смошря, что обгорѣли, и въ изорванномъ одѣяніи; лица ихъ правильны и глаза выразительны.

Въ избранную нами казарму съ крошечными безъ стеколь окнами, съ землянымъ поломъ, купили сѣна и соломы; по-

оплали себѣ постели и кончили обѣдъ и ужинъ въ семь часовъ, въ восемь легли почивать; дождь идетъ.

24-го Іюля. Ночь, на сіе число, провели въ мученіяхъ; милліоны насѣкомыхъ перзали насъ, особенно черные прыгуны; однако мы крѣпко отъ успали заснули, предавъ себя на сѣденіе; безъ всякаго прибавленія, проснувшись въ шесть часовъ, спалъ одѣваясь, увидѣлъ себя безъ сапоговъ, въ сапогахъ: шолікое-шо множество черныхъ прыгуновъ! Нечего дѣлать, одѣлись, и вышли на чистый воздухъ; солнце освѣщало окружности велѣдно. Вчера отъ того не добѣжали до Дарьяла, что громошумящій, быспропечный Терекъ, силою своею опорвалъ часть дороги сажени на три; оспались на опшоргнутомъ мѣстѣ гора и Терекъ.

Въ семь часовъ ушра, товарищъ мой, желая удостовѣриться, поѣхалъ къ Дарьялу; при насъ Терекъ, съ ужаснымъ шумомъ, опорвалъ еще дороги на двадцать и болѣе сажень. Первую, какъ утверждалъ офицеръ, бывшій у меня кадепомъ, можно дни въ чешыре поправить, при двухъ есахъ рабочихъ, впору и въ мѣсяцъ мудрено. И пакъ наше желаніе быть въ Тифлисѣ не выполнилось; признаюсь, для ме-

ия и вышеписанныхъ прудностей довольно; въ Тифлисъ я только и хотѣлъ видѣть Ермолова и Миспрополиша Теофилакта; перваго зналъ кадетомъ, вѣпотаго и свѣщскимъ и Архіепископомъ; а впрочеиъ, по словамъ многихъ, Тифлисъ мало имѣетъ достопамятностей. Когда товарищъ мой ошѣхалъ осмопрѣтъ дорогу, я оспавался въ крѣпости, окруженный горами, врагами и смершельною скукою; два часа показались мнѣ недѣлею. Явился товарищъ мой, мы поѣхали, и въ четьре часа по полудни возвратились въ Владикавказъ, по прежней дорогѣ; въ пять часовъ, по милости Комеданша Скворцова, были въ банѣ, отдохнули, и съ аппепишомъ обѣдали и ужинали въ одно время, у него же; всѣ рады были намъ, какъ роднымъ; нынѣ словъ благодарить за всѣ попеченія!

25-го Іюля. Воскресенье; день для души моей пріятный: рожденіе одной особы, которая соединяетъ въ себѣ качества, достойныя подражанія (*). Угодно было намъ посѣпить нѣкоторымъ начальникамъ Осепинцевъ и Кабардинцевъ, по словамъ ихъ совершенно преданнымъ Россіи. Были у обѣдни, гдѣ Священникъ, уроженецъ Перм-

(*) Нынѣ она, за свои добродѣтели, лнкуетъ съ Нссозданнымъ.

скій, хорошо служилъ. Завтракъ у Коменданша; при благопріятной погодѣ гуляли въ саду его: не дурень и огромень. Обѣдали у него же; подлѣ меня сидѣла Капитана Шабишева жена: очень мила и молода; онъ скромной офицеръ. Съ шести часовъ до восьми, въ саду, пили чай, ѣли фрукцы, роговая музыка для слуха была пріятна; рога сдѣланы изъ карпузной бумаги, выкрашенной подъ цвѣтъ мѣди. Если бы не сказали и я не ошупаль, никогда бы не повѣрилъ сей выдумкѣ; — нужда научить калачи ѣсть. Я зашѣялъ, рады были всѣ, пустились въ танцы, только при дамы и сполько же кавалеровъ; нѣжный полъ въ сихъ краяхъ рѣдокъ; что всего пріятнѣе и необыкновенно, подлѣ большими, многочисленными персиковыми деревьями происходили наши вальсы, экосесы и кадрили. Дамы, Скворцова, Шабишева и дѣвица Каспыгова, дочь Подполковника, здѣсь служащаго, всѣ при молоды, хороши и танцовать мастерицы. Довольныя разошлись. — Послѣ одного супу у себя, предались власти Морфея.

26-го Іюля. Мы были у многихъ, простились; ранѣ обыкновеннаго угостили насъ послѣднимъ обѣдомъ Комендантъ; всѣ пожелали намъ счастливаго пуши. Въ два

часа по полудни были уже мы въ Елисаветинскомъ редушѣ; ошъ нечего дѣлать, писалъ много писемъ. Погода хороша, наши супъки кончились въ 8 часовъ.

27-го Іюля. До Константиновскаго редуша, по пѣшкомъ, по верхомъ, по въ коляскѣ, — жарко, и я ушомцлся; въ восемь часовъ день насъ оставилъ.

28-го Іюля. Худо спалъ, насѣкомые превозжили; въ чепыре часа вспали, въ шестомъ выѣхали, съ двумя спами быковъ, и сто фуръ, при большомъ конвоѣ; офицеръ второй Сорре; въ пятнадцати верстахъ, въ девятомъ часу у Колдца заправили; погода прекрасная. Два Англичанина изъ Индіи, Персін, чрезъ Тифлисъ, присоединились къ намъ. Одинъ лѣтъ шестидесяти Ламзель — Професоръ Воспочныхъ языковъ, какъ онъ увѣрять, шакъ худъ, шакъ худъ, что худощавѣе *извѣстнаго С. Петербургскаго жителя*; другой и великъ собою и въ шесть разъ толще своего товарища, Капишанъ Аршмольдъ; мы пригласили сихъ богачей покушать; они съ удовольствіемъ согласились. Надобно справедливостъ отдать обоимъ: масшера поѣсть, особенно худой; цыплята жареные мигомъ исчезали, а каршофель и Англійскій сыръ, при хорошей мадерѣ, при-

водилъ ихъ въ воепогъ. Миѣ жалъ было карпофелю, во-первыхъ: что Комендантъ Скворцова подарила миѣ, а во вторыхъ: что нигдѣ достать нельзя; офицеры, и то мало, сѣютъ для своего обиходу.

Во второмъ часу перѣехали Терекъ; сего дня не былъ онъ сердитъ, шумъ мелодическій, и картина вообще была мягче; дикарей не видѣли. Остановясь на Моздокскомъ берегу, послали карантинному смотрителю Капитану Виникову сказать о нашемъ прїѣздѣ, и не лзя ли миновать карантина; прїѣхалъ чиновникъ и повезъ насъ въ карантинъ, пять верстъ отъ Терека; на дворѣ при часа, солнце палило. Намъ приняли учтиво, но говорили въ сажень разстоянія и далѣе, какъ съ чумными; особенно Штабъ-Лекарь, которому я представлялъ, что мы въ Тифлисѣ не были, и слѣдственно чумою не заражены, да и шамъ оной нѣтъ; онъ отвѣчалъ, что насъ нельзя прежде чешырехъ сутокъ выпустить: вы были за Терекъ, сего и довольно, чтобъ посидѣть въ карантинѣ. Цицеромъ, Демосѣенъ и Ломоносовъ напрасно бы употребили свое краснорѣчіе. Здѣсь въ карантинѣ все берутъ отъ насъ щипцами; порядокъ, чистота, учтивость похвальная; однако всѣ вещи взяты, сундуки

открыли и при насъ заперли въ особую избу, безъ оконъ, оставили намъ плащье и на чемъ спать; и съѣстное. Шпабъ-Лекаръ среди сей темной избы, поставилъ при горшка глиняные съ *Acide muriatique oxigène*, подъ горшки уголье; коль скоро кислый газъ началъ раздаваться, заперли двери, приложены двѣ печати, наша и Капишанская, и поставленъ часовой. Мы пошли въ назначенные намъ покои, отъ Терека во сна саженьхъ. Покои похуже Владикавказскихъ, однако изрядны и чистеньки. Кухня весьма дурна, ибо надо стоя на колѣняхъ гошовишь; видно, что мало съ поваромъ ѣздяшь. Въ семь часовъ обѣдали и ужинали, въ девять уже покоились. Англичанамъ, богачамъ скупымъ, шлошму и худощавому, доходилъ запахъ отъ четырехъ блюди нашихъ; мы боялись смонрѣшь на нихъ: того и гляди, что пожалують; они подъ крышею, на чистомъ воздухѣ, занимались молокомъ и хлѣбомъ, изрѣдка поглядывали на насъ, мы — будто не видимъ. Скупосшь непомѣрная и непрощительная; за то съ нихъ и за молоко взяли въ при - дорога. Слуга, наняшый ими, Армянинъ, какъ угорѣлая кошка, въ посыкахъ, то туда, то сюда, и бричка не важная: горько видѣшь скупыхъ;

это недоспашокъ, заслуживающій презрѣнія.

29-го Іюля. Погода чрезвычайно хороша; встали въ семь часовъ, оспавались въ необходимомъ одѣяніи, прочее взяли окуришь; чрезъ три часа принесли намъ окуренное плащье, которое надѣли, хотя оно было непріятнаго запаха; снятое съ насъ понесли напоишь газомъ; служащимъ намъ, надѣли балахоны и колпаки окуренные: смѣшной нарядъ! Очень скучно сидѣшь въ карантинѣ; та только выгода, что будешь имѣть маленькое понятіе о шюрмѣ; изъ порядка не должно ни кому выходить. Супки показались недѣлю, хотя мы читали, писали, говорили, обѣдали, купались въ Терекѣ. Купцы съ поварами сорокъ дней выдерживаютъ карантинъ: сія осторожность необходима, хотя очень лѣтоспна. Къ намъ приставили трехъ часовыхъ съ заряженными ружьями, чтобъ мы за карантинную черту не вышли; въ восемь часовъ, дабы избавишься отъ мухъ и другихъ насѣкомыхъ, закрывши окна, легли, а заснули въ часъ; каково лежать въ шемногѣ пять часовъ и сномъ не наслаждаешься! Теперь ясно понимаю, отъ чего дѣши плачуть, когда ихъ спать укладываютъ, а имъ не хочется.

30-го Іюля. Въ несносомъ карантинѣ.

31-го Іюля, четвъртый день наспаль; слава Богу, намъ щипцами подали опвѣсть на наше письмо, опъ управляющаго Кавказскою Губернією, Анастопуло: вельно болѣе насъ не держать, — *спасибо*, какъ мы уже высидѣли прое сушокъ. Въ одиннадцать часовъ, поблагодаря Капишана Виникова, поѣхали; черезъ часъ оставили Лукувскую спаницу, въ Павлодольской перемѣнили лошадей — 13 верспъ; до Екашеринограда 28; до Прохладной 17; до Солдашской 18: здѣсь бродяги и опсшавные солдашы; до Павловской спаницы 20 верспъ, до Георгіевска 25, и шого опъ караншина болѣе спа, а опъ С. Пешербурга гораздо болѣе чепырехъ тысячъ верспъ, какъ мы ѣхали.

1-го Августа. Дорога опъ Моздокскаго караншина до Георгіевска, превосходная, гладкая, ровная, исключая двухъ горъ, на двухъ послѣднихъ спанціяхъ, у Маріинской хуже, и дурненькихъ двухъ моспиковъ; ѣхали съ шестью козаками, довольно было шемно, засвѣшили фонари, и вѣѣхали въ два часа по полуночи въ Георгіевскъ; остановились въ домѣ Полицмейстера Павла Семеновича Березина;

очень хорошій молодой чѣловѣкъ; жаль, что грудью спраждешь, недѣлю назадъ лишился мапери, и сеспра его одержима чахошкой; горе написано на благородномъ лицѣ Березина. Первой разъ, ни сѣна, ни соломы, все выгорѣло. Изъ восьми спуль-евъ составилъ себѣ кровашъ, посплалъ шинель и крѣпко заснулъ; поварищъ успѣлъ прежде меня броситься на диванъ. Въ десятъ часовъ упра ходилъ по городу; хуже многихъ деревень, отъ частыхъ пожаровъ. Двѣ церкви и тѣ вѣшки; однако много народу въ оныхъ; Воскресенье было, а пошому и я выслушалъ обѣдню. Казенныя спроенія каменныя Арсеналь хороши. Съѣстные припасы привозятъ два раза въ недѣлю; фрукшовъ много, бергамоты велики, но не имѣють нѣжнаго вкуса. Управляющій губерніею живешъ въ хижинѣ, домъ его до пла сгорѣлъ, и прелесные тополи, бывшіе предъ домомъ; кое-какъ нажилъ, прослужа болѣе 40 лѣтъ во флотѣ, шеперь въ жалкомъ положеніи; жена его, Гречанка съ тремя дочерьми, раздѣляетъ съ нимъ бѣдность. Не жадя денегъ, обѣдали хорошо; въ десятомъ часу, на купленномъ дорого сѣнѣ, успокоились.

2-го Августа. Оставя коляску въ Георгіевскѣ, для нѣкопрыхъ поправокъ,

принуждены были ѣхать въ двухъ кибиткахъ; это для меня не по сердцу было въ первыя, но — нужда къ чему не приучишь! Въ пятомъ часу проснулись, выпили кофею, взяли кое-чего съ собою, съ егеремъ и поваромъ оправились изъ обгорѣлаго Георгіевска къ водамъ Кавказскимъ, 35 верстъ. Я все сидѣлъ на облучку, и не такъ-то дурно, когда кибитка шуго набиша съномъ. Приѣхали къ водамъ въ девять часовъ утра; погода чудесная, и небо безоблачно; первой разъ видѣлъ во всей краѣ цѣпь Кавказскихъ горъ; на лѣвой сторонѣ отъ Георгіевска въ 17-ти верстахъ по лучшей дорогѣ извивается чистенькая рѣчка Подкумокъ, а верстахъ не болѣе ста, по своимъ глазамъ, или по своей оптикѣ, въ прямой линіи тянется цѣпь Кавказскихъ горъ. Здѣсь, у Подкумка, мы завтракали; здѣсь я обзрѣлъ вокругъ себя, и — стоя на колѣняхъ, написалъ слѣдующее: Цѣпь Кавказскихъ горъ можно раздѣлить на чешыре разряда. Первыя горы покрыты зеленью и украшены деревьями разнообразными огромной величины. Вторыя каменные, съ шорчащими по бокамъ большими деревьями, успанные по мѣстамъ обгорѣлою отъ жаровъ правую и сѣдымъ мхомъ. Третьи, подъ коими нео-

быкновенныя красивыя облака плавають, снѣжныя, взору пріятны; и четвертыя, ледяныя, душу возвышающія. Всѣ, при яркомъ свѣтѣ живошворнаго свѣтила, обращаютъ на себя вниманіе мыслящаго шворенія и точно прелестны; но, кажется, всѣ онѣ, съ какимъ-то восторгомъ благоговѣя созерцаютъ царицу горъ, Эльборусь (*), покрытую вѣчными льдами и снѣгомъ; слезы умиленія сердечнаго іекутъ изъ очей просвѣщеннаго путешественника, и онъ углубляется въ размышленія о величій Творца, всё создаващаго и всѣмъ управляющаго; шакъ бываешь съ людьми, еще съ праваго пуши несоврашившимися! Но что рѣчетъ безбожникъ? Онъ преклонишь колъна и воскликнетъ: есть Богъ и се чудеса его! Назовише мнѣ живописца, кто бы могъ срисовать цѣпь горъ Кавказскихъ? Назовише Поэта, кто бы могъ дерзнуть огненнымъ перомъ написать похвальную пѣснь симъ горамъ? Назовише Исторіографа, который бы осмѣлился взяться за перо? Всѣ безмолвствуютъ и съ Апостолами рекутъ: Великъ Богъ и непоспихимы дѣла его! А пошому, смершныя, смирайшесь; ошбросьте гордыню свою, мол-

(*) Сію гору называли мнѣ и Шатъ-горою.

чите, и проливайше слезы, удивляйшесь!
Однако я бы сказалъ нашимъ писателямъ,
особенно стихотворцамъ съ дарованіями:

Сюда спекайтесь, сонмъ Поэтовъ!
Сюда, вамъ спыдно вздоръ пишашъ,
Бросайте перья вы извѣстовъ,
Старайтесь Бога прославлять.
Сюда злодѣевъ привезите,
Во агицевъ превращаясь всѣ;
Сюда вы злопо приносите,
Нѣтъ нужды больше въ немъ нигдѣ.
Одни изранены — больные
Лишь въ злошъ могушъ пользу зрѣть.

Обращаюсь къ Эльборусу: когда всѣ
горы преклонили *верхи* свои, когда чело-
вѣкъ, шочно человѣкъ, въ изумленіи опъ
красопъ ея, шогда она, видимо съ какою-
шо величавою, благосклонною, крошкою
улыбкою, благодарить все и всѣхъ, за
признаніе истинное къ ея лѣпостъ, и бо-
лѣ опъ шого, чшо она заставляетъ по-
знавать Создателя и укрощаъ буйность
смертныхъ предъ Несозданнымъ.

О водахъ Кавказскихъ ешъ книги, а
я скажу нѣсколько словъ. Первые — горя-
чія, въ 38 градусовъ; вторыя — кислосѣр-
ныя, здоровы для всѣхъ, въ 25 градусовъ;
шрешьи, Варвація, горячія въ 32 градуса;

четвертые, въ двѣнадцати верстахъ отъ сихъ водъ, на Желѣзной горѣ, желѣзныя горячія, 32 градуса; пятыя, въ сорока верстахъ, кисло - холодныя, и шестыя отъ сихъ въ двѣнадцати верстахъ, кисло - желѣзныя.

Не доѣзжая водъ, на правой сторонѣ, живушъ аулами мирныя Черкесы; попадись къ нимъ въ руки, тогда узнаешь ихъ крошость; они только и бояшся одного Ермолова! Съ присоединенія Грузіи къ Россіи, изъ Тифлиса выѣзжали Главнокомандующіе, несчастный неуспѣшнѣйшій Князь Циціановъ и нынѣ Ермоловъ; сей послѣдній прославляемъ отъ малаго до большаго, всѣхъ сословій; Чеченцы, Черкесы и всѣ нагорныя обитатели не любяшъ безспѣшнаго, благоразумнаго Начальника, такъ какъ и взяточники въ губерніяхъ, ввѣренныхъ ему. Есть по дорогѣ селенія, Шотландское и Нѣмецкое: они то снѣбжающъ пріѣзжающихъ къ водамъ опилочно - хорошчмъ, бѣлымъ и ситнымъ хлѣбомъ, масломъ, молокомъ и разными съспѣлыми припасами. Странно, что иноземцы ославляютъ такъ называемыя свои благословенныя земли и приходятъ жить даже въ дикихъ мѣстахъ Россіи! Пустъ ихъ селяшся, да пустъ не бранятъ Русскихъ! Осшановились ль числомъ домъ

съ мебелими, прямо противъ горячихъ водъ, — десятъ рублей въ сущки. Въ чужихъ краяхъ гораздо болѣе плащашь; здѣсь сколько хочешь сиди въ ваннахъ, ничего не плашишь, а шамъ за все плаши. Въ одиннадцатомъ часу утра вышли походить; первая встрѣча — Полковникъ Аполлонъ Маринъ, бывшій мой ученикъ, хорошій молодой человѣкъ; мы одинъ другому очень обрадовались; зашли къ нему; и у него выпили кислой воды по стакану: 35 копѣекъ споншь бупылка; по его совѣту, пошли на гору, и сѣли въ ванну кислосѣрную 25 градусовъ; пріятно въ ней сидѣшь, не хочется разсѣпаться; ванна большая, можно шестипи человѣкамъ покойно вмѣстѣ сидѣшь и лежашь, въ горѣ высѣчена. Полчаса и — кажешся, здоровѣе спашь, и аппѣшишь сильный родилсъ. Тушъ увидѣлъ Пуш — на молодого, который гошовъ съ похвальной стороны обратилъ на себя вниманіе общее; точно онъ можешь; при дарованіяхъ своихъ; я ему ошъ души желаю всякаго блага; онъ слушалъ и колкую правду, но смирялся; и эта переменна дѣлаешъ ему честь. Въ горячихъ водахъ сдѣланы для нѣжнаго пола особенныя ванны, выпроены и убраны на горѣ домъ, и по горѣ мастѣрски сдѣланъ

въѣздъ, и пѣшкомъ неушомительно: лѣсница, имѣющая сто спупеней, и дурна и слишкомъ дорого спала; она построена прежде Ермолова. — До ужина опять обнимали насъ кисло-сѣрныя воды; часъ времени съ Маринымъ и Пушкинымъ языкомъ посмучали и разошлись; здѣсь на водахъ, чего хочешь, все доспашь можно, и нахожу, что не дорого. Маленькой дождь.

3-го Августа. Въ шесть часовъ, не смотря на дождь, мы пошли на гору, Машукъ называемую, и будучи здоровы, пили кисло-сѣрную воду, два раза въ ваннѣ; за то обѣдали и ужинали съ величайшимъ желаніемъ; я чиналъ о водахъ, сочиненіе Доктора Зея: надупо написано, впрочемъ, какъ говорятъ, справедливо; мнѣ принесть сію книгу Полковникъ Преображенскаго полка, Деменковъ, который получилъ облегченіе отъ ранъ своихъ; а Маринъ, невладевшій рукою съ Бородинскаго дѣла, чувствуетъ себя здоровымъ, поднимаетъ оную свободно; спрадалъ глазомъ отъ конпузии, и большое почувствовалъ облегченіе; мы поздно пріѣхали, ужъ время прошло; всѣ разъѣхались. Ермоловъ разводитъ садъ, и ежели нѣсколько лѣтъ пройдетъ съ такимъ попеченіемъ отъ начальства, то увѣренъ, что вся Европа осмѣ-

вишь свои воды, и будешь приѣзжать за здоровіемъ на Кавказъ.

4-го Августа. Погода весьма хороша; послѣ ванны ходилъ и на базаръ: не дурень, много домиковъ выспроено; теперь не нужны палашки, есть гдѣ помѣститься; хотя любители чужихъ краевъ не хощащъ хвалищъ все то, что Русское. Покаянся, да не будешь ли поздно? Колонисты богашъющъ, имъ хорошо; нынѣ набѣговъ мало опъ нагорныхъ жипелей; у нихъ пославлены солдапы съ пушками. Бѣлой хлѣбъ въ Шошландской колоніи, гдѣ много переселилось изъ Сарепты, отличнo хорошъ; послѣ С. Пешербурга, я шакого не ѣлъ. Супки пропекли быстро.

5-го Августа. Послѣ двухъ ваннъ, обѣдали; въ два часа выѣхали. Въ шесть приѣхали въ Георгіевскъ; переодѣвшись, поѣхали Анастопуло: человекъ тихой; супруга его благоразумна и хороша собою; я до-сыша наговорился по-Гречески, былъ въ церкви; дома готовился къ дальнему путешествію. Въ Георгіевскѣ Комендантъ — Генераль-Маіоръ Спаль; всѣ его хвалящъ.

6-го Августа, проснясь съ нашимъ хозяиномъ, пожелавъ ему здравія, выѣхали изъ жалкаго города въ три часа по полудни.

7-го Августа. Можно сказать, что отъ Георгіевска, дорога — въ началѣ степь, съ нѣскольکو - посохшею правою, потомъ сѣнокосы, хлѣбъ до самаго Ставрополя, который гораздо и гораздо лучше Георгіевска: чистѣе; однако мало нашли съѣстного; пушъ двѣ церкви, одна каменная, другая деревянная. Отъ Ставрополя верстѣ семь гора, зелень веселая, рогатаго скота множество, вдали горы зеленныя и лѣсистыя. Утромъ было холодно, потомъ жарко — до Божоявленской деревни, богатой, но не въ устройствѣ; и до Прочнаго окопа дорога отлично хороша, козаки вездѣ молодцы; отъ Ставрополя до Божоявленска многочисленныя стада быковъ. Въ часъ по полуночи, пріѣхали въ Прочной окопъ, одѣтые легли спать; здѣсь Комендантъ Маіоръ Широкой, человекъ учтивый. Небо двое сутокъ безоблачно и жаръ нестерпимый; но до восхода солнечнаго, родъ морозу, или холодъ чувствительный, рѣзкій, а воздухъ чистѣе.

8-го Августа. — Воскресенье; распростиаясь съ учтивыми офицерами, выѣхали рано съ Хоперскими Козаками: душа веселилася, смотря на нихъ: одинъ другаго молодцоваше; Кубань въ лѣво, а въ право глазомъ не обкинешь равнину; за

Кубанью Черкесы, Кабардинцы, — мало показываюшся. Прочный окоп чистъ, и казармы хороши; при великомъ Суворовъ выстроены. Сказывали, что Нижегородской Полковникъ Тушольминъ, изъ полковой суммы выстроилъ казармы. Вездѣ военные, и учтивы и опрятны. Кубанская линія въ лучшемъ порядкѣ, чѣмъ Кавказская, сколько я могъ замѣтить. Въ Темизбекѣ встрѣщидись съ Генераломъ отъ Кавалеріи Н. Н. Раевскимъ: всегда со мною хорошъ, дочери благовоспитаны, слѣдственно любезны, — сынъ меньшей привѣщливъ. Во вѣчеромъ часу по полудни въѣхали въ Кавказскую крѣпость, гдѣ Командантъ и Командиръ Навагинскаго полка — Подполковникъ Александръ Федоров. Урнежевскій, крошкій и скромный, добрый и препорядочный 35-ти-лѣтній человекъ. У него мы обѣдали, ужинали, въ банѣ были; въ особой казармѣ писалъ, читалъ, и сушки миновали. Жаръ для меня былъ несстерпимъ. Не доѣзжая двѣнадцати верстъ до сей крѣпости, дорога гладкая; Кубань съ лѣсомъ по берегамъ, справа высокая, но отъ солнца обожжена. Проѣхали отъ С. Пешербурга болѣе 4,500 верстъ.

9 - го Августа. Вспали, не выспавшись и опъ жару и опъ насъкомыхъ. Комендантъ съ офицерами заходилъ къ намъ, и наспоаялъ, чшобъ у него завпракашъ; выполнили желаніе Урнежевскаго, и у него же съ Генераломъ Н. Н. Раевскимъ и его фамиліею обѣдали. Читали старыя газеты у себя, вечеръ провели въ разговорахъ и въ чшеніи приказовъ Ермолова; всѣ почти имѣють оппечашокъ оппличнаго челоувъка; между шѣмъ оппдавали справедливостъ и покойному Главнокомандовавшему въ Грузіи, Князю Циціанову.

10 - го Августа, не доспавъ, проснулись рано, въ шесть часовъ; при сопровожденіи гостепріимнаго Коменданша, выѣхали изъ Кавказской крѣпости; погода прекрасная; проѣхавъ всѣ Хоперскія сшаницы, нашель одну другой лучше; и церкви каменныя; дорога гладкая спо семь версшъ; и осшавя за собою Кавказскую губернію, вступили въ чешвершомъ часу по полудни въ землю Черноморскихъ Козаковъ (прежде Запорожцевъ) и прямо въ Караншинный редушъ, называемый *изрядный истогникъ*. Тутъ нашли Ашамана Черноморцевъ, Полковника, сѣдаго, крошскаго, съ добрѣйшимъ лицемъ челоувъка, Григорія Кондрашьевица Машвѣва. Ка-

раншинной домъ, передъ Моздокскимъ, показался дворцемъ, и подлинно — чистъ, въ чешырехъ покояхъ по двѣ кровати, въ каждомъ споль и стулья; скоро окурили всѣхъ насъ.

По тихой рѣкѣ Кубани всѣ станицы опшмѣнно хороши; поля и нынѣ зеленѣють, скоша много, и хлѣбъ не совсѣмъ дурень; однако давно не запомняшъ шаковой засухи, права всегда въ росшъ человѣческой, какъ всѣ утверждали.

Екатеринодаръ есть столица Черноморскихъ козаковъ, гдѣ и Войсковая Канцелярія; городъ обширный, но худо выспроенъ, и въ немъ не болѣе 3,000 обоого пола жителей. Войсковой Канцеляріи члены сказывали мнѣ, что всего на все съ женскимъ поломъ въ Черноморіи 70 тысячъ, болѣе мужескаго пола; что у нихъ 21 полкъ, въ каждомъ 550 чедовѣкъ, одѣшы въ синемъ, рукава за плечами, выбришы, у нѣкоторыхъ Козаковъ есть еще *гуприны*. Во время нужды могушъ сверхъ сказанныхъ полковъ сѣсть на коней тысячъ десять; спарики, дѣши и козачки всѣ въ рабошъ. Единообразіе одежды не такъ-то красиво; прочіе козаки одѣшы какъ хошашъ, и отъ того кажущся молодцовашѣе и красивѣе, и борода придаешъ

мужество. Я не видѣлъ Уральцовъ и Донцовъ въ ихъ спаницахъ; но смѣло можно сказать о казакъ:

Идѣтъ, и врагъ счюять не смѣтъ —
Бѣжитъ, его и шши онъ робѣтъ.

Докторъ Караншинный съ излишествомъ учивъ; мы хотѣли покупаться въ Кубани и бросились въ ея тихія струи; я держался берега, товарищъ мой поплылъ далѣе, и вдругъ при Черкеса, съ противоположащаго берега, кинулись въ воду: мы вздрогнули, однако ничего не произошло. Въ шесть часовъ по полудни обѣдали и ужинали съ Урнежевскимъ; часа чрезъ два онъ поѣхалъ въ обратный путь со слезами на глазахъ, и мы, прощаясь, взаимно чувствовали печаль; трехъ-дневное пребываніе вмѣстѣ сблизило насъ; въ путешествіи своемъ, я на опытъ узналъ, что есть лица *привлекательныя*, не знаешь за что полюбишь человека; напротивъ, есть фигуры *оттолкательныя*, увидишь, и — хочъ бы вѣкъ не видай.

Въ десятомъ часу вечера, при полномъ жаркомъ мѣсяцѣ, при звѣздномъ небѣ, на берегу тихой Кубани, въ десяти саженьяхъ или не много далѣе, отъ воров-

скаго - Черкесскаго пикеша, сидя на спульяхъ, съ шрубками, глошали теплый воздухъ. Могъ ли я предвидѣть, за годъ, что буду такъ далеко отъ родныхъ и друзей? На свѣтъ живучи, все можешь случиться.

Ермоловъ и Черкесовъ привелъ въ страхъ; однако жъ они зимою воровски переходяшъ покрывшую льдомъ Кубань, и ошгоняющъ скотъ; здѣсь какъ и на Терекѣ не надобно дремать, и всякой ложится спать съ оружіемъ у изголовья; непріятная жизнь! Наши солдаты окликаются: „кто идешь? кто идешь? кто идешь? говори! убью!“ Попробуй не опивчаться, такъ и будешь въ Елисейскихъ цоляхъ! Нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ, Полковникъ хотѣлъ испытать своего солдата, на часахъ стоящаго, прошелъ — не опивчая: солдатъ приложился, и — Полковника не спало; кто правъ? кто виноватъ?

Возблагодаря Творца за благополучное путешествіе, столь дальное и многотрудное, мы легли усюкониться на свѣжее сѣно; я часно прѣсыпался отъ ошкликовъ нашихъ Русскихъ и Черкесовъ; шутъ мудрено быть соннымъ, каждой сдѣлается и смѣшнымъ и оспороженнымъ.

11-го Августа. Въ седьмомъ часу упра, поблагодаря Ашамана Мамвѣва, пустились въ путь, сопровождаемые сотнею козаковъ, и благополучно очутились въ Екашеринодарѣ; дорога безподобная, слѣва скромно шечеть Кубань, за нею виденъ лѣсъ, а вправо простирается зеленая равнина. Въ Екашеринодарѣ, по благосклонности начальниковъ казацкихъ, приготовлена была для насъ чистая, хорошо-убранная квартира Майора Барабаша, который и въ отсутствіи своемъ не только угостилъ насъ, но и въ дорогу снабдилъ, виномъ и съѣсными припасами. По сему я долгомъ поставилъ себѣ, письменнo изъяснивъ ему мою и товарища моего благодарность — за угощеніе.

За нужное поставляю сказать, что въ Войсковой Черноморской Канцеляріи, вычисля отъ Екашеринодара до Тамана, впередъ берутъ деньги за почтовыхъ лошадей.

Сверхъ сотни Козаковъ съ офицеромъ, данъ намъ Полковой Есаулъ Никиша Яковлевичъ Долинскій, чтобъ нигдѣ не было ошановки: молодець, добръ и услужливъ; — мы не ѣхали, а лѣзли.

Въ восьмомъ часу вечера, въ Ивановской станицѣ, мы ошановились у одной

козачки, и на дворѣ, при двухъ мужес-
 ственныхъ часовыхъ, освѣщаемые печаль-
 ною луною, безъ свѣчъ, почти какъ днемъ,
 обѣдали и ужинали въ одно время; около
 насъ, на обширномъ дворѣ, быки съ важно-
 стію прохаживались, коровы прогулива-
 лись, шеляпа прыгали, ягнята щипали
 травку, курицы клокопали, цыплята
 подъ крылышки ихъ пряпались, свиньи съ
 поросятами хрюкали, лошади ржали; ше-
 плоша нѣжная увивалась вкругъ насъ,
 хозяйка спарая, но добрая, хлопотала,
 угождая намъ, и помогая повару; въ
 это время вспомнилъ я нѣкоторыхъ на-
 шихъ путешественниковъ; сколько пищи
 для *сентиментальнаго* сердца! сколько
воздуховъ ароматическихъ, цѣлебныхъ и
бальзамическихъ, какъ не выронишь слезу
 изъ праваго глаза! Оставя прогашельныя
 картины, я вступилъ въ разговоръ съ
 козаками, и узналъ, что козаки сохра-
 няютъ всѣ посшы; что въ посшныя дни
 вина не пьютъ; что свято чтятъ своихъ
 родителей, слѣпо повинуются приказані-
 ямъ начальниковъ, вѣрны женамъ своимъ,
 и передаютъ все, что знаютъ, своимъ дѣ-
 тямъ. Молодые козаки, дѣши, наизустъ
 знаютъ всѣ походы опцевъ и дѣдовъ сво-
 ихъ! Вошъ прямо природное воспитаніе,

получаемое отъ родителей своихъ, а не отъ пришелицевъ, коими съ давнихъ лѣтъ наводняется любезное наше опечеснство. Строгое повиновеніе наблюдается всегда и вездѣ, ибо начальники, бывъ прежде сами простыми козаками, на опытъ дознали, какъ должно управлять подчиненными; доброша души сіяетъ на лицахъ козацкихъ, и всѣ вообще умны, кропки, и привѣтливы; рассказы ихъ весьма пріятны; не лѣзя не любить ихъ!

12-го Августа. Вчера приехали, но шьма насѣкомыхъ не допустила сомкнуть глазъ; въ три часа, на самомъ разсвѣтѣ, уже были готовы къ отъѣзду; въ пятомъ выѣхали изъ Ивановской станицы. Утро было свѣжее. Насъ сопровождали 150 козаковъ; первыя двѣнадцать верстъ мы проѣхали съ быспрошою молніи, менѣе нежели въ полчаса, и 28 другихъ въ часъ, до Копыла, лежащаго при рѣчкѣ Прошокъ. Здѣсь опасность заставляетъ такъ скоро ѣздить. Тутъ на паромъ живо переездили наши экипажи, и насъ еще живѣе на лодкѣ; съ такою жъ скоростію доѣхали мы до Пешровскаго кордона на рѣчкѣ Калаусъ — 25 верстъ; до Андреевскаго кордона на рѣчкѣ Куркъ 25 верстъ; до Темрюка 25 верстъ, козаки перемѣнялись на

каждомъ кордонѣ. Дорога очень хороша; мосты гораздо лучше, чѣмъ внутри Россіи; камыши во всю почти дорогу, высокою и густою удивляютъ, имѣя при и болѣе сажени.

Черноморцы весьма ловки, молодцы, какъ и прочіе козаки, и офицеровъ имѣютъ опличныхъ. Темрюкъ спаница, заключаетъ въ себѣ девятосю домовъ, или мазанокъ, однако есть и хорошіе домики; церковь одна каменная изрядной Архитектуры; большого богатства внутри нѣтъ, но вездѣ хорошо и чисто; здѣсь въ Темрюкъ мы остановились у Есаула: жена его въ платочкѣ, мастерски повязанномъ, въ козацкихъ сапожкахъ, весьма и даже *занимательно* мила; вездѣ мы испытывали угощеніе древнихъ Папріархальныхъ временъ, подчуютъ и упрасиваютъ взять въ дорогу хлѣба, вина, плодовъ; словомъ, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады; насильно даже кладутъ въ экипажи, и — *денегъ не берутъ!* Жарко, и немудрено — ѣхавъ съ такою быспрошою, мы въ двѣнадцать часовъ времени, проѣхали 185 верстъ. Въ девятомъ часу вечера вѣхали въ Тамань; чрезъ крѣпость не хотѣли насъ пустишь; но, видя чешыре экипажа на мосту, которыхъ нельзя было поворотишь, доло-

жили Коменданту Каламарѣ, и онѣ позво-
лили. Мѣсяцъ уже, плѣняя — свѣспилъ, мы
остановились на лучшей улицѣ въ приго-
повленной кварширѣ козацкаго офицера.
Насѣ посѣщили любопытные и учтивые
чиновники. Ужинѣ и обѣдѣ нашѣ былѣ въ
одиннадцатомѣ часу; послѣ чего принесѣ
опѣ души благодарностѣ Богу за благо-
получное окончаніе пушешествія по Кав-
казской и Кубанской линіямѣ, упомяну-
тые возлегли на сѣно, и предались слад-
кому сну. Нынѣ дорога вездѣ широкая,
ибо Ермоловѣ велѣлъ сжечь камышѣ по
обѣимѣ сторонамѣ, чѣтобѣ шѣмѣ безопас-
нѣе было для проѣзжающихѣ. Въ камы-
шахѣ козаки поймали нѣсколько молодыхѣ
лебедей и намѣ подарили; мы приказали
чепырехѣ жарить; ночью Таманскія со-
баки вошли въ печку и похитили наше
жаркое, копорое мы готовились въ пер-
вый разѣ въ жизни опѣдѣдѣ.

13-го Августа; едва мы проснулись,
былѣ у насѣ Комендантѣ, Полковникѣ Ка-
ламара, родомѣ Грекѣ; всѣ обѣ немѣ хоро-
шо опѣзывающѣся; онѣ давно служилѣ; я
поговорилѣ сѣ нимѣ по - Гречески. Полко-
вникѣ гарнизона Бобовдовѣ, добрый спа-
рикѣ, а Есаулѣ Маршынѣ Степановичѣ
смышленный Городничій. Мы осмошрѣли

крѣпость, которая при безсмертномъ Суворовѣ была въ лучшемъ видѣ, по словамъ здѣшнихъ жителей; шумъ и шеперь находился девятисто орудій. — Тутъ повѣрилъ свои часы по солнечнымъ. Всего лучше, во всемъ Таманѣ, супруга Коменданша Каламары, прекраснѣйшая изъ брюнетокъ, Гречанка съ огненно-шумными глазами, умна и мила, и говоритъ прекрасно по-Гречески! Заходили къ Бобоедову и Есаулу; потомъ пошли къ проливу Киммерійскому. Подъ нашими ногами разбивались пѣнистыя волны, несомыя противнымъ вѣтромъ къ берегу; взорамъ нашимъ представлялись Ениколь и Керчь; мы должны оставаться, ибо часъ отъ часу буря сильнѣе поднималась. Стоя на берегу волнующагося моря, думалъ я: только передъ спихіями гордость, сила и богатство смиряются. — Утромъ былъ порядочный дождь, послѣ двухъ мѣсяцевъ засухи. Жителей въ Таманѣ не болѣе двухъ сотъ, и весьма мало съѣстныхъ припасовъ. Босфорскій проливъ съ берега прекрасенъ особенно при непогодѣ. Послѣ обѣда, по благосклонности Бобоедова, ѣздили мы на его дрожкахъ вершины при отъ Тамана на гору, которая 1818 года съ 15-го Августа до 15-го Сентября, при пламени и гус-

пномъ дымъ выбрасывала грязь и каменья. Я собралъ нѣсколько камешковъ и окаменѣлой грязи разнаго цвѣта, для химическаго раздробленія, по прїѣздѣ въ С. Петербургъ. По словамъ жителей, сіе явленіе случилось до восхода солнечнаго, съ ужаснымъ ударомъ; въ тоже почти время въ проливъ Киммерійскомъ и въ Азовскомъ морѣ слышны были удары, и два раза появлялись острова, по которымъ могли ходить люди, и смѣлые ходили; вскорѣ въпрямь снесены были, или волнами смыты — исчезли. Тушь на горахъ и подъ горами роспешъ множество иліопропу, хопя оный и не такъ высокъ, какъ у насъ въ горшкахъ, но благовоннѣ нашего. Мы ходили опять къ берегу: волны шумяшъ и въпрѣ прошивной; тепло, воздухъ чистъ и здоровъ; въ ожиданіи благопріятнаго времени къ отъѣзду нашему, мы купались въ соленой водѣ, ужинали, разсуждали и сожалѣли, что многіе города не похожи на города.

14-го Августа. Рано вставъ, вышелъ подышать, Тмушараканскимъ воздухомъ насладиться; прошивъ нашего домика жидовской пипейной домъ, гдѣ во всю ночь шумѣли и не успокоились; они мѣшали и думашъ; однако много пробѣжало въ голо-

въ моей историческихъ истинъ и басней; писалъ часа три; въ одиннадцать часовъ осматривалъ церковь Покрова Пресв. Богоматери (*), гдѣ видѣлъ извѣстный камень, о которомъ многіе писали и многіе на умствованіяхъ основывали свои заключенія; но надо опдать справедливость покойнымъ: Мипрополишу Гавріилу, Болшину и Графу Алексѣю Ивановичу Мусину - Пушкину; сіи мужи соединенными силами вскрыли завѣсу, покрывающую Тмушараканское Княженіе, и всѣ перестали сомнѣваться о мѣстѣ онаго; нѣсколько лѣтъ тому назадъ, любитель древности и знатокъ опечесивенной Исторіи Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, своими изысканіями еще болѣе удовлетворяешь любопытство о семь же Княженіи.

Не столько веселье бываетъ избалованный ребенокъ, получа желаемыя игрушки, сколько я былъ радъ — увидя камень, который въ юности моей, лѣтъ тридцать тому назадъ, сильно занималъ меня, когда я

(*) Тотъ ли самый храмъ стоитъ и по нынѣ, который выстроень Мстиславомъ, послѣ побѣды надъ Касогскимъ Княземъ Редедю 1022 года, не могу утвердить. Касоги не иные были, какъ нынѣшніе Черкесы; это не моя догадка.

я, будучи еще военнымъ, писалъ рѣчь о Тмушараканѣ и Мспиславѣ Владимировичѣ, которую лучшей изъ кадесть бывшего Греческаго Корпуса, Скіеда, говорилъ, предъ всею знатью С. Пешербурга и предъ учеными людьми, и которая удостоена была благосклоннаго вниманія и одобренія. Подошедъ къ сему камню, я обнималъ оный какъ стараго, но невидѣннаго мною знакома. Оный не болѣе пяти пяденей моихъ, гдѣ читаешь надпись: „въ лѣто 6576 (1065), индикта 6, Глѣбъ Князь, мѣрилъ море по лѣду, отъ Тмушаракани до Керчи 30,054 сажени. Другая половина сего камня шесть съ лишкомъ моихъ пяденей, полщина болѣе пядени. Надъ симъ камнемъ лежишь нынѣ другой камень съ надписью Греческою; но я не могъ болѣе разобрать какъ слово *воспоръ*. Съ обѣихъ сторонъ въ барельефъ изображены фигуры человѣческія въ туникахъ, въ три четверти аршина высоты, съ поднятыми руками, держащими вѣнки. Свящость ли изображаетъ сей камень, или просто надгробіе надъ какимъ нибудь воинномъ? Не знаю. Пусть Ученые о семъ разсуждаютъ и пишутъ. Довольный своимъ упрямъ, обѣдалъ хорошо, и чѣмъ избавишься жару, заснулъ. Въ пятомъ часу посѣпиль насъ Ашаманъ

Машвѣвъ и по видимому недовольный своею судьбою, что долженъ одинъ жить въ Екатеринодарѣ, а жена живетъ съ пятью дочерьми и двумя сынами въ Таманѣ. Жаль мнѣ старика! Черезъ часъ пошли мы къ нему, не заспали дома, только съ двумя дочерьми кланялись; въ это время Генераль Н. Н. Раевскій былъ у насъ; мы, взявъ дрожки, поѣхали въ крѣпость Фанагорію, (такъ называется крѣпость Таманская) и привѣтствовали прѣзжаго почтеннаго Генерала, пили чай съ его дочерьми и Англичанкою, доброю Машень. Тупъ всѣ военные были, и всѣ препорядочные люди. Выѣхавъ изъ крѣпости, въ виду Керчи и Эникалы мы купались. Соленая вода здорова и шепла, но прохладна если въ рошѣ попадешь. Почти 5,000 верстъ отъ С. Петербурга по сдѣланнымъ нами кругамъ. Въ 10 часовъ Кикмора, Славянскій богъ сна, покрылъ насъ своимъ крыломъ.

15-го Августа, Успеніе Богоматери; не удалось быть у обѣдни, ибо въ 8 часовъ утра погода сникла, и мы перебрались съ экипажами на канонерскую лодку, по зѣвшнему Лансонъ, одно мачтовое судно; въ девять часовъ, снявшись съ якоря и поднявъ парусы, при самомалѣйшемъ

вѣпрѣ, пустились по страшной жидкости. Мнѣ два раза было дурно, хотя я и служилъ въ юныхъ лѣпахъ въ Балшійскомъ флотѣ; кусокъ хлѣба съ солью облегчилъ боль въ желудкѣ; писалъ на палубѣ; вѣпру попушнаго не было, и несносный шпиль досаждалъ. Съ нами переѣзжалъ одинъ Грекъ Плакидасъ, торгующій виномъ, человѣкъ умный и благочестивый. Еще въ Таманѣ пронудилъ меня слова Апамана Черноморіи Машвѣева; прощаясь, упирая слезы, онъ сказалъ: „не забудьте добрымъ словомъ;“ здѣсь на лансонѣ, вспомнилъ я оныя, и долго думалъ о немъ.

Въ девять часовъ утра оставили за собою *Азію*, а въ пять по полудни бросили якорь въ *Европѣ* — у Керчи. Сей путь, при благопріятномъ вѣтрѣ, совершающъ въ два часа съ половиною, а мы ѣхали 8. Насъ привѣтствовали морскіе офицеры, но мнѣ и поварницу моему болѣе всѣхъ понравился Капитанъ - Лейтенантъ Пашиніюши, Грекъ, начальникъ флотиліи, сѣдовласый сорока - лѣтній молодецъ; умѣнь, скромень и всѣми любимъ; съ браномъ его я воспитывался въ бывшемъ Греческомъ Корпусѣ; а потому и съ нимъ вступилъ въ откровенный разговоръ, на Греческомъ языкѣ. Пашиніюши водилъ насъ въ дре-

виѣйшую Греческую церковь, которая воздвигнута, по многимъ замѣчаніямъ, болѣе 1,500 лѣтъ тому назадъ; чешыре колонны изъ Паросскаго мрамора поддерживаютъ куполь и всю церковь, легкой и пріятной Архитектуры. Пристройка недавно сдѣланная для помѣщенія большаго числа христіанъ, также весьма красива. Здѣсь видѣлъ Евангеліе и Апостоль, писанныя по-Гречески на пергаментѣ, чешко и чисто, не менѣе 500 лѣтъ тому назадъ. Мы всходили на гору и видѣли то мѣсто, гдѣ, какъ говорятъ, Мишридашъ, Поншійскій Государь сиживалъ. Я сѣлъ на сія большія кресла, красиво изсѣченныя изъ дикаго камня въ скалѣ и окинулъ взоромъ вокругъ себя. Прелестная и величественная картина! Но какой ученый и преученный увѣрилъ меня, что это былъ шочно тронъ Мишридаша? Чѣмъ докажешь, что сей Царь, на чистомъ воздухѣ воссѣдая подъ облаками, давалъ расправу, и готовился на брань? — Однако и мнѣ кажется, что по горамъ существовала спѣна, сдѣланная отъ набѣговъ хищныхъ народовъ. Но — полно; кажется, я не за свое берусь; есть схоластики, имъ предоснавлено писать диссертаціи, или подробныя изысканія. — Были у Н. Н. Раевского, ко-

порый послѣ насъ прїѣхаль: въ безпокойствїи почтенный; сынъ меньшей очень боленъ; жаль молодца! Въ 8 часовъ у Эмануила Теофиловича Кордію, у коего приспали; богашый челоувѣкъ и деньгами и дѣшьями: семь дочерей и пяшь сыновей — всѣ живы; я ихъ не видѣлъ, къ празднику поѣхали въ Ениколь. Въ Керчи считаешся около чetyрехъ пысячь жишелей обоого пола; Греческій языкъ вездѣ слышенъ; я говорилъ со многими Гречанками: они весьма прївѣтливы и хороши собою. По древнему обычаю, сидяшь поджавши ноги, передъ своими домиками, на коврикахъ; въ будніе дни въ шрудахъ; сего дня, въ праздникъ, проводятъ въ разговорахъ. Какая разница бышь Грекомъ подѣ законами Россїи и — Турціи!

16-го Августа, ушромъ, приглашенные Папиніюшїемъ, смошрѣли, какъ починають на водѣ шрехъ - мачшовое огромное шранспоршное военное судно, поворачивая съ боку на бокъ, шакъ чшо киль виденъ; спрашно! и шѣмъ болѣе спрашнѣе, чшо оный моють швабрами пылающими, пошомъ конопашяшь и дегшемъ мажущъ; все сіе производится со скоросшью, смѣлосшью и ловкосшью. Въ 10 часовъ возблагодаря всѣхъ за учшивосшь ихъ, и бо-

лѣ Папиніюши, проспаясь съ хозяиномъ и со многими Греками, поѣхали въ Кефу или Θεοδοσίю, куда пріѣхали въ 8 часовъ по полудни, и приспали въ Греческомъ шракширь — пречистомъ; дорога хороша, мѣстоположеніе — зеленая степь; весною права прекрасная, и теперь на деревьяхъ вшорые листья. Обѣдали и ужинали въ десяшь часовъ вечера, и улеглись.

17-го Августа, мы только что хотѣли выйти, явился Комендантъ, меньшей Сиріоти, израненый Майоръ, бывшій кадетомъ въ Греческомъ Корпусъ — съ нѣкоторыми свѣдѣніями и оспрь; онъ повелъ насъ осмошрѣть карантинъ: оплично чисшъ и хорошъ! много спѣнь древнихъ, и новое строеніе прекрасно. 25 Іюля нынѣшняго года, скопившаяся на горахъ опъ дождей вода, шакъ быспро пощекла чрезъ карантинъ, что въ спѣнахъ Генуэзскихъ прорвалась, и наводнила карантинъ выше двухъ аршинъ; много поврежденнаго, и шрехъ человекъ спящихъ снесла вода въ Черное море; на другой день нашли ихъ бездыханными; помощникъ Инспектора карантина, Гирсъ, благороднаго обращенія, и прочіе чиновники учшивы и порядочны. Ходили по бульвару безъ деревьевъ, по берегу Чернаго моря; на семь

мѣспѣ, говорили мнѣ, были древнія спѣ-
ны; начальникъ бывшій въ Кефѣ, Г. Ф. сло-
малъ, и сдѣлалъ гулянье, по которому
гладко ходишь, но такъ жарко, что ни
кого не встрѣпишь; когда посадишь де-
ревья, чтобы тѣнь была, тогда будетъ
хорошо. Жители счисляется болѣе четы-
рехъ тысячъ. Жаръ сего дня былъ нестер-
пимъ, и пошому мы бросились въ Черное
море и — нѣсколько прохладились; думали
обѣдать дома, но — по сильнымъ убѣждені-
ямъ, согласились раздѣлить пранезу но-
ваго Градоначальника Г. П — го, кото-
рый три раза пріѣзжалъ къ намъ; — послѣ
обѣда, на шлюбку Градоначальника ѣздили
къ Броневскому, бывшему Градоначальни-
ку здѣсь. Онъ живетъ какъ пустынный,
и — руками своими воздѣлывая садъ свой —
кормится; опличный человекъ! я его да-
вно знаю: преисполненный познаній, и ве-
ликій знапокъ на многихъ языкахъ пи-
сать; нынѣ нашелъ его огорченнымъ; не
вѣдаю причины; но жалъ человека съ да-
рованіями, съ обширными свѣдѣніями по
всѣмъ часпямъ. Садъ его, имъ разведен-
ный, имѣетъ болѣе десяти тысячъ фрук-
товыхъ деревьевъ; миндаю продаетъ пудовъ
двадцать, и вошь *погтеннаго доходъ*; въ
саду, можно сказаешь, много есть милаго,

сею и овамо, въ пріятномъ безпорядкѣ: по оштатки колоннъ Паросскаго мрамора, по камни съ надписями, — памятникъ, воздвигнушій племянницѣ его, храмики, горки и проч. У Броневскаго заспали Н. Н. Раевского съ дочерьми и съ больнымъ сыномъ. Распроспаясь съ Философомъ-хозяиномъ, поѣхали къ П — му; — купались, читали газетны, писали, ужинали, и проспипались; дома у себя приготоовились къ завпрашнему опѣзду.

18-Августа. Вчера убѣдили меня ѣхать верхомъ по южному берегу Крыма, и я было согласился, хотя опъ жаровъ не такъ-то здоровъ; долженъ признахся, что для меня жестокой морозъ пріятнѣе, нежели зной; опъ холоду можно избавишься, а опъ жару некуда дѣвашься, и позыву къ ѣдѣ нѣтъ, сонъ бѣжитъ, человекъ весь не свой; а зимою каждый скоръ, румянь, молодъ, бодръ! — Въ семь часовъ ушра выѣхали изъ Феодосіи съ даннымъ намъ провожаемымъ, Тапаринимъ; располагаясь до Судака въ коляскѣ, а тамъ верхомъ. Прѣхавъ 24 версты до Кринички, я взглянулъ на маршрутъ, началъ считашъ версты, и — сочтя, что 300 верстъ должно ѣхать верхомъ и по 50 верстъ въ сушки, съ признашельностью нашелъ себя не въ

сосполяннїи исполнишь сію шрудную для меня дорогу: я *сытъ и Кавказскою лннією!* Пуспъ называюшь меня шрусомъ; нѣшъ, — эшо не шрусоспъ, а даже, если смѣю ска- зашъ — доспюинспво; ибо *когда бы людѣ брались за шо шолько, что могушь вы- полнишь, гораздо бы все лучше шло въ міръ:* анъ посмошришь большая часпъ не по силѣ шягоспъ несецъ, вошъ и бѣда; не хорошо, *когда человекъ мечтаеть бо- лше о себѣ, нежели онъ есть.* Мало ли мы чипали, чипаемъ, видѣли, и видимъ, что *самонадеянность* часшо и очень часшо ко вреду служила и *хвастуну и ближнимъ!* Могъ бы множеспво примѣровъ предспа- вишь, но — боясь упоминъ чипашелей, кои удоспояшъ своимъ вниманіемъ мои пуше- выя записки, молчу. И шакъ доѣхавъ въ неспносный жаръ по гориспшой дорогѣ до Шахъ-Мурзы, (имѣніе принадлежашее Год- левскому), раздѣлились; шоварищъ мой по- ѣхалъ верѣхомъ на Судакъ, а я въ Бурун- дукъ; прощаніе было слезное, мнѣ душев- но горько! — Въ восемь часовъ вечера доѣхавъ до Бурундука, ночевалъ у ямщика Ивана Максимова, одинъ одицешенекъ; два чело- вѣка бывшіе со мною и бодны и хмѣльны; не на кого надѣяшъся; хозяйка съ двумя до- черьми, видя мое положеніе, упростили пре-

дашься покойному сну, и что онъ будешь караулишь при экипажа; упоминение заставило принять съ благодарностью предложение; вокруг избы пусто и безлюдно, вдали почтовый худой дворъ, вдали же изъ шестипи человекъ казачій карауль; луна взглядывала въ малое окно, а въ другое сморъли на меня по волю, по коро-ва; дума занимала голову мою, началъ забываться, какъ вдругъ вбѣгаетъ какой-то молодецъ съ обнаженною шпагою, грозно крича: гдѣ хозяинъ? Я проснулся, и откуда взялась смѣлость? кричу грознѣе: *вонъ!* — Въ это время собачка Англійская, бывшая со мною, бросилась съ лаемъ на дерзкаго, и онъ — какъ привидѣніе — исчезъ; не знаю — кого испугался, меня или собаки?

19-го Августа. Въ пятомъ часу утра, былъ уже готовъ къ отъѣзду; хозяйка съ дочерьми не хотѣла взять плащъ; но — по просьбѣ моей, для памяти, рѣшились бездѣлицу оставить у себя: наспоющія христіанки! Дорога къ Симферополю или Ахмечети, большею частію гориста, и не всегда хороша; мосты всѣ хороши; мѣстоположеніе красиво, лѣсу много, и на деревьяхъ новые листья. Въ десять часовъ утра проѣхалъ *Карасубазаръ*, и — не выходя изъ коляски, спросилъ почтаря, опрятнаго

жида; онъ говорилъ: что лавокъ болѣе 300, что одна каменная Греческая церковь, одна Грекороссійская, одна Каполическая, одна Армянская, множество мечей, и нѣсколько синагогъ, что жилищей около 15-ти тысячъ; за вѣрность не ручаюсь. При вѣздѣ въ Карасубазаръ плѣняющъ взоры, прямые, высокіе, горделивые пополи и фруктовые деревья; сколько могъ замѣшшь, одни Русскіе дома, окнами на узкія улицы, а прочіе дома всѣ обращены окнами на дворъ; скучно видѣшь, Гостинный дворъ обведенъ высокою стѣною; вороша запираются по закатѣ солнца, и шорть оканчивается.

Изъ *Эюйской* станціи, послалъ передоваго къ Таврическому Губернатору Александру Николаевичу Баранову, прося его, чтобы приказалъ оповѣсти мнѣ квартиру какъ человѣку, коротко съ нимъ знакомому по С. Петербургу. За передовымъ черезъ часъ поѣхалъ и самъ; почти въ три часа вѣхалъ въ Симферополь, и — прямо къ Губернатору, который на крыльцѣ встрѣшилъ меня, какъ друга, какъ любезнаго брата; слезы препешали у обоихъ на глазахъ; душа его благородная, оказалась въ сіе время во всей красѣ своей; разумѣется, что бывшіе у него

госпи подражали своему хозяину, и мнѣ было такъ весело, что нѣтъ словъ пересказать; давно сказано: *кто чувствуетъ много, тотъ мало говоритъ*. — Обѣдъ и хорошъ и приправленъ дружескою бесѣдою. Послѣ обѣда явился Докторъ, и занялся хмѣльными еще людьми, со мною прѣхавшими; самое лучшее лекарство, что и всѣ придумали — опшпавишь въ больницу, до ошѣзда нашего изъ Симферополя.

Любезный Губернашоръ приготовилъ для меня при комнашы, назнача и прислугу. До 12 часовъ мы сидѣли, и я съ удовольствіемъ внималъ о предпріятіяхъ начашыхъ, хотя молодымъ, но преисполненнымъ дарованій Губернашоромъ; все, что Александръ Николаевичъ предполагалъ совершить въ Таврической губерніи, клонилось ко благу общему. Дай Богъ только ему сполько силъ и швердоспи, чтообъ кончишь многотрудныя свои желанія. Ужинъ прекрашилъ нашъ разговоръ, мы разошлись, и я посшавляю долгомъ сказать, что весело бытъ хотя бѣднымъ, но чесшнымъ человѣкомъ: вездѣ находишь дружбу, всюду встрѣчаешь любовь и довольство, тогда, когда *гордецъ богатый и несправедливо нажившій сокровища, презираемъ, и ни кто не хочетъ не шокмо*

угодить, но даже встрѣчаться съ сими людьми.

20-Августа. Въ шестомъ часу ухра проснувшись, и возблагодаря Бога за милости, спалъ читалъ иностранныя газетны; удивленіе мое усугубилось, — читая о Неаполишанскомъ переворотѣ, и о процессѣ Англійской Королевы; свидѣлся съ хозяиномъ, который совѣщовалъ мнѣ — посмотришь базаръ: только въ пятницу каждую недѣлю, со всѣхъ окрестностей, привѣзжаютъ торговцы; каждый, чѣмъ богаты, то и предлагаешь на продажу. Чрезвычайно жарко, даже душно! не смотря, что восемь часовъ ухра; однако я пошелъ: взоры не пѣвняются базаромъ; весьма нечисло! только и слышишь Ташарской языкъ! Фруктовъ множество и разнаго незначащаго шовару. Заходилъ къ Князю Балапуку, бывшему моему кадешу, подъ именемъ Кая-Бею: нынѣ Генераль-Маіоръ; не заспалъ дома; къ женѣ не заходилъ, ибо не водится у Магомешанъ; написалъ записку къ нему, прося переслать въ его деревню. — Городъ Симферополь — чистенькій, но неправильно выстроены; большею частію каменные строенія, церквей христіанскихъ мало, мечетей за то много; соборная церковь Св. Александра Невскаго,

на помѣ мѣстѣ, гдѣ великій Суворовъ редутъ выстроилъ при покореніи сего города, не кончена; но сумма опущена, и честный Тубернапоръ Барановъ уже съ душевнымъ удовольствіемъ спремился все то совершить, что его предмѣстниками начато. Онъ конечно оставитъ свое имя въ семъ необразованномъ краю, и губернію процвѣтетъ. Въ два часа сѣли обѣдать; и бесѣда пріятная; Александра Николаевича Секретарь, Фабръ, съ просвѣщеніемъ и кротостію молодой челоѣкъ, своими заключеніями о многихъ предметахъ обратилъ мое вниманіе, какъ и Офрейнъ — опстанный Штабъ-Офидеръ, помѣщикъ въ семъ краю, почто съ правилами и благороднаго духа челоѣкъ; Виллисъ, Англичанинъ, нашъ подданный, съ образованіемъ, при наружности привлекательной. Въ шестъ часовъ Барановъ представилъ меня дивизіонному Генералу Удому; и онъ, жена и дѣти вѣсьма учтивы и любезны. Отсюда пошли къ Офрейну; шутъ часа два провелъ; какъ будто съ родными, всѣ приніли мя по сердцу. Хозяйка Екатерина Осиповна, не смотря, что Французенка, съ большимъ образованіемъ, съ умомъ любезнымъ и обращеніе самаго пріятнаго; мужъ ея — просвѣщенный съ кротостію че-

ловѣкъ; старшая шестнадцатилѣтняя дочь Леонисъ, при привлекательной наружности преисполнена дарованій и познаній; меньшая Земида теперь оспрошюю обращаетъ вниманіе: года чрезъ три, воспитанная родителями, будешь украшеніемъ Крыма, по крайней мѣрѣ я такъ думаю и напередъ радуюсь. Тутъ же была госпья, госпожа Лангъ, супруга Доктора, лѣтъ за двадцать, прекрасная женщина, съ крошесію, и у насъ въ Пешербургъ оставила бы каждого, и нѣжный полъ, разумѣется *независтливый*, ошдалъ бы ей справедливосшь: и спанъ и взглядъ, и все мило въ ней; мужъ ея, пріѣхавшій послѣ, человекъ спешенный и молчаливый. Въ семъ обществѣ казалось мнѣ, что я дома, со всѣми родными или коропко знакомыми; опкровенносшь переходила изъ усь въ усь, и бесѣда спановилась живѣе и любезнѣе, не взирая, что много говорено и объ ученосши; се признакъ истинной образованносши, безъ педантсва или напязки нынѣшняго просвѣщенія. Насытившись разговорами, лестными для меня ошзыва-ми, раскланался и пошелъ съ любезнымъ Губернаторомъ къ нему, гдѣ ожидалъ насъ Аѣинскій ужинъ, — не Аристиппа, а Сократическій, послѣ котораго каждый занялъ

свои комнаты; я помолился Богу, и заснул крепким сномъ.

21-го Августа. Въ шесть часовъ упрятывалъ уже газеты и писалъ; нѣсколько Гречанокъ присылали просить къ себѣ, общалъ завтра бытъ. Въ 12 часовъ съ Губернаторомъ и Офрейномъ ѣздишь вдоль по Салгирю десять верстъ къ Ш..... К..... П.....: очень привѣтлива и довольна была — увидя меня; дыши ея миленькія. Мѣстоположеніе помѣстья не такъ то очаровательно, какъ мнѣ рассказывали; есть горы, да гдѣ ихъ въ Крыму нѣтъ! Обѣдъ хорошъ, приправленный любезностію хозяйки. Салгиръ (рѣка), прославленная плаксивыми путешественниками, романтическими писателями, Салгиръ въ сіе время ручей, менѣе ручья, ибо и ушки ходятъ поперекъ онаго, а плавать не могутъ; говорятъ, что при дождяхъ, съ горъ лиющая вода наполняетъ сію рѣку, и тогда Салгиръ до полушора аршина подымается, и будто сердитъ, и ѣзда въ экипажахъ прекращается. Въ семь часовъ были въ Симферополь; пошли было къ прекрасной Лангъ; не заставъ дома, провели вечеръ въ пріятныхъ разговорахъ у Офрейна. Сего дня замѣшилъ, что и здѣсь есть педанты, и дукаются какъ Индѣй-

скіе пѣшухи, и я принужденъ былъ употребить Апшическую соль; смѣху было довольно; въ самомъ дѣлѣ ничего нѣтъ безразсуднѣе, какъ предсавлять наружностію своею и ученаго и глубокомысленнаго, не имѣя ни шого ни другаго! Худо спалъ, любезный шоварицъ мой предсавлялся во снѣ — и больнымъ, и желшымъ, и худымъ.

22-го Августа. Въ Симферополѣ, — Воскресный день, былъ у обѣдни; церковь бѣдна; жалко, что пѣвчіе обыкновеннаго напѣва не сохраняютъ, а пускаются пѣть сочиненія Боршнѣнскаго; и во всѣхъ случаяхъ люди бываютъ смѣшны, когда — родясь лягушками, хотѣтъ быть волами; прихожане довольно чинно спѣли, исключая одного сѣдовласаго, и еще со звѣздою; мнѣ больно было и за него и за пѣхъ, коимъ онъ нѣшалъ молишься. Послѣ обѣдни зашелъ къ одной Гречанкѣ, которая встрѣтила меня со слезами, рассказывала свое дѣло: я обѣщала просить Губернатора; добрый и справедливый Александръ Николаевичъ, въ угожденіе мнѣ, обѣщала еще разъ выслушать несправедливое дѣло; выслушала и отказала. Меня однако благодарили. Смѣшны люди! Ѣздила черезъ Салгиръ къ Мильгаузену, ошачному чело-

вѣку, превосходному Докшору и крошк-
му ошцу семейства; Санкшпешербургъ
опѣздомъ его лишился знаменишаго ме-
дика, по многимъ опношеніямъ, — а бѣдные
одного изъ благодѣтелей. Мильгаузенъ на-
всегда здѣсь поселился, выпраиваетъ
домъ, разсаживаетъ садъ, лечитъ безъ де-
негъ, и успѣлъ въ короткое время приоб-
рѣсти любовь и почтеніе всѣхъ. — Заѣз-
жалъ къ Кузовлеву, женатому на Кахов-
ской, крѣпчѣ дочь щочно образована, и въ
краю, гдѣ еще мало учителей, образуешь
во многихъ часяхъ своихъ сестрицъ; по-
хвально родителямъ, давшимъ такое
воспитаніе, а не поверхностное, какъ мы
видимъ: болпашъ, — болпашутъ многія на
многихъ языкахъ, а просвѣщенія не быва-
ло! За обѣдомъ была одна фигура, видъ че-
ловѣческій, а многословіе доказало, что
чуждъ и просвѣщенія и доброты сердца.
Въ седьмомъ часу по полудни, видимъ изъ
балкона, чепырехъ верховыхъ лошадей и
двѣ выючныя, у меня сердце забилося; но
когда сей коршежъ приблизился, и я
узналъ своего товарища, блѣднаго, жел-
шнаго, одержимаго лихорадкою, невольно
слезы покапились; мудроно безъ привычки
въ несносной жаръ, быль все верхомъ и
по горамъ; пригласили Докшора Мильгау-

зена, кошормй. опасности не нашедъ, однако прописавъ лекарствъ, ведѣль лечь въ постель, и чшобъ больного оспавишь въ тишинѣ. Видя присуствіе мое ненужнымъ, и когда Губернашоръ занялся бумагами о улучшеніи ввѣренной ему губерніи, я — будучи приглашенъ, поѣхалъ черезъ *глубоко - донный* Салгиръ, къ Кузовлеву, гдѣ часъ любовался танцами дѣвицъ Крымскихъ: не хуже лучшихъ благородныхъ танцорокъ С. Петербурга, нервыхъ обществъ! Къ несчастію моему, всѣ почти хорошо говорящъ по - Французски; куда эша зараза не проникла! Почему не знаешь иноземные языки, но — до шого доходишь, чшобъ ошказываешь хорошимъ женихамъ для шого шолько, чшо не говорящъ по - Французски, сшымдно и грѣшно! — А эшо случалось и не одинъ разъ въ шшодицахъ. Съ восьми часовъ вечера до полуночи сидѣлъ шю у Губернашора, шю у больного нашего; между шѣмъ Александръ Николаевичъ чшпалъ мнѣ свои обдуманые планы, цѣлю имѣющіе благоденствіе Тавриды; ошпратно родишелямъ имѣшь шакого сына, и весело спранѣ имѣшь подобныхъ согражданъ, посвящающихъ юныя лѣта свои для счасшія ближнихъ.

23 Августа. Симферополь. — Товарищу моему нѣсколько лучше; это меня радуешь, тѣмъ болѣе, что на чужбинѣ нашелся лучший Докторъ, и что попеченіе Баранова о больномъ, о мнѣ и нашихъ прислужникахъ, золотого вѣка; гостепріимство не хвастливое, не гремящее, а прямо отъ души. Посидѣвъ нѣсколько разъ у больного, и насытившись обѣдомъ и чтеніемъ до Тавриды касающимся, — въ седьмомъ часу пошли къ Нотарѣ; онъ молодой Гусарь, скромный и любезный; Елисавета Ивановна, супруга его, 17-ти лѣтняя, лѣпообразная, мать уже; хотя мало было словъ однако видна остроумца, и въ привлекательныхъ глазахъ живость съ томностию; — ее вообще Симферопольскія дамы называютъ живою душенькою Богдановича. Оплакавшись, Губернаторъ представилъ меня къ Елис. Яковл. Шостаку, урожденной Рудзевичевой, которую болѣе 25 лѣтъ не видѣлъ, и мы какъ знакомые; но чрезъ полчаса вспомнили юность нашу; у ней много дѣшей, и старшая дочь Александра Андреевна, прекрасная дѣвица, и столько скромна, сколько благовоспитанная должна быть. Здѣсь бывши, вспомнилъ сестру Шостака, Екашерину Яковлевну Ладыгину, ангела — а не женщину; но она давно пе-

реселилась, шуда, гдѣ — по достоинствамъ своимъ душевнымъ, ликуешь съ Несозданнымъ. Вечеръ провелъ въ чтеніи.

24 Августа. Симферополь. Не смотря на жары, я пользуюсь совершеннымъ здоровьемъ, за что несуся опъ души молю къ Всевышнему. Товарищу моему легче. Почти часа чепыре, Губернаторъ чапалъ мнѣ предположенія свои, какимъ образомъ привеши въ порядокъ Магометанскую вѣру во вѣренной ему губерніи, и о выморочномъ ихъ имѣніи: благоразумно написано, и я благодарилъ за довѣренность, шѣмъ болѣе, что онъ принималъ замѣчанія мои, съ благородствомъ душевнымъ. Послѣ обѣда ходилъ по городу, скука и шоска сопутствовали мнѣ; гдѣ, гдѣ встрѣпишь мушину, а женщины съ покрывалами. Улицы большею частію шакъ узки, что двѣ шелѣги разѣхашся не могутъ, и окнами на дворъ. Заходилъ къ прекрасной Л. и внушилъ довѣренность къ себѣ; она пѣла очень мило, съ застѣнчивостію, украшающею нѣжной полъ. Часа два сидѣлъ у Оф — ь, гдѣ бесѣда пріятна, и гдѣ Леонисъ пѣла хорошо, сопровождая свой голосъ гитарою. Зенеида, сестра ея, своими умными вопросами о Петербургѣ, своими оспрыми опвѣтами о Крымѣ, занима-

да также меня. У прекрасной Л — ь при малолѣтнія дочери, будущь со временемъ украшашь Тавриду, — бабушка ихъ, изъ Малороссіи, умца, не дурна и кропкая. Посидѣвъ съ больнымъ товарищемъ, удаллся къ себѣ за полночь.

25 Августа. Симферополь. Утро провелъ въ чтеніи иностранныхъ газетъ; духъ времени мнѣ не нравился и беспокоилъ меня, воспитаннаго въ правилахъ должныхъ; беспокойство сіе побочное увеличилось, когда вошелъ къ любезному моему повару, нашелъ его въ объятіяхъ разлившейся у него желчи и въ сильной лихорадкѣ. Въ сіе время прислала мнѣ Г. Лангъ двадцать лимоновъ; знаешь, что и здѣсь не изобиліе въ оныхъ, ибо у нее одной и было въ семь мѣсяцъ; Губернаторъ же послалъ въ Севастополь; чрезъ два дни привезушь; я письменно благодарилъ; больному нужны были, и сей подарокъ доказалъ, что приславшая, къ наружной красотѣ присоединяешь красоту душевную.

Оставляя больного на рукахъ Баранова и Мильгаузена, по совѣту перваго поѣхалъ на его прекрасномъ экипажѣ къ тѣмъ дамамъ, кои съ пріятною любезностію принимали меня по вечерамъ. Всѣхъ нашелъ въ занятіяхъ: или ошцы учили дѣшей сво-

ихъ, или машери, или старшія сестрицы меньшихъ; не шакъ какъ болышею частію у насъ — въ С. Пешербургъ и Москвѣ. — Настало утро, и мапушки съ тономъ впошъ до обѣда изъ магазина въ магазинъ, отъ модницы къ модницѣ, или пуспые ни къ чему неведущіе визиты занимающъ ихъ, а дѣши подъ руководствомъ наемниковъ и наемницъ, разумѣется иностранцовъ и иностранокъ, приучаются меньше всего, знать свое отечество. За обѣдомъ у Губернатора былъ Броневскій, человекъ съ обширными свѣденіями, и масперски излагающій мысли свои. Послѣ обѣда заходилъ къ почтенному Мильгаузену: онъ училъ дочь свою; я, чшобъ не отвлечь его отъ лучшаго занятія, скоро откланялся, и пошелъ къ дивизионному Генералу Удому, и онъ и жена его люди учивые, хорошіе; дочери премиленькія. Вечеръ насталъ, и я рѣшился въ первой разъ бытъ въ Турецкой банѣ. Для всякаго случая взявъ человека съ собою, велѣлъ ему мыться, какъ ему угодно, а самъ опдался въ руки Ташарину. Баня не что иное, какъ чешвероугольное каменное строеніе, освѣщенное сверху, по шремъ споронамъ каменные лавки, вдѣланныя къ полу; въ одной сторонѣ краны, изъ кошорыхъ по

желанію испекаешъ горячая и холодная вода; полъ каменный, посреди коего каменное возвышеніе не болѣе поларшина, въ длину сажень, шириною не много меньше; баня попишся съ низу, а попому полъ горячъ, и входящъ въ деревянныхъ башмакахъ, кои имѣють особенное названіе. У насъ паръ сверху внизъ спускается; здѣсь — съ низу вверхъ, и чшобъ нагрѣшь баню, обливаешь или брызжешь полъ. Вошедшему мнѣ, банщикъ съ уклонкою головы просилъ прежде по-Турецки, а попомъ по-Гречески, лечь на возвышеніе, сдѣланное въ срединѣ, подложилъ подъ голову мою свернутое полотенце, и принялся за работу: сухими своими руками шеръ все тѣло мое довольно крѣпко, но съ искусствомъ, не больно; каждый сущавъ вытягивалъ, направлялъ, переворачивалъ меня какъ дишя; я молчалъ, а сидящій мой служишель удивлялся моему шерпнїю, и ни какъ бы не дался на шакое, какъ казалось ему, мученіе. Трение продолжалось по крайней мѣрѣ полчаса. Послѣ чего просилъ лежать, а самъ обрызгивалъ полъ, паръ обнималъ меня; погода не много, онъ взялъ сухой шерспяной, довольно жесткой мѣшечекъ, надѣлъ на руку, и ну шереть меня; кончилось

сѣ; шутъ вздѣль на руку другой мягкой мышечекъ, снупри наполненный ароматическимъ мыломъ, и началъ онышъ водить по шѣлу моему; потомъ просилъ встать и сѣсть на каменную лавку, и принялся за годову: ужъ онъ ее мылъ, мылъ, ни какъ не слушаая словъ моихъ: довольно, довольно! — Наконецъ спалъ обливая по пещюю, по холодною водою, и — выпустилъ. Два часа и болѣе продолжалось пребываніе мое въ банѣ, и я съ чувствительною благодарностью долженъ признаюсь, что сія баня столько же полезна, сколько и наша Русская; ибо человекъ выходитъ молодецъ молодцомъ; что же производятъ заморскія ванны? Слабость и дряхлость! Послѣ Русской и Турецкой бани, особенно послѣ первой, куда хочешь поди, и въ жары и въ прескучіе морозы, а послѣ ванны ложись въ постель! Что лучше? Любители иноземнаго, не сердитесь: — а! вы молчите — на правду словъ мало. Такъ какъ баня близко отъ дому Оф — ь, то я приглашенный пилъ у нихъ чай, — и довольный ворошился домой, гдѣ посидѣвъ у больного, съ Александромъ Николаевичемъ, занялся чтеніемъ, и время быстро и пріятно прошло.

26-го Августа. Симферополь. Едва проснулся, вспомнилъ, что восемь лѣтъ минуло Бородинскому дѣлу, гдѣ вскобѣлась вражья Галловъ ранъ и съ ними двадцать лѣтъ. Вспомнивъ же сію кровопролитную битву, какъ забылъ вѣраго Ки: Пожарскаго, Князя Смоленскаго, М. Л. Гол. Кушкова; вѣки протекутъ; но во всѣхъ концахъ вселенныя сіи мужи великіе будутъ живы. Больному товарищу моему не много лучше, однако насилу могъ написать письмо къ родившей его, и я благодарилъ припискою, за хорошее опѣканіе обо мнѣ. Въ четвертомъ часу больному спало очень дурно, все въ какомъ-то усыпленіи, глаза мутныя, но открыты, но закрыты, ни единого слова, и слезы капающія. Видя любезнаго друга спаданія, я и Барановъ спрадали, одинъ Мильгаузенъ молчалъ, надежды не теряя на выздоровленіе. Эшотъ день посвященъ былъ дружбѣ и слезамъ. Молишвы чистыя возсылаемы были ко Всевышнему о выздоровленіи молодого, хорошаго человека.

27-го Августа. Симферополь. Товарищу моему со вчерашняго дня часъ опѣ часу хуже; восемь дней ни зерна во рту, кромѣ лекарства. Душа моя очень больна,

и чтобы не впасть и мнѣ въ болѣзнь, велѣли гулять; — я пошелъ на базаръ, ни единого пріятнаго предмета не встрѣтилось взорамъ моимъ; заходилъ къ милымъ, и всѣхъ заспалъ въ полезныхъ занятіяхъ; нѣкоторыя мои замѣчанія на счетъ чтенія принимаются съ благодарностію, и вмѣстѣ со мною, инокрипа, Жанъ-Жакъ Руссо и дерзкаго Вольтера, здѣсь не уважающъ: это доказываетъ числоту душевную. Опадаемая мнѣ ободрительная справедливость отъ невинности содѣлываетъ счастье мое и на чужбинѣ. За обѣдомъ сколько хозяинъ Барановъ и Броневскій занимали благоразумнымъ разговоромъ, столько какой-то пріѣзжій выказывалъ во всемъ блескъ глупости свою и даже низость чувствъ. Посидѣвши у больного до девяти часовъ, пошелъ съ Губернаторомъ къ О — ѣ, гдѣ засталъ прибывшаго Сенатора Анд. Мих. Бор.; онъ удивлялся — увидя меня; учтивостями закидалъ и просилъ къ себѣ; благодарилъ и за то и за другое. Первой разъ съ пріѣзда моего въ Симферополь, часу въ пятомъ по полудни заблестали молніи, загремялъ громъ и пошелъ маленькій дождь, послѣ котораго сильной вѣтръ. Какъ не благодарилъ Бога! Чтобы со мною было въ

столя прескучномъ городѣ, безъ Баранова и безъ любезныхъ особъ; единая тѣснота была бы мнѣ подруга: куда хорошая собесѣдница!

28-го Августа. Симферополь. Ясно вижу, что путешесствіе для человѣка начинаннаго полезно, особенно если и душа образована; такой путешественникъ ни чему не удивляется, ничто не можешь совратить его съ пути должнаго, смотришь и — что заслуживаешь вниманія, восхищаешься; но — безъ ахъ! и увы! величественныя красы природы вдыхающъ въ него еще болѣе благоговѣнія къ Создателю всяческихъ. Красота нѣжнаго пола влечетъ чувствительное его сердце, и ежели соединена съ умомъ, слѣдственно съ добродѣтелію, болѣе и болѣе укрѣпляешь въ правилахъ истинныхъ; но красота безъ должнаго восмишанія, не шрогаетъ благо-разумнаго путешественника; онъ льетъ слезы, разсуждая: что хорошее образованіе могло бы увеличить красоту наружную, и тогда безъ ужаса можно встрѣтишь спарость. Красавица, лишающаяся отъ времени наружной прелести, но пріобрѣтшая красоты душевныя, всегда прекрасна въ глазахъ мудрости, честности. Души крошкія приходятъ въ умиленіе,

когда видяшь преспарьлую особу, окруженную дѣшми своими и чадами чадъ своихъ, и слыша глаголь сей почтенной особы, всегда поучительный, не на мечтахъ основанный, а на опытъ дознанный. Обращимъ шеперь взоры наши на старость, кошорая не гошфовилась къ оной. Нынѣ — я не могу предшавишь споль гореспную каршину, хошя въ жизни своей и имѣлъ несчаснiе вепрѣчашься съ сими жалкими шварями; но старость, желающая молодиться, заслуживаетъ общее презрѣнiе.

Признаюсь, въ каждой губернии находилъ я прiятношпи, добрыхъ нравшвенныхъ людей, и есрдился въ шожѣ время, видя людей съ нѣкошорыми дарованiями, невыполняющими долгъ свой; ешь и шакiе, кои ушѣхою считають угнѣшашъ ближняго: — горе имъ! за окаменѣлость ихъ, они вживѣ оземлентьли; чшо ожидаетъ сихъ нечесшивыхъ? Въ настоящей жизни презрѣнiе а въ будущей, — конечно наказанiе.

Товарищу моему лучше. Барановъ любезный человекъ; но я сего дня со слезами вспомнилъ С. Петербургъ, и если бы можно было, подобно Икару, придѣлалъ бы крылья и полетѣлъ бы въ сполицу. Ходилъ по городу нѣсколько часовъ, два

разу промоченъ дождемъ, прошелъ 39 улицъ и переулковъ; носка такъ и ходила по пятамъ моимъ, вершлась передъ глазами и не давала мнѣ покою. День не въ день, съ утра почти не жила.

29-го Августа. Симферополь. Большому повариху гораздо лучше, и потому въ двѣнадцатомъ часу утра поѣхали Барановъ, Мильгаузенъ, Офрейнъ и я въ Саб-ли, помѣстье, принадлежащее А. М. Бороздину, яко званые. — 15 верстъ дорога дурна; иногда виды изрядные; но виды не пѣвнютъ, когда все въ страхъ, что будешь на боку; прѣехали и — угощены. Саб-ли вообще хорошо; но много еще денегъ надо, чтобъ остано-вить путеше-ствен-ника; однако школа (пепенъеры) фрукто-выхъ деревь заслуживаетъ особенное вни-маніе, — тысячъ прироста; можетъ быть и болѣе, прекрасно, прекрасно; но что всего привлекаетъ и достойно вни-манія благоразумнаго человѣка: это дочь Бо-роз., Мар. Андр., лѣтъ 18: — и крошечность, и хорошее воспитаніе, и наружность при-влекаетъ, и въ большихъ голубыхъ глазахъ видна добрая душа и чувстви-тельное сердце. — Возблагодаря гостепрі-имнаго хозяина, въ семь часовъ по полудни были уже въ Симферополь; по шой же

дурной дорогѣ ѣхали. Удаляясь къ себѣ, единственно думалъ о счастіи земномъ, и рѣшилъ шѣмъ, что всѣ блага земнаго шара не могушь сосзавишь счастія человѣку, коль счастья въ сердцѣ нѣтъ, и покой душевный оспавиль. Миръ съ совѣстью есть часть счастія, ибо можно ли вполнѣ быть довольнымъ, когда ближній и достойнѣ меня, сшраждеть, и когда радостъ едва досшигла шебя, горесшь догоняешь! Кладу перо. — Пришелъ ко мнѣ Губернаторъ и до полуночи чипалъ мнѣ свое сочиненіе о образованіи Ташаръ Таврической губерніи; похвально написано.

30-го Августа. Симферополь. Тезоименишство Государя Императора; по долгу вѣрнопопданнаго и прямо ошъ души, въ мундирѣ, вмѣстѣ съ Губернаторомъ вѣдиль къ обѣдни, гдѣ были всѣ чиновники, и военный шшашъ; по малосши церкви, солдашы спояли около церкви; погода прекрасная — лѣшняя. Сего дня мнѣ весело, и я былъ у многихъ дамъ до обѣда — и до обѣда даже вальсировалъ у Л., съ Леонисъ. Ошъ того, что много было у Губернатора за обѣдомъ, и всѣ лица незнакомыя, молчаніе почти не прерывалось, — шоварищу моему больному легче. До десяти часовъ ходиль; иллюминація въ казенныхъ домахъ;

но людей ~~идти~~; спало грустно: видя скоро-богатыхъ въ жолъ, въ изобиліи живущихъ и ненаказанныхъ, слыша кривые шолки о честности; — пера во свояси; почти со слезами молился и крѣпко заснулъ.

31 - го Августа. Симферополь. Съ поскою прощнулся, плакалъ много, и эшо можешъ разспроить здорѣе; человекъ рѣдко доволенъ бываешъ своимъ состояніемъ; но во всемъ нужно держашься средины; эшо мудрено; нужно смиряшья предъ обстоятельствомъ, особенно когда нельзя помочь себѣ. У меня нервы очень разспроены! За обѣдомъ у Куз., когда заговорили о моихъ родныхъ, слезы градомъ покапнулись, и почти весь споль былъ распроганъ, — двѣ дѣвицы, милыя, не могли удержашъ своихъ слезъ; честъ ихъ чувствительности! Видно, что хорошія дочери и вѣрно будущъ хорошія мащери. Вечерь просидѣлъ у любезной Л.; она была обворожительно, окруженная шремъ малолѣтними дѣтьми; бѣда сердцу! скорѣе, скорѣе опъ очаровательныхъ мѣстъ, гдѣ кропко умщвуютъ и скромно говорятъ:

1 - го Сентября. Довольный вчерашнимъ вечеромъ, спалъ сладко; но — вспомнилъ, что сего-дня старшаго брата моего имѣ-

нины, вспомя, что мать и вся родня обо мнѣ говорятъ и со слезами, залился и я; вотъ каково въ первой разѣ разлучаться, и въ дѣла немолодыя! Привычка — вѣкоря матеря природа. — Писалъ много, посидѣлъ у поварища, былъ у прекрасныхъ, а ихъ мужья упрямъ посылали меня и нѣмногорые офицеры, благовоспитанные; воспитанные же по нынѣшнему духу времени, не любятъ меня; за неопровергаемыя истины, мною часто повторяемыя. Послѣ объѣзда вмѣстѣ съ Обр., перешагнувъ Садтиръ, былъ уже у Профессора Химии Дессера, эмигранта, друга и поварища славнаго Химика Лавуазье, который кончилъ дни свои подъ гильотиною, обезомершивъ себя системою своею по Химии, и отвергнувъ систему Воэргава; по системѣ сего послѣдняго учился, но бывъ уже офицеромъ, слушалъ въ Академіи Наукъ въ С. Петербургѣ Профессоровъ Соколова и Захарова, которые приняли систему Лавуазье. Мы не засинали господина Дессера дома; жена его разсыпала учтивости на Французскомъ языкѣ: я долженъ былъ опивчаться, краснѣлъ, — ибо и не люблю говорить на семъ языкѣ и худо говорю; обрадовался, когда двѣ дочери ея, слыша меня, что я не возлюблю Французскій діалектъ,

ещо были учивы, ящо начали говоришь по-Русски, и хорошо, особенно Эснель; послѣ мѣкопорохъ приличныхъ словъ, обѣ вскочили, побѣжали и вскорѣ принесли изъ своего сада сливъ, винограду и другихъ плодовъ; опкландася, давъ слово бышь у нихъ и видѣшься съ помѣщикомъ Симеонадою, ихъ опцемъ. Опящъ перешедъ Саагиръ, зашелъ къ Генералу Удому; какъ онъ, такъ супруга и двѣ миленькія дочери осынали меня учивосшями; сидѣлъ у товарища выдворяливающаго, и пошомъ, магнншною сидюю влеченный, пошелъ къ Оф. —, гдѣ сердце шочно опдыхаетъ опъ любезности всего семейства; опкровенность — великое дѣло!

2-го Септября. Симферополь. Упродовелъ въ чненіи, гулялъ по скучному и безлюдному городу; званый, обѣдалъ у цочщеннаго Оф., — и душа наслаждалась счастьемъ семейственнымъ; шесшери дѣщей опкровенностію дышашъ и здоровьемъ пользуюшся; родищеди занимающіи ими, какъ занимались въ первыхъ вѣкахъ, и вѣчно вмѣстѣ. А что мы видимъ въ болѣшихъ городахъ? Наемники и наемницы приведушъ дѣтей къ родителямъ, приложатся къ рукамъ, да и сонъ! Часно и по недѣлямъ не видящъ ошцы и мащери сво-

ихъ дѣшей, ибо прѣзжаютъ поздно, встаетъ поздно, и опять шже, да шже! Увы! — Вечеръ сидѣлъ съ поварихою и хозяйхою; — грустно, только что модиствы утѣшаютъ меня, сердце ноетъ, душа плачетъ.

3-го Сентября. Симферополь. Въ восьмомъ часу утра пошелъ на базаръ; слышно видѣлъ вѣстѣ — Русскихъ, Армянъ, Жидовъ, Грековъ, Татаръ, Нѣмцевъ, Французовъ и много разныхъ Азіатцевъ; всѣ по своему кричатъ, желая продать свой товаръ. Хорошенькихъ покупицъ было мало; всѣ жидели запасаются съѣзными припасами на недѣлю, однако можно достать и въ другіе дни. Одна дама обратила мое вниманіе: очень не дурна; не смотря на мою шску, я для нее часъ и болѣе гулялъ по небольшому базару: — какъ слабъ человекъ! Но кто поспоришь со мною и не скажешь, что весело смотрѣвъ на картину изящной работы, кольми паче на швореніе Вожіе, дѣлообразное? Я успѣлъ познакомиться, однако не удалось бытъ у сей любезной дамы. — Вечеръ у Куз., — вальсировалъ съ шестью дѣвками; — упомянутый спалъ хорошо.

4-го Сентября. Симферополь. Читалъ много, съ 12-го до 2-хъ часовъ сидѣлъ у

прекрасной Л. — Откровенность, любезность, кропотливость, скромность сидели съ нами; мнѣ весело и сердцемъ и душою; но, признаюсь, должно вѣшать, а то прощаніе съ милыми будетъ слезное; остатокъ дня дома въ чтеніи и пріятныхъ разговорахъ.

5-го Сентября. Симферополь. После холоду и дождей, погода прояснивается; но очень грязно, ибо городъ не мощенъ. Тезоименинство Императрицы Елисаветы Алексѣевны, и именины родившей меня; надѣвъ мундиръ, поѣхалъ къ обѣдин; гдѣ вспомня, что въ щеченіе почти тридцатии лѣтъ, первой разъ въ разлукъ съ рѣдкою, почтенною матерью, и что я не могу поздравить лично, — слезы невольно въ изобиліи потекли; не понимаю, какъ дѣти могутъ не любить родителей своихъ; къ несчастію, есть и такія; уже ли высреннее воспитаніе причиною? Не вѣрю; ибо чѣмъ лучше воспитанъ человекъ, тѣмъ болѣе чтить даровавшихъ жизнь ему. Въ сіе время вспомнилъ Эпиктета, Фивянина, идолопоклонника, который говорилъ: „Природа даровала дѣтямъ родителей, но не обязалась дать добрыхъ, или злыхъ: каковы случатся, и ежели они не выполняютъ долгу своего, дѣти должны выполнять съ кропотливостию и

„смирениѣмъ долгу свой и не смѣнь роп-
„шашъ.“ Ежеди щакъ писалъ идедоло-
клонникъ, что жъ осталось намъ Христіа-
намъ? — Безмодвощивашъ.

Не смощря на щеску свою, щеслъ объ-
дни былъ у иманинищъ Симферопольскихъ,
а оспальные часы — дома, въ любезной
басѣдѣ съ Барановымъ и щоварищемъ сво-
имъ. За обѣдомъ былъ Князь Бадашукъ;
богаче всѣхъ считаеишся по Крыму; Генера-
ль — Маіоръ; но — я въ немъ нашелъ при-
знащельнаго, учщиваго и даже оишкомъ
любящаго меня; щеслъ ему.

6-го Сенщября. Симферополь. Пощеда
опящъ совершенно лѣшняя, и воздухъ бла-
гощворный; первой разъ — послъ щеспокой
болѣзни, щощхалъ щрокащашъ щоварища
моего, — ему щснало вдругъ лучше; до
обѣда посѣщалъ любезныхъ: *это потреб-
ность души моей, какъ говоритъ одинъ
нашъ щрогательный путешественникъ.* До-
ма обѣдалъ, гдѣ былъ Графъ Нощпищъ, на-
шей службы Полковникъ, съ оплщичнымъ
просвѣщеніемъ человекъ; бесѣда его ощень
занимала меня. Вечеръ сидѣлъ у Оф. —,
гдѣ много смѣядся и прищомъ далъ замѣ-
нищъ, щню и въ Крыму знающъ науку,
не смишкомъ хорошую, пересказывашъ
сказанное, — иначе, и щѣмъ посѣвашъ раз-

дерь между семействами; люди — вездѣ люди. Тутъ былъ Губернскій Предводитель Филащевъ, коего по Петербургу знаю, и Графъ Мезень, начальникъ Ногайцевъ; больше 40 шмелей обоего пола въ его подчиненности; хвалишь сего Француза. — У Ташаръ начался Байрамъ или первые годовые праздники; по обычаю, введенному съ давнихъ лѣтъ, все должны закалать агненка, а шкуру Мулаъ, духовному, комхъ считаешься при снѣ-десяти шмеляхъ Ташаръ, шесць шмелей.

7-го Сентября. Симферополь. Погода какъ въ Юль; шмелей шѣни опть жару, и шрава шрепшй разъ выказываешся! — Послѣ Турецкой бани, гулялъ, и хоща былъ званъ въ Сабли обѣдать къ А. М. Б., но — не любя общество муштинъ, оспался въ Симферополь, и провелъ время счастливо, *расткошь гувствуя въ душѣ своей*: среди любезнаго семейства Оф. все прекрасно, и обѣдъ хорошъ, приправленный Аминскою солью; шупъ была госпожа Палласъ, супруга покойнаго, славнаго нашего Природы испытателя, женщина учивая, владѣтельница прекраснаго сада и маскерски умѣющая хвалишь, и шѣмъ заспавившая поцѣловать свою руку. Здѣсь же познакомился съ госпожею Бухольцъ, Еж. Мих.,

родомъ изъ Княженъ Черкесскихъ: особа, каковыхъ мало встрѣпишь; кто правды не любишь, не приближайся къ ней: съ умомъ и разсудкомъ, каждому выскажешь въ глаза, кто чего споить; женщина пріятная и по ея собственнымъ словамъ 42-хъ лѣтъ; но сохранившая по сіе время красоту привлекательную; всякой, увидя свѣжестъ лица ея, убавишь болѣе десяти лѣтъ; все въ ней прелестно, и глаза точно побѣдительно; при солнечномъ сіяніи и при свѣчахъ одинаково хороша; верхомъ же и въ Черкескомъ платьѣ точно баснословная богиня! Къ виѣшнимъ красотамъ присоединяешь доброту души, гошовую услужишь каждому, и подѣлишься послѣднимъ. Послѣ обѣда, пошелъ къ Л., благодарилъ прекрасную за присланный милый подарокъ, — чѣмъ не забышь ее въ столицѣ. Можно ли съ удовольствіемъ не воспоминашь? Мужъ ея боленъ, и бесѣда, часа два продолжавшаяся съ Докшоромъ симъ, показала мнѣ его просвѣщеніе и доброту сердца. Вечеръ дома въ чтеніи.

8-го Сентября. Симферополь. Рожд. Богоматери, и въ 1380 году въ сей день побѣда Димитрія Ивановича Донскаго, надъ Мамаемъ, на Куликовомъ полѣ — въ Тульской губерніи: начало избавленія Рос-

сѣмъ изъ подъ ига Ташарскаго. Сего дня сильно почувствовала превосходство богатаго надъ бѣднымъ, хопя и честнымъ и просвѣщеннымъ человѣкомъ. Бѣднякъ, *свѣтской геловѣкъ* идешь по спезѣ усыпанной цвѣтами къ счастью; сей изгнанный хамелеонъ не покажешь *безобразному* зеркала; *безумца* ушверждаешь въ мнѣніи, что ничего нѣтъ лучше — ума; *растопителя* увѣряешь, что онъ только щедръ, а *скупого*, что онъ экономъ; *безобразной* женщинѣ доказываешь *платное* красоты; *богагу* твердишь, что онъ бы могъ съ пользою бытъ дѣловцемъ государственнымъ, ученымъ мужемъ, героемъ, что онъ покровилъ Музъ, любимъ красавицами; хвалишь гордое *невыжество*, и съ восторгомъ превозносишь подвиги полководца, *бѣжавшаго* съ поля сраженія; *музыканту* говоришь, что такой-то Генералъ былъ бы конечно великій человѣкъ, если бы умѣлъ играть на инструментѣ; *живописцу* поешь, что Апеллесъ, Зевксисъ, гораздо превосходишь умомъ Омира, Сократа. *Истинною руководимый* бѣднякъ, можетъ ли готовить себѣ счастье такимъ постыднымъ образомъ? Распространить сію счастію не трудно, но и сего довольно. До сего написаннаго

мною разсужденія, былъ у обѣдин; былъ у прѣзжихъ Генераловъ Н. Н. Раевскаго и Графа Ланжерона: учтивостями обѣихъ доволенъ, привычливостію супруги послѣдняго тоже; чѣшобъ разбить шеску свою, былъ у любезныхъ особъ; выходя же изъ церкви, нельзя было не замѣтить одну прелестную дѣвицу: по чертамъ лица и по значительнымъ взорамъ, заключилъ, что она должна быть Гречанка; съ нею было нѣсколько дамъ; кого ни спрашивалъ о ней, отвѣчали незнаемъ. — Спранно покажецца чипашелямъ, что въ мои немолодые лѣта, пускаки меня занимающъ; но —

Я люблю въ природѣ живо,
Восхищаюсь взоромъ божественъ,
И теряюсь въ удовольствіи —
Счастье чувствуя въ душѣ своей.

Послѣ обѣда, пошелъ чрезъ Садгирь, прямо къ Химику Дессеру; нашелъ въ немъ человека точно добраго и просвѣщеннаго; дочери любезны и хорошо воспитаны; Н. Н. Раевскій, приславши въ семь домъ, своимъ умнымъ разговоромъ разсѣлъ мрачныя мои мысли, и доспавмъ, не думая, покой душѣ моей.

9-го Сентября. Симферополь. — При
 веѣхъ колѣзнодорожныхъ жѣзни, гдѣ бы че-
 ловѣкъ ни случился, ежели онъ находишь
 удовольствіе въ чтеніи, полезныхъ книгъ,
 скука не посѣтитъ его; но — не надо чи-
 тать какъ *святскіе люди*: они пробѣга-
 ютъ книгу, какъ многіе путешественни-
 ки, безъ размышленія, ширько чинюбъ *по-
 смотреть пейзажины*, и все, что они
 видятъ, исчезаетъ въ воздухъ. Чтеніе съ
 размышленіемъ, подобно рѣкѣ Нилу: гдѣ
 протекаетъ, гдѣ разливается, тамъ изоби-
 ліе процвѣшаетъ. Какъ горько смотрѣшь
 на нѣкоторыхъ, кои всѣмъ сядяшя за шу-
 алешъ; не могутъ дождашя конца обѣда,
 чтобъ сѣсть оняшъ за шуалешъ; къ вечеру
 еще, между шѣмъ жалующя, что скука
 не оставялетъ ихъ. Бѣдненькіе! А какъ
 скажешъ — занимайшесь чтеніемъ, думайше,
 что прочитали, займишесь рукодѣліемъ —
 вдругъ свѣтскіе люди кричатъ: ахъ, суда-
 рыня! не слушайше, вы богашы, молоды,
 хороши, оставьше среднему сословію —
 занимашя симъ вздоромъ; и въ самомъ
 дѣлѣ говоришь нѣжнымъ голосомъ молодая
 барыня: какая шоска — книги, рукодѣлія;
 и ты, сказавъ правду, осмѣянь! Эти мысли
 бродили въ моей головѣ со вчерашняго дня;
 отъ чего родились? умолчу.

Жарко, однако гулялъ. За обѣдомъ у Губернатора были Н. Н. Раевскій, Графъ Ланжеронъ, А. М. Бороздинъ съ голубою достойною почтенія дочерью своею, фамилія Офрейны и другіе; — я сидѣлъ между Леон. . . . и М. А. Бор. . . . — обѣ умны; мнѣ было весело, пѣлъ болѣе, чѣмъ любезныя дѣвицы заставляли меня говорить языкомъ ученаго, но не педагогически; ибо я у *Русскихъ* только учился, и сей науки не знаю; дѣвицы жалѣли, что обѣдъ кончился, и я шожѣ; довольный, пошелъ ходишь; погода прекрасная; посидѣлъ у двухъ умненькихъ дамъ, повалясировалъ у Офр., ужиналъ у себя; читалъ и писалъ долго. Опять, усмѣхнувшись, враги счастья ближняго скажущъ: опъ чего я люблю молодость, будучи самъ немолодъ? Отверчаю:

Люблю пріятную я младость
Съ душею Ангельской — простою;
Вкушаю я тогда лишь радость —
Коль зрю невинность съ красотою;

Доволенъ, коль встрѣчаю взгляды —
Веселья полны и утѣхъ;
Не нужно больше мнѣ ошрады,
Блаженіе Царей я всѣхъ.

Люблю въ бесѣдѣ съ красошами

Длишь и время и покой,

Когда прекрасныя и сами

Открыши мнѣ своей душой;

Тогда и я судьбѣ послушенъ,

Не лью и я горячихъ слезъ,

Къ чужимъ, къ богатству равнодушенъ,

Вкушаю радости Небесъ.

10-го Сентября. Симферополь. — Дума
мѣшала мнѣ спать; душею желаю быть
въ С. Петербургѣ; но обязанъ повиноваться
своей участи: *давши слово держись*,
говорятъ Русскіе, *а не давши крѣпись*;
шериѣніе все преодолеваешь, но — шерпѣть
должно, на равнодушіе упираясь, и гово-
ришь чаще себѣ самому: *въ міръ все при-
ятно, и нѣго нѣтъ невозможнаго*, осо-
бенно для сердца; *только стремись къ
одной цѣли, и вѣрно достигнешь*; волна
прокладываетъ себѣ дорогу, стараясь
оную найти; вода, капля за каплею па-
дающая, пробиваетъ твердый камень,
и теловѣкъ, ведя себя кротко, дѣйствуя
смирненно, рано ли, поздно ли, нехотя за-
ставляютъ молить коварство; добродѣтель
же вездѣ встрѣчается и провожаетъ его.

Приглашенный ѣздилъ въ Сабли, вмѣстѣ съ хозяиномъ своимъ и товарищемъ; жарко, даже въ горахъ. Много было за обѣдомъ, и высокопарныя разговоры о разныхъ предметахъ, заславили меня не внимашь онымъ; *адъ ось совершилъ, тутъ угнѣлся негѣму*; я, сидя между дѣвицъ, учился бышь крошкимъ; непорочная любовь мало по-малу върадывалась въ сердце мое; какъ весело! И въ самомъ дѣлѣ, сказалъ умнымъ и любезнымъ сосѣдкамъ своимъ:

Любишь для жизни, для блаженства,
Къ богатству не искашь путей,
Лишь въ дружбѣ видишь совершенства,
Сосѣдямъ не ковати съней —
Вотъ жизнь правая, жизнь святая,
Жизнь, въ которой жить хочу.

Юныя дѣвицы согласны были со мною; много пріятношней услышала оныя ихъ. Похвала оныя невинности превосходнѣе похвальныхъ словъ всѣхъ Академій; по крайней мѣрѣ, въ этихъ чувствахъ и смерти меня заспанеть.

Послѣ обѣда гуляли въ саду, попомъ танцевали; не могу сказать, члюбъ мнѣ весело было, хопя дѣвицами, хозяиномъ и

Еж. О. О. — очень доволенъ; но вынужденъ былъ двумъ дамамъ, не смотря на красоту ихъ, сказать *колкія истины*: объ покраснѣли и сдѣлались предлюбезными. Дай Богъ, чѣмъ мой урокъ послужилъ и впредь имъ въ пользу. При прощаніи, гостепріимный А. М. и хорошо образованная дочь, благодарили *прямо*, за посѣщеніе — и за живосінь моего нрава. — Въ 10 часовъ вечера пріѣхали домой; Барановъ, приглася меня въ свой кабинетъ, куда вскорѣ явился и поварищъ мой, чпшаль намъ Броневскаго мысли о южноиъ *берегѣхъ Крыма*; ошлично написано, краснорѣчиво, догически; умно, дѣльно; мало у насъ шаковыхъ писателей! — Въ концѣ сихъ мыслей Броневскаго сказано почти такъ: когда все выполнишся по его обдуманному предположенію, *тогда лвишся фруктовый садъ на 250 верстахъ, достойный великія и славы Россіи*. Сіе чпеніе усладило меня; но едва вошелъ къ себѣ; думая предаться безмятежному сну, мечты являлись мнѣ, я вскочилъ, попросилъ огня и вошь что написалъ:

На прошѣдшихъ дняхъ не токмо я разсердился на невѣжу, но даже онъ успѣлъ огорчить меня; шеперь ясно вижу, что мудрый Сократъ справедливо ска-

залъ: *это лучше быть мертвымъ, нежели невѣжею*, лучше бышь простымъ незначущимъ человѣкомъ, нежели получишь глупое, то есть: модное воспишаніе, болтаешь на многихъ языкахъ, и ни на одномъ не умѣешь мыслишь. Злодѣй менѣе можешь сдѣлать зла, нежели невѣжа или худо воспитанный; пропивъ злодѣя поставишь себя въ оборонительное положеніе, а пропивъ глупца, невѣжи, невоспитаннаго, чѣмъ прикажете оборониться? — Ничто меня такъ не беспокоитъ, какъ молодой челоуѣкъ со способностями, Богомъ данными; проводишь время въ праздности и, кажется, съ удовольствіемъ обнимаешь съ невѣжесствомъ, не предвидя, что самъ себя готовишь несносную старость; не знаешь и того, что *невѣжа не можетъ быть добрымъ челоуѣкомъ*; ибо невѣжество воспрещаетъ ему понимать, что другіе дѣлаютъ и что онъ самъ дѣлаетъ. Невѣжа не можетъ быть ни хорошимъ начальникомъ, ни хорошимъ подчиненнымъ. Воже упаси! ежели невѣжа богатъ — всѣ должны шерстить отъ него, хотя всѣ презираютъ его; однако есть невѣжи хищные, уклончивые, кои выигрываютъ въ большомъ свѣтѣ, *изостію, лестію, подлостію*; эти люди опаснѣе самыхъ хищныхъ

лютыхъ звѣрей. Бѣдный невѣжа только вреденъ самому себѣ и малому кругу своихъ ближнихъ; сего можно и унять; съ богатымъ невѣжею кѣмъ сладишь? Невѣжа щедръ до распотчивельности, скупъ до гнусности, и все его дѣянiя безчестяишь человеческое достоинство. Сiе краткое описанiе невѣжи да послужить урокомъ, и да юношество прилѣпится къ учению, къ истинному образованiю себя. —

Давно уже за полночь, а мнѣ пришла мысль объ одной молодой особѣ, которой спавши съпи, и она — по невинности своей, можешь попастъ въ оныя, и какъ ошперечь, мало знакомую! Богъ да поможетъ ей; она несчастная доведена до пропасти; единъ шагъ немѣрный, мигъ, и низринется; поздно уже раскаянiе. Горѣ! горе тебѣ, младость неопытная; естли любовныя прелести соблазнили твою невинность; скоро изобразишься въ разсѣянныхъ взорахъ, что душа твоя лишена пищи, свойственной дѣшамъ твоимъ; веселость невозвратно пошеряна, спокойствiе исчезло; посреди смѣховъ, унынiе слѣдитъ тебѣ; все, повноряю, веселился вокругъ тебя, ты одна не чувствуешь радости; улыбка оплелъла ошь тебѣ; померкли розы на щекахъ твоихъ, блескъ

красоты примѣнно исчезаетъ; печальная
бѣдность замѣняетъ ее; снѣдаемая вну-
шренно, представляешь изъ себя образъ
потухающаго свѣтильника, минушій
умирающій свѣтъ испустившаго и исчез-
шаго въ вѣчной мрачности. Спрашию дой-
ти до такого положенія! Но что скажешь
объ обольстителѣ, о водворителѣ несча-
стія доселѣ счастливаго семейства? Есть
совѣсть и у него, она не даетъ ему по-
кою ни днемъ ни ночью; Фурѣмъ непре-
станныо окружають его, онъ мучится до
скончанія жизни своей, и прокладшія це-
сущся и за гробомъ его.

11-го Сентября. Симферополь — По-
слѣ безпокойнаго сна, сидѣлъ у себя и чи-
тая газетъ, душею страдавъ, размышляя,
что всѣ говорятъ о просвѣщеніи, особен-
но Англіи и Франціи, а гдѣ болѣе несча-
стныхъ жертвъ! Боже спаси Россію отъ
подобнаго просвѣщенія; въ сіе время во-
шелъ ко мнѣ Графъ Ланжеронъ: я покра-
снѣлъ отъ неожиданнаго посѣщенія, — но
Графъ всегда былъ учивъ, и пѣлъ коне-
чно пріобрѣтаетъ общее къ себѣ уваже-
ніе честныхъ людей. Поговоря о многомъ,
оплакаяся; благодарностию моею провожа-
ла Его Сіятельство. Званный, обѣдалъ у
Князя Балашука; приглашенныхъ не болѣе

20-ти; три дамы были за обѣдомъ: Графиня Ланжеронъ, супруга Дивизионнаго Генерала Удома и Ек. Ос. Офрейнъ. Князь Балашукъ угощаль прежде Тангарскими жирными блюдами и своимъ Крымскимъ виномъ, потомъ уже пошли блюда обыкновенныя и вино Французское; довольно весело было. — Пока еще солнце не закатилось, посѣтилъ я Ген. М. Турчанинова: его дома не заспалъ, за то супруга его, своимъ милымъ, умнымъ разговоромъ утѣшила меня; все въ ней хорошо, двадцать второй годъ, мать троихъ дѣтей, сама кормить, и — тѣмъ болѣе заслуживаешь вниманіе. Отсюда пошелъ къ ея мапущкѣ Г. Шос.; почтенная женщина съ многочисленнымъ семействомъ; дочь ея Алек. Андр. съ крошесцію умна, наружности привлекательна, глаза значительны, близна необыкновенна, можно сказать:

Вокругъ ея прекрасной шеп

Любовь разсыпала лиси.

Вечеръ сидѣлъ въ счастливейшемъ семействѣ Оф., гдѣ разговоръ всегда живой, и часто пріятно-поучительный; зашла рѣчь о счастьи. Сколько яковъ спорить, пригнущъ, доказывающъ, и ницко

опредѣлительно не сказать, въ чемъ можно находить истинное счастье. Одни говорили, что тошъ счастливъ, кто меньше имѣетъ желаній. Другіе: когда все желанія выполняются. Иные: не имѣть никакихъ желаній, и быть довольнымъ во всемъ слугая въ семь колесаткомъ мѣръ. Нѣкошорые: въ уменьшеніи нашихъ желаній. Софисты швердили и шверданты: въ распространеніи нашихъ способностей, и въ познаніи всего, что извѣстно! Мудрые мужи находили счастье въ томъ, чтобы быть здоровымъ — душею и тѣломъ, — и такъ далѣе; кажется мнѣ, и душа даже моя согласна, что мудрый Сократъ поднималъ покровъ, зашѣняющій истинное счастье; онъ говорилъ: тотъ счастливѣйшій изъ смертныхъ, кто радуется счастью, блаженству ближнего. Христианамъ же находить счастье въ томъ, чтобы не токмо прощать обидѣшаго его, врага его, но и дѣлать добро, кто содѣлалъ ему зло. О, еслибы мы слѣдовали сей послѣдней истинѣ! Сколько бы дѣвъ безмятежныхъ прибавили къ жизни своей.

12-го Сентября, Симеополь. — Воскресенье, былъ у обѣдни; служба продолжалась болѣе двухъ часовъ; приходило

чужимъ принимали слову Божию; полковые пѣ-
чіе жорядно пѣли; но — оныя желанія пре-
возмоуть себя, часно ошибались, или де-
монизировали; во всѣхъ случаяхъ, человекъ,
свѣдѣнійся казаться шѣмъ, чѣмъ онъ не
есть, спановишся смѣшнымъ. Во время
служенія, видѣлъ Лео..... съ слезящими
глазами, съ умиленіемъ молилась по-Ка-
толически; сеспра ея Зен..... съ бла-
гоговѣніемъ впериди въ алтарь глаза свои;
какъ примѣшно воспишаніе, данное роди-
телями; рѣдко и лучшіе гувернеры и гу-
вернантисми занимающся Закономъ Божиимъ.
До шрехъ часовъ посѣщаль многихъ, осо-
бенно дамъ; обѣдалъ у Оф. — какъ всегда,
доводень, казалось и — мною довольнымъ;
даже одна особа, которой я говорилъ пол-
новѣсную правду, призналась въ неоспо-
рожности своей, и дала слово впредь вос-
пользоваться моими доказательствомъ;
кто поспоришь, что дружба взыскашель-
нѣ любви, а пошому дружбою шупишь
не должно, шѣмъ болѣе, что нынѣ ошъ
накъ называемаго *утонченнаго воспитанія*,
дружба спановишся рѣже и рѣже, —
слѣдшвенно все приказываетъ оную цѣ-
нить и оною дорожить. Заходилъ къ Дес-
серъ; любезны, а Эсмераль заощадила меня
много смѣяшся, сказавъ какъ бы съ он-

кровейностию и покраснѣвъ, что въ меня
можно и влюбиться; хотя это и шутка
была, но мнѣ весело стало; пришедъ до-
мой, грусть предстала глазамъ моимъ; я,
отвратясь отъ нее, молился Богу, про-
ся — скорѣ перенести меня въ С. Не-
стербургъ.

До двухъ часовъ ночи читалъ, мыс-
лилъ, писалъ; разныя чувства лишили ме-
ня покоя; отъ С. Нестербурга начиная,
быстро переходилъ изъ губерніи въ губер-
нію, изъ города въ городъ; горько вздо-
хнулъ, обращаясь къ себѣ самому и къ
ближнимъ; въ такомъ расположеніи духа,
вещь что излилось изъ пера моего:

Сажу одинъ, въ печаль глубокую погруженный,

Сажу одинъ, въ мертвой тишинѣ,

Не слышу вкругъ себя

Ни гласа, ни движенья,

Молчанье только прерываешь

Стоишь сердца моего.

Сердце больно уязвлено

Ядовитою стрѣлой,

Ужъ исчезъ покой душевный,

Жаръ погасъ въ крови моей,

Одна недвижность плачевна

Продолжаешь дѣя мой.

Не любовь одна причиной
 Чтѣ утѣхъ не пахоу
 Въ шумныхъ играхъ и бесѣдахъ,
 Въ кругу многихъ милыхъ мнѣ,
 Гдѣ я прежде веселился
 И въ восторгѣ хохоталъ.
 Если другія оторчеи,
 Раздирають болячо душу;
 Какъ же плакать, не терзаться,
 Видя злость какъ торжествуетъ,
 Честность стонетъ — умираетъ,
 Оставляешь голодь дѣламъ.

Мнѣ говорятъ, и часно, если пла-
 кать о бѣдствіяхъ рода человѣческаго,
 то лучше не жить, безъ того де жизнь
 крашка, и пошому надо наслаждаться,
 оставишь людей, а думать шолько о се-
 бѣ самомъ. Эти слова эгоистовъ или се-
 бя-любцевъ, еще болѣе пираняшъ меня.
Эгоистъ или *Есмій*, по мнѣнію общему,
 не что иное, какъ *животное*, имѣющее
 видъ человѣческій — и болѣе ничего; онъ
 злѣе любящихъ звѣрей, ибо холодное
 равнодушіе его къ бѣдствіямъ себѣ по-
 добныхъ, превышаетъ самую злость. *Эго-*
исты извѣжны, подлы, когда идешь
 дѣло до ихъ лица; горды и несносны, ко-

гда счастье имъ везетъ; чѣмъ не превоз-
жишь себя, оставляю перо и съ моли-
вою предаюсь ему.

13-го Сентября. Симферополь. — Рано
всталъ и занялся чтеніемъ чужихъ дѣло-
выхъ бумагъ; вездѣ того желаютъ, что
противно законамъ и здравый разсудокъ
не принимаетъ; *софизмами* и *двоесмы-
слиемъ* ополчаются противъ истины; горь-
ко читать! но образованный Русскими,
безъ всякихъ риторическихъ фигуръ ска-
залъ, что просили просятъ того, чего
нельзя выполнить; поплакали и пошли
отъ меня; ежели же есть у нихъ капля
справедливости, они должны меня благо-
дарить, что вывелъ ихъ изъ заблужде-
нія. . . . Сего-дня былъ прошенъ ѣхать въ
Бакчисарай; я не повѣхалъ, чѣмъ дока-
зать молодымъ людямъ, что имѣю харак-
теръ, что *густую* себя. Обѣдалъ у О.,
всегда счастливъ и доволенъ: шутъ была
прекрасная спаруха 17-ми лѣтъ Е. И.
Н. — Чѣмъ за любезность, чѣмъ за оспро-
та съ кротостью! ханъ кому можешь
вскружить голову своимъ невиннымъ об-
ращеніемъ. — Вечеръ; на дворѣ луна нѣжно
освѣщала; я взялъ шоську съ собою, по-
шелъ ходить по шумному городу, встрѣ-
тивъ Е. М. Б. гуляющую тоже, и позади

ея Арапъ; замѣтивъ по разговорамъ моимъ,
 что я не въ шарелкѣ своей, предложила
 свою руку, водила до усталости, и со-
 пушествовавшую прежде шоску заспавила
 скрышью; благодарилъ душевно. Доволь-
 ный, пришелъ къ себѣ; послѣ Леинскаго
 ужина, чиналъ и вспомни преняго дня
 разговоръ, пишу оный. Начали даже упре-
 ки мнѣ дѣлать, для чего я предпочитаю
 общества нѣжнаго пола, передъ мушца-
 ми? Поштому, ошвѣчалъ я, что женскій
 полъ, особенно нынѣ, проовѣщеннѣ му-
 щинъ, слѣдственнѣ любезнѣ, и поштому,
 что съ дѣшества по сіе время кромѣ доб-
 ра, во вѣхъ родахъ, ничего другаго ошъ
 нихъ не видѣлъ; ежели иногда и огорчали
 меня, я пѣхъ включалъ въ число муштинъ
 и успокоивался. Чшобъ не любить и не
 почипать нѣжный полъ, надобно имѣть
 причины, — напрымѣръ; Исторія намъ ое-
 ставила о Шведскомъ Королѣ Карлѣ XII,
 слѣдующее: съ дѣшества сей Король лю-
 билъ заниматьсѣ огнеопрѣльнымъ оружі-
 емъ; будучи лѣтъ шринадцати, Генераль
 Штейнбокъ и его училель по военнымъ
 частямъ, подарилъ ему однимъ вечеромъ
 24 пушечки. Карлъ XII такъ былъ симъ
 доволенъ, что неперпѣливо ждалъ ушра,
 чшобъ возблагодарить Генерала. До свѣту

побѣжалъ къ нему; долго спускался у дверей; наконецъ дѣвка отворила, и Карлъ принесъ свою благодарность, лежавшему въ постель Шпейнбоку. При выходѣ, также дѣвка провожала со свѣчею Карла, который замыня прекрасную Далекарлаку, вздумалъ пошутить, и — какъ удивился, получа сильную пощечину! Вотъ причина, что Карлъ возненавидѣлъ ибжнѣйшій полъ, и даже не любилъ и встрѣчаться съ онымъ. Сей отъвѣтъ мой заспашилъ молчаніе господъ нападающихъ.

